

Верхотурский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник
Исторический отдел

Вестник истории
Верхотурского уезда

Выпуск 10

Екатеринбург
2019

ББК 844 (10)18
УДК 220 (440)
В 57

Редакционная коллегия:

А.Г.Борисов, Л.А.Двинских, И.А.Фомичёв

Рецензент: д.и.н. Е.Ю.Казакова-Апкаримова, доцент, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН

Десятый выпуск «Вестника истории Верхотурского уезда» выходит в год, ознаменованный целым рядом значительных для Верхотурского уезда дат. 230 лет назад в городе Верхотурье было открыто уездное народное училище. Исполняется 175 лет со дня рождения А.А.Ауэрбаха, горного инженера, главноуправляющего Богословским горным округом, основателя города Надеждинска (ныне город Серов). 125 лет минуло со времени закладки Надеждинского сталерельсового завода. 100 лет назад на территории Верхотурского уезда завершились военные действия периода Гражданской войны.

ISBN 2-1893-2010-3

© Учредители сборника: А.Г.Борисов, И.А.Фомичёв, 2019 г.

© Авторы статей, 2019 г.

Поколенная роспись Шадриных

Шадрины

верхотурские городовые крестьяне, посадские, мещане и купцы
(г.Верхотурье, Богословский, Надеждинский и
Николае-Павдинский заводы, Турьинские рудники)

I

1. Микифор *

II

2-1. Федот (Федотко) Микифоров Шадрин * 1-я половина XVII в. +
п.10.1683.

Подгородный пашенный крестьянин г.Верхотурья, имел свой двор в городе (1666). Родился в Важском уезде в Топецкой волости в деревне Осередкине, государственный крестьянин, «в Сибирь пришел и живет в Подгородной волости со 139 г....Государя пашни пашет чет десятины в поле, а дву потому ж. А собинной у него пахоты десятина с четю, а в дву потому ж. И сверх указу в пахоте ево лишка нет. Сенных у него покосов около поль на пятьдесят копен». В 1682 целовал крест на верность царям Ивану и Петру Алексеевичам.

III

3-2. Дейко Федотов *ок.1656 (1662) + п.1682.

В 1682 целовал крест на верность царям Ивану и Петру Алексеевичам.

4-2. Андрей (Андрюшка, Ондрюшко) Федотов *ок.1665 (1653, 1660) + п.1719

В 1682 целовал крест на верность царям Ивану и Петру Алексеевичам. Верхотурский подгородный пашенный крестьянин Пердуновского десятка «пашет великого государя десятинную пашню по чети десятины в поле, а в дву потому ж» (1709). «А подати всякие платит со своею братьею крестьянами в ряд» (1710). Крестьянин живет в г.Верхотурье и имеет свою пашню (1719). После крестьянин Подгородной слободы, приписанный к Гороблагодатским заводам.

Ж. Матрона *ок.1688 + п.1710.

IV

5-4. Парасковья Андреева *ок.1692 + п.1710.

6-4. Василий Андреев *ок.1695 + п.1710.

7-4. Афанасий (Офонасий) Андреев *ок.1699 (1701) + п.1719/до 31.05.1755.

Государственный крестьянин Подгородной слободы, приписанный к Гороблагодатским заводам.

8-4. Меланья Андреева *ок.1709 + п.1710.

9-4. Гаврило Андреев *ок.1714 + п.1719/до 31.05.1755.

Государственный крестьянин Подгородной слободы, приписанный к Гороблагодатским заводам.

10-4. Марфа Андреева *ок.1722 + п.1782.

М. (до 1752) Афонасий Спиридонов сын Поливаев *ок.1725 + 1775.

Государственный крестьянин г. Верхотурья.

V

11-7. Василий Афанасьев *ок.1736 + п.31.05.1755.

12-7. Сергей Афанасьев *ок.1745 + 1783.

Государственный крестьянин Меркушинской волости, приписанный к Гороблагодатским заводам.

Ж. (до 1766) Палагия Трофимова *? + п.1783.

«По смерти мужа своего вышла в замужество за собственного господ Походяшиных человека Ивойла Пушкина».

13-9. Дмитрий Гаврилов *1751 (1752, 1753) + 2.06.1827 от старости.

«По указу Пермской Казенной Палаты от 24 декабря 1790 г. под № 4695, здесь полученному 9-го января 1791 г.» Меркушинской волости крестьянин, а жительствующий в городе, записан в верхотурский посад (в верхотурские мещане). Верхотурский купец (1800), мещанин (31.08.1803), купец (15.02.1804), мещанин (26.05.1810), посадский (14.03.1816), мещанин (1823).

Ж. (до 1773) Марфа *ок.1749 (1750) + 26.05.1810.

Дочь Дорофея Каргаполова, крестьянина деревни Каргаполовой Салдинской волости.

VI

14-12. Леонтий (Лев) Сергеев *ок.1766 (1767) + 1794.

Верхотурский городской государственный крестьянин (12.05.1785). Находился под следствием в Верхотурской нижней

расправе за, «якобы неумышленное застреление из ружья ямщицей дочери девочки Матрены Осиповой Шелеповой» (12.05-20.06.1785). «По указу Пермской Казенной Палаты от 6 апреля под № 1342, а в городском магистрате полученном 7 мая 1794 г., из крестьян Меркушинской волости» записан в верхотурский посад (в верхотурские мещане).

Ж. (до 26.06.1795) Евфимия *ок.1759 + п.26.06.1795.

Дочь Никифора Копосова, мещанина г. Верхотурья.

15-12. Степан Сергеев *ок.1769 (1760) + 16.07.1836, от старости, г.Верхотурье.

«При сочинении ныне о ревизии ведомости подал в городской магистрат при доношении формальную сказку о семействе своем и желает по имеющимся у него в городе Верхотурье доме из стари жительству записаться в мещане, но о записке их от Пермской Казенной Палаты указанного повеления в получении здесь не имеется, для чего он и показаны от мещан особо» (26.06.1795). «Подзаводской» крестьянин Лялинской волости, прихода Покровской церкви г. Верхотурья (19.07.1806), государственный крестьянин д. Глазуновой (она же Петухова) Салдинской волости Верхотурского уезда, прихода Покровской церкви г. Верхотурья (14.06.1810).

Ж.1 (до 1790) Варвара *ок.1768 + п.26.06.1795.

Дочь Семена Гоголюхина, посадского г. Верхотурья.

(?) Ж.2 Зиновия Васильева *ок.1777 + 10.03.1843 от старости, г. Верхотурье.

Вдова государственного крестьянина д. Глазуновой Верхотурского уезда, прихода Покровской церкви г. Верхотурья (10.03.1843).

16-12. Опросинья Сергеева *ок.1771 + п.1782.

«Находится в отлучке, а где именно не известно» (20.07.1795).

17-12. Евдокия Сергеева *ок.1774 + п.1782.

«Находится в отлучке, а где именно не известно» (20.07.1795).

18-12. Иван Сергеев * ок.1779 + 1787.

19-13. Анна Дмитриева *ок.1773 (1777) + п.26.06.1795.

М. (до 26.06.1795) Иван Никифоров Корчемкин *ок.1775 + п.26.06.1795.

Мещанин г. Верхотурья.

20-13. Степан Дмитриев *ок.1775 + п.1794.

В 1794 «неведомо куда бежал».

21-13. Яков Дмитриев *ок.1780 (1781) + п.1.11.1836.

Купеческий сын (8.11.1803); мещанин (29.08.1806); верхотурский посадский, в 1812 г. за преступление отдан в военнорабочие. Солдат (1.04.1827-27.10.1829), рядовой солдат инвалидной команды г. Верхотурья (1.11.1836).

Ж. (до 1800) Евдокия (Авдотья) *ок.1779 (1781) + п.29.08.1825.

(?) Дочь Афанасия Скорнякова, мещанина г. Верхотурья. Солдатская жена (17.10.1815), солдатка (18.05.1820-29.08.1825).

22-13. Петр Дмитриев *ок.1781 (1782) + 1856.

Купеческий сын (15.02.1804), мещанин (20.04.1808), верхотурский посадский (14.03.1816), мещанин (2.12.1816).

Ж.1 (15.02.1804) Пелагея *ок.1779 + п.12.1818.

Дочь Степана Серебренникова, дьякона Спасо-Преображенской церкви Красногорского погоста Верхотурского уезда.

Ж.2 (до 22.10.1822(?)) до 27.10.1829) Василиса (Васса) Матвеева *ок.1786 (1790) + п.18.03.1858.

(?) Дочь Матвея Федорова Барихина, мещанина г.Верхотурья.

23-13. Гавриил (Гаврило) Дмитриев *ок.1784 (1785) + п.29.05.1807.

Купеческий сын (14.05.1806), купец (23.06.1807).

Ж. (14.05.1806) Евдокия *ок.1782 + 23.06.1807.

Дочь Степана Рожина, ямщика г. Верхотурья.

24-13. Михаил Дмитриев *ок.1786 (1787) + 1823.

Верхотурский мещанин (10.02.1811), верхотурский посадский (14.03.1816), мещанин (1823).

Ж (до 10.03.1811) Соломея (Соломонида) *ок.1790 + п.16.04.1834.

25-13. Матвей Дмитриев *ок.1789 (1790, 1791) + 1844

Верхотурский посадский (14.03.1816), мещанин (21.10.1817, 1844); купец, церковный староста Свято-Троицкого собора г.Верхотурья (1843).

Ж.1 (23.01.1814, г.Верхотурье, Покровская церковь) Варвара *ок.1795 + п.14.03.1816/до 21.10.1817

Дочь Ивана Желвакова, мещанина г. Верхотурья, прихожанина Зарецкого прихода.

Ж.2 (21.10.1817, г.Верхотурье, Покровская церковь) Анна *ок.1798 (1801) + 28.03.1874 от старости, Турьинские рудники.

Дочь Николая Петрова Кузнецова, мещанина г. Верхотурья, прихода Покровской церкви. Вдова верхотурского мещанина (12.01.1851), вдова верхотурского купца 3-й гильдии (18.10.1855, 1857, 20.06.1860).

(?) 26-13. Устинья Дмитриева *? + п.6.11.1823.

М. (до 6.11.1823) Василий Кузнецов *? + п.6.11.1823.

Мещанин г. Верхотурья.

VII

27-15. Сергей Степанов *ок.1801 + 24.12.1822 от чахотки, г. Верхотурье.

Государственный крестьянин д. Петуховой (она же Глазунова) Лялинской волости Верхотурского уезда, прихода Покровской церкви г. Верхотурья (24.12.1822).

28-15. Иван Степанов *19.07.1806 + п.2.05.1840.

Государственный крестьянин д. Глазуновой Салдинской волости Верхотурского уезда, прихода Покровской церкви г. Верхотурья (24.01.1829).

Ж. (24.01.1829) Агафия *ок.1807 + п.24.01.1829.

Дочь Афанасия Михайлова Паршина, государственного крестьянина д. Матафоновой Красногорского села Верхотурского уезда.

29-15. Агриппина Степанова *14.06.1810 + 1.08.1810.

(?) 30-15. Варвара Степанова *? + п.13.12.1830.

М. (до 13.12.1830) Семен Андреев Сергеевых *? + п.13.12.1830.

Государственный крестьянин д. Глазуновой Салдинской волости Верхотурского уезда.

31-21. Евдокия (Авдотья) Яковлева *ок.1803 (1804) + 29.08.1825 от чахотки, г. Верхотурье.

32-21. Анна Яковлева *30.01.1807 + п.7.12.1851.

М. (07.1828) Николай Михайлов Толстых (Толстов) *ок.1798 + п.7.12.1851.

Сотник казачьей команды г. Верхотурья, прихода Свято-Троицкого собора.

33-21. Иван Яковлев *4.01.1809 + п.18.03.1858.

Мещанин г. Верхотурья, прихода Свято-Троицкого собора (3.07.1830), прихода Покровской церкви (4.02.1850).

Ж. (3.07.1830) Зоя Кириллова *ок.1812 (1814) + п.18.03.1858.

Дочь Агриппины Алексеевой Кокшаровой, вдовы казака г. Верхотурья.

34-21. Федор Яковлев *13.02.1811 + 30.07.1834 утонул.

Мещанин г. Верхотурья (16.04.1834).

Ж. (до 1834) Анастасия Васильева *ок.1813 + п.18.03.1858.

35-21. Ольга Яковлева *10.07.1812 + 21.07.1812.

36-22/1. Екатерина Петрова *14.11.1804 +

37-22/1. Александра Петрова *20.04.1808 + 21.04.1808.

38-22/1. Агапия Петрова *5.04.1809 +

39-22/1. Федор Петров *ок.12.1814 + п.6.07.1838/до 25.01.1849.

Мещанин г. Верхотурья (16.04.1834). Взят в рекруты (1838).

Ж. (до 16.04.1834) Наталия Михайлова *ок.1807 + п.6.12.1851.

Солдатская вдова (25.01.1849).

40-22/1. Дмитрий Петров *15.10.1815 + 25.04.1841 от чахотки, Богословский завод.

Мещанин г. Верхотурья (25.04.1841).

41-22/1. Николай Петров *2.12.1816 + п.6.11.1859.

Мещанин г. Верхотурья (29.11.1841).

Ж. (5.02.1840) Анна *ок.1819 + п.6.11.1859.

Дочь Иосифа (Осипа) Максимова Толмачева, государственного крестьянина д. Толмачевой Топорковской волости Верхотурского уезда.

42-22/?. Иван Петров *22.06.1819 + 1.07.1819 от родимца.

43-22/?. Александра Петрова *17.05.1820 +

44-22/?. Никифор Петров *1.06.1821 + 18.06.1821 от поноса.

45-22/?. Иван Петров *4.12.1822 +

46-22/?. Павел Петров *5.11.1823 + 26.11.1823 от родимца.

47-22/?. Параскева Петрова *11.10.1824 + 24.11.1824 от родимца.

48-22/?. Иван Петров *23.09.1825 + 25.10.1827 от родимца.

49-22/2. Степан Петров *27.10.1829 +

50-23. Феодосия Гаврилова *29.05.1807 + 30.05.1807.

51-24. Василий Михайлов *ок.1809 + 16.03.1811.

52-24. Дарья Михайлова *10.03.1811 + 15.06.1811.

53-24. Василий Михайлов *ок.11.1813 + п.18.03.1858.

Мещанин г. Верхотурья (16.04.1834).

Ж. (до 1834) Мария Яковлева *ок.1814 (1816) + п.18.03.1858.

54-24. Александра Михайлова *ок.1814 + п.14.03.1816.

55-24. Дмитрий Михайлов *ок.11.1815 + 1817.

56-24. Иван *ок.1825 + 1852.

57-25/2. Иван Матвеев *28.03.1819 + 13.07.1819 от родимца.

58-25/2. Ольга Матвеева *8.07.1820 + 20.07.1820 от родимца.

59-25/2. Дмитрий Матвеев *17.10.1821 + 13.06.1866 от водянки, г.Верхотурье.

Мещанин г. Верхотурья (30.04.1838), указом Пермской Казенной Палаты от 17.01.1852 за № 364 причислен к купцам 3-й гильдии г.Верхотурья. Верхотурский 3-й гильдии купеческий сын (1.01.1858).

Ж. (до 5.02.1845) Евдокия (Авдотья) Зиновьева *ок.1826 + п.7.11.1888.

Вдова верхотурского мещанина, жительница г. Верхотурья (7.11.1888).

60-25/2. Прокопий Матвеев *6.07(08).1824 + 24.01.1903 от старости, Турьинские рудники.

Мещанин г. Верхотурья (11.12.1840), житель Турьинских рудников (1847-1903), верхотурский купец (16.10.1855), бургомистр Верхотурского городского магистрата (1862), верхотурский купеческий сын (1862-29.10.1872), попечитель Турьинского земского начального мужского училища (5.03.1872-14.04.1875), верхотурский купец (19.09.1873). Верхотурский купец 1-й гильдии, церковный староста. Определен к заведыванию церковей Максимовской и кладбищенской Михайло-Архангельской с жалованьем от казны по 44 руб. в год, которое он в 1883 г. жертвует на добавку жалованья церковным сторожам в течении «сей своей службы» (1880-1883). Член Богословского отделения Екатеринбургского епархиального училищного совета (1891-1899), потомственный почетный гражданин, попечитель Турьинской церковно-приходской школы (1900), торговля мануфактурой, бакалейными, галантерейными и колониальными (чай, сахар) товарами в Турьинских рудниках, Надеждинском заводе (1897-1906), Богословском заводе и д. Филькиной Турьинской волости (1897-

1899), с.Никито-Ивдельское (1899), вином в Турьинских рудниках (1900-1906).

Ж. (5.11.1847, Турьинские рудники) Фавста *ок.1828 (1830, 1831) + 8.12.1908 от апоплексии. Похоронена на кладбище при Михайло-Архангельской церкви Фроловского рудника.

Дочь Феофилакта Иванова Первухина, унтер-шихтмейстера Турьинских рудников.

61-25/2. Василий Матвеев *7.03.1826 + 18.04.1826 от поноса.

62-25/2. Капитон Матвеев *5.03.1827 + 27.11.1894 от болезни почек, Богословский завод.

Верхотурский мещанин (30.06.1845), «верхотурский 3-й гильдии купеческий сын», житель Богословского завода (18.02.1852), «верхотурский 2-й гильдии купеческий сын» (11.10.1868), верхотурский купеческий сын (30.09.1869), верхотурский купец (17.02.1873), купец 2-й гильдии (22.01.1877), член Богословского отделения Екатеринбургского епархиального училищного совета (1891-1893).

Ж. (6.05.1851, г.Верхотурье, Покровская церковь) Александра *ок.1828 (1829, 1832) + 18.10.1912 от старости, Богословский завод.

Дочь Евдокима Яковлева Выборова, верхотурского купца 3-й гильдии. Купчиха 2-й гильдии (1897, Богословский завод). Торговля бакалейными и колониальными товарами в Богословском заводе (1897-1899, 1907-1911), Надеждинском заводе (1897-1899, 1907-1909), с.Никито-Ивдельском (1897-1901, 1907-1909), д.Филькиной Турьинской волости (1897-1899, 1907-1915), галантерейными товарами в Богословском заводе (1897-1906), Надеждинском заводе (1897-1899, 1907-1909), мануфактурой в Богословском заводе (1897-1911), Надеждинском заводе (1897-1909), с.Никито-Ивдельском (1897-1909), д.Филькиной (1897-1899, 1907-1909), д.Марсята (1907-1909), вином в Богословском и Надеждинском заводах (1900-1909), мукой и хлебом в с.Никито-Ивдельском (1902-1911).

63-25/2. Степан Матвеев *27.03.1829 + 15.07.1829 от родимца.

64-25/2. Мария Матвеева *6.07.1830 + 22.07.1830 от поноса.

65-25/2. Александра Матвеева *ок.1831 + 1.08.1847 от оспы.

66-25/2. Татьяна Матвеева *12.01.1834 + 5.05.1834 от родимца.

67-25/2. Анна Матвеева *21.03.1835 + 29.07.1835 от поноса.

68-25/2. Иван Матвеев *27.03.1837 + 24.10.1912 от старости, Турьинские рудники.

«Верхотурский 3-й гильдии купеческий сын» (19.02.1852), верхотурский мещанин, житель Турьинских рудников (1855), верхотурский купец (ТР, 16.08.1873), купец 2-й гильдии (1.08.1874). Торговля бакалейными товарами в Турьинских рудниках (1897, 1902-1909, 1913-1914), Надеждинском заводе (1897-1899, 1902-1909, 1913-1914), д.Филькина (1897-1899), г.Верхотурье (1913-1915), галантерейными товарами в Турьинских рудниках (1897, 1900-1901, 1911), Надеждинском заводе (1897-1901), мануфактурой в Турьинских рудниках (1897, 1900-1914), Надеждинском заводе (1897-1915), вином в Турьинских рудниках (1900-1914).

Ж.1 NN. *? + до 17.01.1869

Ж.2 (17.01.1869, Турьинские рудники) Анна *ок.1851 + 18.04.1896 от чахотки.

Дочь Алексея Васильева Мелехина, коллежского регистратора Богословского завода Богословской волости Верхотурского уезда.

69-25/2. Михаил Матвеев *8.11.1840 + 25.11.1840 от родимца.

70-25/2. Василий Матвеев *27.02.1842 + 26.03.1842 от родимца.

VIII

71-28. Николай Иванов *ок.1830 + 2.05.1840 от горячки, г. Верхотурье.

72-28. Андрей Иванов *ок.1834 + 14.02.1835 от родимца.

73-33. Константин Иванов *ок.1826 (05.1831) + 19.04.1904 от старости, Николае-Павдинский завод.

Мещанин г.Верхотурья, житель Николае-Павдинского завода Верхотурского уезда (22.01.1901).

Ж (22.01.1858) Фекла *ок.1835 (1838, 1841) + 1.02.1904 от рака желудка, Николае-Павдинский завод.

Дочь Козмы Логинова, мещанина г.Верхотурья.

74-33. Гавриил Иванов *10.07.1832 + п.16.04.1834/1834.

75-33. Павел Иванов *ок.11.1833 + п.16.04.1834/1834.

76-33. Зоя Иванова *6.02.1835 + п.16.04.1857.

77-33. Семен Иванов *1.02.1836 + 21.02.1836 от родимца.

78-33. Алексей Иванов *17.03.1837 + 2.07.1837 от поноса.

79-33. Александра Иванова *18.04.1838 + 28.04.1838 от поноса.

80-33. Анна Иванова *ок.1840 + п.18.03.1858.

81-33. Павла Иванова *29.05.1841 + 9.07.1841 от поноса.

82-33. Ольга Иванова *7.07.1842 + 22.08.1842 от поноса.

83-33. Татьяна Иванова *ок.1844 + 18.08.1849 от поноса.

84-33. Гавриил Иванов *26.03.1845 + 11.08.1845 от поноса.

85-33. Мария Иванова *19.07.1846 + 27.08.1846 от родимца.

86-33. Дмитрий Иванов *4.02.1850 + 16.06.1850 от родимца.

87-33. Николай Иванов *5.05.1851 + 14.06.1851 от родимца.

88-33. Елена Иванова *11.05.1852 +

89-33. Александра Иванова *14.04.1857 + 14.06.1857 от поноса.

(?) 88-33. Михаил Иванов *? + п.25.10.1885.

Верхотурский мещанин (25.10.1885).

89-39. Анастасия Федорова *ок.08.1833 + п.10.10.1850.

90-39. Ольга Федорова *5.07.1834 + 7.08.1834 от родимца.

91-39. Серафима Федорова *28.07.1835 + 8.02.1836 от родимца.

92-39. Иван Федоров *3.01.1837 + п.18.03.1858.

93-39. Ольга Федорова *6.07.1838 + п.18.03.1858.

94-39. Ефим Федоров *ок.1844 + п.26.10.1885.

Солдатский сын (18.03.1858), верхотурский мещанин (26.10.1885).

Ж (до 26.10.1885) Александра Григорьева *? + п.26.10.1885.

95-39. (в/б) Фекла *ок.09.1848 + 25.01.1849 от родимца.

96-39. (в/б) Потап (Потай) Федоров *6.12.1851 + п.18.03.1858.

Солдатский сын (18.03.1858).

97-41. Николай Николаев *29.11.1841 + 24.12.1841 от родимца.

98-41. Петр Николаев *20.12.1842 + 19.08.1843 от поноса.

99-41. Мария Николаева *ок.1845 + п.8.11.1859.

100-41. Зоя Николаева *2.05.1846 + п.18.03.1858.

101-41. Иван Николаев *13.06.1847 + 18.07.1847 от родимца.

102-41. Константин Николаев *ок.1848 + 5.07.1849 от поноса.

103-41. Павла Николаева *7.02.1850 + 22.04.1851 от горячки.

104-41. Мариамна Николаева *14.02.1852 + п.18.03.1858.

105-41. Евфимий Николаев *30.03.1858 + 23.06.1858 от родимца.

106-41. Михаил Николаев *6.11.1859 + п. 9.05.1888.

Верхотурский мещанин (3.05.1884).

Ж. (до 1881) N *

107-53. Прасковья Васильева *ок.01.1834 + п.10.10.1850.

108-53. Устинья Васильева *ок.1836 + п.9.08.1854.

М. (30.08.1854, село Камышевское) Василий Федоров Губин *ок.1826 + п.9.08.1854.

Мастеровой Иргинского завода. Женат вторым браком.

109-53. Анна Васильева *ок.1840 + п.18.03.1858.

110-53. Константин Васильев *ок.1844 + п.18.03.1858.

111-53. Алексей Васильев *ок.1845 + п.18.03.1858.

112-53. Афанасий Васильев *ок.1846 + п.18.03.1858.

113-53. Елена Васильева *18.05.1849 + 16.07.1849 от поноса.

114-53. Елена Васильева *ок.1852 + п.18.03.1858.

115-53. Александр Васильев *ок.1854 + п.18.03.1858.

116-53. Евгения Васильева *ок.1855 + п.18.03.1858.

117-59. Дмитрий Дмитриев *5.02.1845 + 25.08.1884 от чахотки, г. Верхотурье.

Купеческий внук (31.03.1858); верхотурский мещанин (19.09.1860); мещанин г. Верхотурья, прихода Покровской церкви (23.02.1874).

Ж. (до 25.06.1870) Мария Александрова *? + п.25.07.1885.

Верхотурская мещанская вдова (25.07.1885).

118-59. Семен Дмитриев *16.04.1846 + 12.08.1846 от родимца.

119-59. Александр Дмитриев *28.08.1847 + п.18.03.1858.

120-59. Мария Дмитриева *29.03.1850 + п.18.03.1858.

121-59. Елизавета Дмитриева *12.10.1852 +

121-59. Александра Дмитриева *ок.1854 + п.1.08.1874.

Купеческая дочь (12.11.1868), мещанская дочь (1.08.1874).

122-59. Григорий Дмитриев *ок.1855 + п.18.11.1884.

Верхотурский мещанин (18.11.1884).

123-59. Феодора Дмитриева *ок.12.1856 + п.8.10.1898.

М. (до 18.05.1888) Иван Васильев (Владимиров) Графов * ? + п.8.10.1898.

Сельский обыватель Турьинских рудников (18.05.1888).

124-59. Ольга Дмитриева *5.07.1857 + 28.03.1858 от родимца.

125-59. Анна Дмитриева *24.01.1859 + п.18.11.1884.

126-59. Павел Дмитриев *ок.1861 (1862) + 4.05.1905 от хронического отравления алкоголем, Богословский завод.

Верхотурский мещанин, житель Богословского завода (24.09.1887), верхотурский купец (25.06.1901).

Ж. (12.05.1893, Богословский завод) Анна *ок.1876 + 1962, г.Карпинск.

Дочь Федора Дмитриева Коробейникова, сельского обывателя Богословского завода.

(?) 127-59. Павла Дмитриева *? + п.29.05.1908.

М. (до 29.05.1908) Георгий Андреев Анисимов *? + п.29.05.1908.

Мещанин г.Мурома Владимирской губернии, житель Богословского завода Богословской волости Верхотурского уезда (29.05.1908).

128-60. Александра Прокопьева *27.09.1848, Турьинские рудники + 10.05.1849 от поноса.

129-60. Александр Прокопьев *1.10.1849, Турьинские рудники + 27.03.1850 от поноса.

130-60. Анна Прокопьева *6.01.1851, Турьинские рудники + 1.03.1851 от судорог.

131-60. Аполлинария Прокопьева *1.01.1853 + п.27.02.1878.

Жена наставника Пермской семинарии (15.07.1876), жена профессора Пермской гимназии (27.02.1878). Справка о рождении выдана 20.04.1892.

М. (19.09.1873, Турьинские рудники) Владимир Евгеньев Попов *ок.1849 + п.27.02.1878.

Кандидат Санкт-Петербургской духовной академии.

132-60. Елизавета Прокопьева *15.06.1854, Турьинские рудники + 3.07.1854 от судороги.

133-60. Николай Прокопьев *16.10.1855, Турьинские рудники + п.1915

Купеческий сын, житель Турьинских рудников (15.07.1876), личнвй почетный гражданин (4.11.1882). Окончил курс обучения в Московской практической академии коммерческих наук. Потомственный почетный гражданин (25.10.1900), купец (1909), в отлучке (1912), один из учредителей Товарищества «Николай Шадрин и К^о» (1915). Торговля бакалейными товарами в Богословском заводе (1900-1906), Надеждинском заводе (1900-1915), Турьинских рудниках (1900-1911, 1915), с.Петропавловском Турьинской волости (1913, 1915), д.Филькина (1907-1915), Ауэрбаховский железный рудник (1913-1915), ст.Шахта Турьинской волости (1915), мануфактурой в

Турьинских рудниках (1902-1909, 1915), Надеждинском заводе (1907-1915), с.Петропавловском, Ауэрбаховском железном руднике, ст.Шахта (1915), д.Филькина (1907-1909, 1915), галантерейными товарами в Турьинских рудниках (1910-1911, 1915), вином в Турьинских рудниках (1907-1915), Надеждинском заводе (1915), мукой и хлебом в Турьинских рудниках (1915).

Ж. (10.01.1886, Екатеринбург) Елизавета *1864 (1866) + п.1912.

Дочь Сергея Николаева Осипова, купца г.Верхнеуральска.

134-60. Валериан Прокопьев *15.11.1870, Турьинские рудники + 6.07.1880 от поноса, Турьинские рудники.

135-62. Лидия Капитонова *18.02.1852, Богословский завод + 10.02.1906 от порока сердца, Богословский завод.

М. (11.10.1868, Богословский завод) Иван Иванов Широких *ок.1838 + п.1898/ до 29.08.1904

Сын купца 1-й гильдии г.Соликамска. Окончил Санкт-Петербургский технологический институт, инженер-технолог. Смотритель золотых приисков Богословского горного округа (1888), помощник управителя золотыми приисками (1892).

136-62. Анна Капитонова *1.02.1854, Богословский завод + 14.05.1854 от родимца.

137-62. Анна Капитонова *26.03.1855, Богословский завод +

138-62. Антонида (Антонина) Капитонова *9.06.1856 + 31.07.1892 от чахотки, Богословский завод.

М. (8.01.1878, Богословский завод) Василий Ильин Второв (Вторых) *ок.1843 + 6.12.1888 от воспаления брюшины, Богословский завод.

Верхотурский мещанин (8.01.1878), верхотурский купец (3.01.1888), верхотурский купец 2-й гильдии (6.12.1888).

139-62. Александр Капитонов *24.08.1857, Богословский завод + п.24.03.1919

Верхотурский купеческий сын (19.09.1873). Верхотурский купец, житель Богословского завода (24.09.1893), член Богословского отделения Екатеринбургского епархиального училищного совета (1894-1896). Верхотурский купеческий сын (31.03.1901), член Верхотурского уездного раскладочного присутствия (1906-1907), член Верхотурского раскладочного по промысловому налогу присутствия (1908-1912), один

из учредителей Товарищества «Братья Шадрины» (1910). Верхотурский купец (5.02.1914).

Ж. (до 5.01.1886) Мария *? + п.24.03.1919

Дочь Степана Сергеева Шаньгина, купца г.Верхотурья.

140-62. Иван Капитонов *9.03.1859, Богословский завод + п.1915

Верхотурский купеческий сын (19.09.1873). Верхотурский купец, житель Турьинских рудников (20.07.1888), житель БЗ (24.09.1893), купец 2-й гильдии (1897), член Турьинского отделения общества попечения о народном образовании в Верхотурском уезде (1903). Торговля в Турьинских рудниках: мануфактурой (1897-1909), бакалейными товарами (1900-1909), кожаным товаром (1900-1901, 1907-1909), галантерейным товаром, рыбой, мукой и хлебом (1900-1901). Один из учредителей Товарищества «Братья Шадрины» (1910). Торговля Товарищества: бакалейными товарами в с.Андриановичи (Ивановское) и п.Марсята Лозьвинской волости (1910-1915), Богословском и Надеждинском заводах (1910-1915), Турьинских рудниках (1910-1915), с.Коптяки (Коптяково) Караульской волости (1910-1911, 1915), с.Никито-Ивдельском (1910-1915), п.Денежкино (1910-1911, 1915), д.Филькиной (1910-1915), с.Богословская Шахта, при ст.Вагранская Богословской ж/д, д.Волчанке, п.Канатка Турьинской волости, каменноугольных копях Богословской волости, прииске Георгиевском Нижнее-Туринской волости (1915), вином в Надеждинском заводе (1910-1915), Богословском (1915), мануфактурой в Богословском заводе (1910-1911, 1915), Надеждинском (1910-1915), Турьинских рудниках (1910-1911, 1915), с.Коптяки (1910-1915), с.Никито-Ивдельском (1910-1915), деревнях Денежкиной, Марсятах, Филькиной (1913, 1915), с.Ивановском, Богословской шахте, руднике Воронцовском, каменноугольных копях (1915), мясом в с.Никито-Ивдельском (1910-1911), хлебом, зерном в г.Тюмени (1914), мукой и хлебом в Богословском, Надеждинском, Лайском заводах, Турьинских рудниках, с.Никито-Ивдельском, д.Филькиной (1915).

Ж. (10.01.1888, Богословский завод) Анна *1.07.1868, Николае-Павдинский завод + 18.10.1903 от порока сердца, Турьинские рудники.

Дочь Василия Петрова Словцова, священника Николаевской церкви Николае-Павдинского завода (Максимовской церкви Турьинских рудников, протоиерея Введенского собора Богословского завода).

141-62. Ольга Капитонова *18.06.1860, Богословский завод + п.1915

Агент страховой С.-Петербургской К^о «Надежда» (1905-1907) и банкирского дома Г.Вавельберг (1905-1911) в г.Верхотурье, агент С.-Петербургского Торгового Банка в Верхотурье (1913-1915).

М. (2.11.1877, Богословский завод) Александр Егоров Опокин *ок.1851 + п.1911

Канцелярский служащий (2.11.1877), отставной канцелярский служащий (10.01.1888), заступающий место председателя Верхотурской уездной земской управы (1896, 1910-1911), член Богословского отделения Екатеринбургского епархиального училищного совета от земства (1896), директор общественного Верхотурского городского Попова банка (1896-1897), член Верхотурской уездной земской управы (1897-1900), член от земства Верхотурского уездного комитета попечительства о народной трезвости (1898), член Верхотурского уездного училищного совета по избранию и представитель от земства в Верхотурском уездном отделении епархиального училищного совета (1910-1911), казначей общества попечения о народном образовании в Верхотурском уезде (1910), представитель земского управления в Верхотурском уездном по государственному налогу присутствии (1911).

142-62. Фавста Капитонова *8.02.1862, Богословский завод + п.9.01.1881.

М. (9.01.1881, Богословский завод) Степан Иванов Соболев *ок.1854 + п.9.01.1881.

Крестьянин Меркушинской волости, Верхотурского уезда (9.01.1881).

143-62. Дросида Капитонова *ок.1865, Богословский завод + 6.02.1866 от поноса, Богословский завод.

144-62. Федор Капитонов *9.04.1866, Богословский завод + п.1914.

Верхотурский купеческий сын (12.06.1891). Агент Товарищества «Братья Шадрины», владеющего крупчаточными мельницами в Тюмени. В Тюмени также была торговая фирма «Т-ва Шадрины и Колокольниковы Бр.», торгующая хлебом и бакалеей (1914).

Ж. (12.06.1891, Богословский завод) Валентина *ок.1867 + п.12.06.1891.

Дочь Петра Трофимова Самохвалова, умершего мещанина г.Екатеринбурга.

145-62. Николай Капитонов *20.04.1868 + 7.08.1868 от поноса, Богословский завод.

146-62. Мария Капитонова *1.07.1871 +

147-62. Еликонида Капитонова *29.04.1873, Богословский завод + п.5.08.1903.

М. (15.07.1902, Богословский завод) Григорий Михайлов Панев *ок.1874 (1877) + 5.11.1903 от чахотки, Богословский завод.

Екатеринбургский мещанин (15.07.1902).

148-65. (в/б) Ольга *3.07.1846 + п.18.03.1858.

149-68/2. Иван Иванов *24.10.1869, Турьинские рудники + п.1915

В отлучке (1882, 1884). Купеческий сын (ТР, 25.01.1887), верхотурский купец (17.11.1900). Торговля в Турьинских рудниках бакалейными и галантерейными товарами, мануфактурой и вином (1915).

Ж. (до 7.12.1897) Раиса Григорьева *1879 (1880) + п.1912.

150-68/2. Александр Иванов *6.07.1871, Турьинские рудники + 22.06.1873, от поноса, Турьинские рудники.

151-68/2. Василий Иванов *16.02.1873, Турьинские рудники + 29.06.1873, от поноса, Турьинские рудники.

152-68/2. Владимир Иванов *12.07.1874, Турьинские рудники + 25.10.1900 от чахотки, Турьинские рудники.

В отлучке (1884), купеческий сын (24.01.1899).

153-68/2. Александр Иванов *13.07.1876, Турьинские рудники + п.1915.

В солдатах (1898). В отлучке с семьей (1909, 1912). Торговля в Надеждинском заводе бакалейными товарами и мануфактурой (1915).

Ж. (до 1909) Клавдия Федорова *ок.1885 + п.1912.

154-68/2. Василий Иванов *26.02.1878, Турьинские рудники + 20.03.1878 от родимца, Турьинские рудники.

155-68/2. Алексей Иванов *16.03.1879, Турьинские рудники + 18.06.1880 от поноса, Турьинские рудники.

156-68/2. Николай Иванов *12.04.1881, Турьинские рудники + 1.12.1885 от «английской болезни», Турьинские рудники.

157-68/2. Федор Иванов *31.05.1886, Турьинские рудники + п.1892.

158-68/2. Федор Иванов *ок.12.1892 + 3.02.1893 от родимца, Турьинские рудники.

IX

159-73. Михаил Константинов *до 20.01.1901 + п.22.09.1912.

Мещанин г.Верхотурья, проживающий в Николае-Павдинском заводе Верхотурского уезда (20.01.1901), сельский обыватель Николае-Павдинского завода (13.03.1908).

Ж. (до 20.01.1901) Мария Васильева *до 20.01.1901 + п.22.09.1912.

160-94. Параскева Ефимова *26.10.1888 +

161-106. Сергей Михайлов *ок.1881 + 3.05.1884 от скарлатины, г. Верхотурье.

162-117. Иван Дмитриев *ок.05.1869 + 2.02.1870 от поноса.

163-117. Петр Дмитриев *25.06.1870 + 22.08.1870 от горячки.

(?) 164-117. Григорий Дмитриев *ок.1871 (1872) + п.5.11.1900.

Верхотурский мещанин.

165-117. Антонина Дмитриева *23.02.1874 + 9.08.1874 от золотухи.

166-117. Екатерина Дмитриева *18.11.1884 +

167-117. Августа Дмитриева *18.11.1884 + 25.07.1885 от поноса.

(?) 168-119. Олимпиада Александрова *? + п.18.11.1884.

169-119. Григорий Павлович *21.01.1894, Богословский завод + 23.01.1894 от слабости, Богословский завод.

170-126. Пантелеймон Павлович *27.07.1895, Богословский завод + 7.05.1969, г.Карпинск.

Мещанин г.Верхотурья (31.05.1908).

171-126. Алексей Павлович *5.10.1898, Богословский завод + 1942.

Работал при Богословской больнице. Семья проживала в Богословске по улице Октябрьской. Во время Великой Отечественной войны воевал - рядовой, в декабре 1942 года пропал без вести.

Ж. (до 1930) Хариесса Павловна *? + п.1962.

Из бедной верхотурской семьи.

172-133. Анна Николаева *16.11.1886, Турьинские рудники + п.14.04.1905.

М. (9.07.1904, Турьинские рудники) Сергей Яковлев Мостов *ок.1877 + 31.07.1906.

Врач Турьинской земской больницы.

173-133. Иван Николаев *6.01.1888, Турьинские рудники + п.1915

В отлучке (1909, 1912), потомственный почетный гражданин (БЗ, 9.01.1911). Распорядитель Товарищества «Николай Шадрин и К^о» (1915).

174-133. Нина Николаева *25.10.1900, Турьинские рудники + п.1912.

175-139. Александр Александров *4.01.1886, Богословский завод + 5.01.1886 от слабости.

176-139. Иван Александров *27.11.1886, Богословский завод + 26.05.1887.

177-139. Константин Александров *11.05.1888, Богословский завод + п.3.02.1913.

Купеческий сын (3.02.1913).

178-139. Ироида Александрова *18.02.1890, Богословский завод + 12.08.1890 от дифтерита.

179-139. Евгений Александров *9.02.1892, Богословский завод +

180-139. Елизавета Александрова *24.09.1893, Богословский завод + п.18.06.1906.

181-139. Вениамин Александров *31.03.1896, Богословский завод + п.26.08.1915.

182-139. Капитолина Александрова *26.10.1897, Богословский завод +

183-139. Павел Александров *3.06.1899, Богословский завод + 3.06.1899 от родимца, Богословский завод.

184-139. Мария Александрова *31.03.1901, Богословский завод + п.7.06.1910.

185-139. Григорий Александров *27.01.1903, Богословский завод +

Выдана метрическая выпись 3.08.1922 г.

186-139. Петр Александров *12.06.1906, Богословский завод + п.3.08.192(4)

Выдана метрическая выпись 3.08.192(4).

187-139. Валериан Александров *1.05.1910, Богословский завод +

188-149. Николай Иванов *7.12.1897, Турьинские рудники + 18.11.1906 от скарлатины, Турьинские рудники.

189-149. Лидия Иванова *17.11.1900, Турьинские рудники + п.1912.

Выдано свидетельство о рождении 20.05.1952.

190-149. Дмитрий Иванов *26.03.1902, Турьинские рудники + п.14.04.1934.

191-149. Владимир Иванов *ок.1905 + п.1912.
192-153. Владимир Александров *ок.1904 + п.1912
193-153. Евгений Александров *ок.1906 + п.1912
194-153. Сергей Александров *ок.1908 + п.1912

X

195-159. Николай Михайлов *до 22.04.1906 + п.24.06.1909.
Мещанин г.Верхотурья (22.04.1906), сельский обыватель
Николае-Павдинского завода (24.06.1909).
196-159. Александра Михайлова *до 22.04.1906 + п.24.09.1912.
197-159. Петр Михайлов *ок.1896 + п.8.09.1917.
Сельский обыватель Николае-Павдинского завода (6.11.1911),
крестьянин Николае-Павдинской волости (26.05.1917). Грамотный.
Ж. (26.05.1917, Богословский завод) Наталия *ок.1900 +
п.8.09.1917.

Дочь Николая Коновалова, сельского обывателя
Богословского завода.

198-159. Ольга Михайлова *ок.1897 + п.31.01.1916.
М. (31.01.1916, Николае-Павдинский завод) Василий
Михайлов Кольцов *ок.1882 + п.31.01.1916.
Крестьянин Нытвинской волости и завода Оханского уезда
Пермской губернии.

199-159. Василий Михайлов *20.01.1901 + п.24.09.1912.
200-159. Григорий Михайлов *30.01.1904 +
201-159. Елизавета Михайлова *22.04.1906 + 13.03.1908 от крупы.
202-159. Капитолина Михайлова *26.10.1908 +
203-159. Иван Михайлов *22.09.1912 +

Справки о рождении выдавались 18.06.1927 и 2.07.1936.
204-171. Анфия Алексеевна *1930 +
205-171. Геннадий Алексеевич *1934 + 2008, г. Карпинск.
206-171. Тамара Алексеевна *1938 +
207-171. Леонид Алексеевич *1940 + 2007, г. Карпинск.

Ж. (1965, г. Карпинск) Екатерина Григорьевна Телицина *? +
п.25.09.2012.

XI

208-197. Валериан Петров *8.09.1917, Богословский завод +
Справки о рождении выдавались 7.09.1926 и 5.09.1931 гг.
209-207. Андрей Леонидович *? +

210-207. Алексей Леонидович *? +

211-207. Ирина Леонидовна *? +

Работает в торговле. Была директором магазина «Монетка» в г.Волчанск, в городах Краснотурьинск и Карпинск.

Источники к поколенной росписи:

- 1) Перепись Андрея Бернатцкого (1666 г.) (ТГИАМЗ КП 12692)
- 2) Перепись Льва Поскочина (1680 г.) (РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.697)
- 3) Крестоприводная книга Верхотурского уезда (1683 г.) (РГАДА. Ф.214. Оп.«Сибирский приказ». Д.746)
- 4) Книга именная крестьянам Верхотурского уезда (1709 г.) (РГАДА. Ф.214. Оп.«Сибирский приказ». Д.1501)
- 5) Переписная книга Верхотурского уезда (1710 г.) (РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1539)
- 6) Ревизская сказка Верхотурского уезда (1719 г.) (РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1615)
- 7) Список именной, оставшихся от приписки к Гороблагодатским заводам (1755 г.) (ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1462)
- 8) Дело Верхотурской нижней расправы (1785 г.) (ГАСО. Ф.491. Оп.1. Д.46)
- 9) Журналы Екатеринбургской духовной консистории (1892 г.) (ГАСО. Ф.6. Оп.4. Д.60)
- 10) Исповедные ведомости Покровской церкви г.Верхотурья (1800-1801 гг.) (ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.1, 3)
- 11) Исповедные ведомости Максимовской церкви Турьинских рудников Верхотурского уезда за 1855-1862, 1865-1866, 1869-1872, 1880-1886, 1889-1894, 1896-1899, 1909, 1912 гг. (ГАСО. Ф.767. Оп.1).
- 12) Ревизская сказка государственных крестьян г. Верхотурья (1782 г.) (ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2957).
- 13) Ревизская сказка мещан г. Верхотурья (1795 г.) (ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2619).
- 14) Ревизская сказка жителям г.Верхотурья бывших приписных к Гороблагодатским заводам крестьян Меркушинской волости (1795 г.) (ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2973).
- 15) Ревизская сказка г.Верхотурья (1816 г.) (ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.69).
- 16) Ревизская сказка г.Верхотурья (1834 г.) (ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.195).
- 17) Ревизская сказка г.Верхотурья (1850 г.) (ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.282).
- 18) Ревизская сказка г.Верхотурья (1858 г.) (ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.378).
- 19) Метрические книги Воскресенской церкви г.Верхотурья за 1803, 1806 гг. (ГАСО. Ф.6. Оп.3).

- 20) Метрическая книга Знаменской церкви г.Верхотурья за 1803, 1846, 1885 гг. (ГАСО. Ф.6. Оп.3, 7).
- 21) Метрические книги Покровской церкви г. Верхотурья за 1804, 1806-1808, 1811, 1814-1825, 1827, 1829-1830, 1832, 1834-1838, 1840-1843, 1845-1847, 1849-1852, 1857-1859, 1866, 1870, 1874, 1884-1885, 1896 гг. (ГАСО. Ф.6. Оп.3, 6, 7, 19)
- 22)Метрические книги Свято-Троицкого собора г.Верхотурья за 1821, 1824-1829, 1888 гг. (ГАСО. Ф.6. Оп.3, 19).
- 23)Метрические книги Введенского собора Богословского завода Верхотурского уезда за 1841, 1852, 1854-1855, 1859-1860, 1862, 1868-1869, 1871, 1873, 1877-1879, 1881, 1885-1899, 1901-1906, 1908, 1910-1914, 1916, 1917 гг. (ГАСО. Ф.6. Оп.3, 7, 9, 19)
- 24)Метрическая книга Всеволодовской церкви Всеволодоблагодатского завода Верхотурского уезда за 1919 г. (ГАСО. Ф.6. Оп.19).
- 25)Метрические книги Максимовской церкви Турьинских рудников Верхотурского уезда за 1835, 1845-1851, 1853-1855, 1860, 1867-1871, 1873-1874, 1876, 1878-1881, 1885-1889, 1897, 1900, 1902-1903, 1905-1906, 1908, 1912 гг. (ГАСО. Ф.6. Оп.3, 19)
- 26) Метрические книги Николаевской церкви Николае-Павдинского завода за 1901-1906, 1908-1909, 1911-1912, 1916 гг. (ГАСО. Ф.6. Оп.19).
- 27)Метрическая книга Входа-Иерусалимской церкви Нижне-Тагильского завода за 1901 г. (ГАСО. Ф.6. Оп.19).
- 28)Метрическая книга Георгиевской церкви села Камышевского Екатеринбургского уезда за 1854 г. (ГАСО. Ф.6. Оп.3).

Литература:

- 1.Адрес – календарь Пермской губернии на 1895-1897, 1907-1912 гг.
- 2.Журналы XIII очередного Верхотурского уездного земского Собрания с докладами и отчетами управы и другими приложениями за 1882 год. Пермь, 1883. С.868.
- 3.Игумен Тихон (Затёкин). Древнейший город Зауралья // Верхотурская старина. №4. Верхотурье, 2005. С.38.
- 4.Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск. 1914, С.72.
- 5.Память. Российская Федерация. Свердловская обл. Екатеринбург, 1994. Т.7. С.201.
- 6.Потомки купцов Шадриных // Историко-краеведческий выпуск №9 «Богословский родник» к газете «Карпинский рабочий». Карпинск, 25 сентября 2012. С.1-3.

Борьба с социально-чуждыми элементами в Верхотурье

В 1920-годы в Советском Союзе появилась категория людей, получившая название «социально-чуждый элемент». Составили её бывшие представители так называемых имущих классов – буржуазии, купечества, духовенства и т.д. Все они постоянно находились под пристальным вниманием карательных органов, видевших в этих людях источник угрозы для существующего в стране режима. К категории социально-чуждых элементов можно было отнести значительную часть населения города Верхотурья и расположенных в районе деревень. К судьбам некоторых из этих людей и обратимся в данной статье.

В мае 1930 года перед судом предстали жители Верхотурья П.А.Логинов и И.А.Ердяков, выступавшие против коллективизации и распространявшие слухи, порочащие политику советского правительства в деревне.

Пётр Афанасьевич Логинов родился 16 января 1885 года, сын крупного торговца хлебом. Имел начальное образование. Занимался хлебопашеством, с 1911 по 1919 год – развозкой почты, затем другими работами, также связанными с извозом. В 1921 году подвергся аресту, был отправлен в Нижний Тагил, где провёл четыре месяца в камере предварительного заключения. Однако, обвинения никакого ему предъявлено не было и в итоге он вышел на свободу. Проживал в Верхотурье по адресу: ул.И.Малышева, дом 3. В собственности имел большой дом, сдаваемый под квартиру, постоянный двор, участок пашенной земли площадью 1,44 десятины, лошадь, корову, сеялку и конные грабли. Уплачивал сельхозналог в сумме 137 рублей 25 копеек, избирательных прав лишён не был¹. Арестован 7 февраля 1930 года.

Иван Александрович Ердяков родился в Верхотурье 27 января 1902 года в семье крупного золотопромышленника и торговца Александра Ефимовича Ердякова, расстрелянного большевиками в 1918 году за участие в антибольшевистском выступлении. Закончил два класса высшего начального училища. С 1919 по 1921 год добровольцем служил в Красной армии, артиллерист. Работал кладовщиком на лесозаготовках Надеждинского металлургического завода. Проживал в

Верхотурье по адресу: ул.И.Малышева, дом 7. Имел двухэтажный дом с надворными постройками и флигелем, лошадь, две коровы, 3 десятины пашни, из них под посев 2,08 десятин. Уплачивал индивидуальный и сельхозналог в сумме 167 рублей 35 копеек, избирательных прав не лишён². Арестован 5 февраля 1930 года.

Следствие производил помощник уполномоченного Тагильского окружного отдела ПП ОГПУ по Уралу Агафонов. 3 апреля 1930 года арестованным было предъявлено обвинительное заключение³. В процессе расследования следствие установило, что граждане Ердяков и Логинов с первых же дней Октябрьской революции относились к ней крайне враждебно. В 1918 году Логинов и отец Ердякова принимали активное участие в организации вооружённого крестьянского восстания. Для подготовки восстания они устраивали нелегальные собрания за селением на мусульманском кладбище. Во время пребывания на Урале белых они активно способствовали им – производили аресты, порки и расстрелы коммунистов и сочувствующих Советской власти граждан. По инициативе Логинова и Ердякова подверглись порке 40 человек, в том числе семья Жернакова Петра Афанасьевича, и был приговорён к расстрелу советский активист Феокист Поляков. Также ими производился сбор хлеба, фуража и денег для нужд Белой армии. Накануне прихода белых в Верхотурье обвиняемые проводили агитацию среди местного населения, направленную против мобилизации в Красную армию. В частности, Логинов утверждал следующее: «Советская власть – это власть антихриста. В армию идти не надо, оттуда все бегут и с голоду подыхают, а у Колчака будет крупчатка». В результате подобной агитации случались факты дезертирства и нежелания идти в Красную армию.

После занятия Верхотурья белыми, Ердяков и Логинов вступили добровольцами в карательный отряд. При этом Логинов запугивал сторонников Советской власти: «Сейчас я пойду защищать свои интересы и мы вас погоним – красную сволочь, и разделаемся так, что больше не будете выступать. Убегайте пока не поздно. Убегайте, не убегайте – от наших рук не уйдёте, все будете висеть на телеграфных столбах. Всех перевешаем и перестреляем». Активисту Коголю он говорил: «Ты красный, а я белый. Я пойду защищать свои интересы и бить вас – красных». После окончания Гражданской войны Ердяков и

Логинов остались злостными врагами Советской власти и на почве классовой борьбы вели систематическую антисоветскую агитацию, направленную к срыву мероприятий Советской власти в деревне. В 1929 году Ердяков стал участником контрреволюционной группы в Верхотурье, которая занималась изготовлением антисоветских листовок. Пишущую машинку, на которой они печатались, нашли при обыске у членов организации Баянова и Караваева.

В период проведения хлебозаготовок и самообложения обвиняемые с целью срыва указанных мероприятий повели агитацию среди населения. Ердяков говорил: «Где мы возьмём эти хлебозаготовки? Пусть дают те, кому надо, дураков тут нет». Он же в разговоре в пожарной части высказывал недовольство: «Вот, товарищи, я засеять вздумал полдесятины, а на меня вдруг наложили 200 пудов. Где же их взять? Надо дом отдавать». На собрании, где обсуждался вопрос о самообложении, Ердяков высказал такое мнение о размере налога: «Нужно раскладывать на всех поровну, как на бедняков, так и на кулаков, а то мы будем платить, а они пайки получают. Всё дай, да дай, а нам не дают». Среди населения он с целью запугивания бедноты вёл разговоры о хлебозаготовках и самообложении следующего содержания: «Нужно раскладывать на всех одинаково, как на бедноту, так и на зажиточных. Что вы будете делать, беднота, когда нас разграбят. С кем вы думаете жить, с коммунистами? Мы вам пригодимся ещё. Скоро этому придёт конец, скоро пойдёт их кража, ну тогда и потешимся над коммунистами и беднотой, всем дадим место на кладбище. Мы с ними, коммунистами, не так будем расправляться. Мы их судить не будем, а к стенке. А если будет мало пуль, тогда в воду или петлю». Логинов в хлебозаготовительную компанию 1929 года угрожал активисту Крупину: «Тебя убить мало, тогда узнал бы, как натягивать на нас!». Тогда же, выступая на собрании, Логинов агитировал за несдачу хлеба: «Соберут коммунисты весь хлеб и вы с голоду подохнете. Не дали бы – и ничего. Не надо сдавать, да и только. Кругом крестьян обобрали – раньше этого не было. Зажигай дом и беги от грабительства!».

Против займов и налогов кулаки вели скрытую агитацию, говорили в разговорах с крестьянами, что налоги накладывают большие и они ведут к разорению хозяйства, поэтому платить их не следует. Логинов в августе 1928 года на собрании по вопросу реализации крестьянского

займа произнёс: «Если взять сейчас десятирублёвую облигацию, то надо отдать 20 пудов хлеба, потому что за пуд дают только 70 копеек – это форменное безобразие. Кто им отдаст хлеб за такую дешевизну. Помоему, просто даром хлеб не следует отдавать». В результате агитации в Верхотурье встречались определённые трудности в проведении хлебозаготовок, реализации займов и налогов.

При перевыборах Совета Ердяков выступал против проведения в члены сельсовета бедняков, утверждая: «Беднота не умеет своим хозяйством управлять, а им власть доверяют. Нужно выдвигать зажиточных, а не эту бедноту-шантрапу». В результате в сельсовет проникли кулаки Шепелев и другие. Колхозное движение Ердяков и Логинов встретили упорным сопротивлением. С целью препятствования вели против колхозов такую агитацию: «Я в колхоз не пойду, пойду только тогда в колхоз, когда через мой труп пройдут большевики». Обвиняемые сорвали собрание, на котором должен был обсуждаться вопрос о вступлении в колхоз. Логинов перед собравшимися заявил: «Ничего из колхозов не выйдет. Кому интересно отдавать свои машины? У нас в хозяйстве есть чем жить, а в колхозе неимущие все, а придут жить на готовое. Соберутся в колхозы одни лентяи и будут они сидеть голодом, сдохнут с голоду. Скоро будет голод». Ердяков на том же собрании поддержал своего товарища: «Коллективы работать не будут. Коллективы распадутся, а если распадутся – куда вы пойдёте? В воду. Дурак тот, кто идёт в колхоз. Не надо идти». После организации колхоза, с целью его разложения Ердяков в частной беседе с колхозниками Дорониным и Крупинным заявил: «Крупин, как жить-то станешь? Вот в колхоз машину-то внёс, так и останешься без всего. Как это было в Карауле: мужик вступил в колхоз, отдал двух коров, лошадей, а вышел пустой. Ничего из этих колхозов не выйдет». Его поддержал Логинов: «Колхозы не будут жизненны, никогда этого не было и не будет. Они развалятся. Там разврат, с голоду все подохнут. Скот дохнет и все оттуда бегут. А когда власть переменится – всем будет крышка».

Кроме разлагающей антиколхозной агитации Ердяков с целью срыва колхозного движения использовал метод запугивания активистов – инициаторов создания колхозов в Верхотурье. Например, угрожал организатору колхоза Коголю, который в качестве свидетеля показал на следствии: «Помню, в начале организации колхозов осенью 1929 года,

Ердяков Иван Александрович в моём присутствии и в присутствии Шаньгина Ивана и других говорил: «Смотрите вы со своими колхозами. Придёт время такое, что вы не будете знать – куда вам бежать». Шаньгин Иван поддакивал Ердякову, также и остальные присутствовавшие посмеивались, не высказывая своего мнения. Благодаря такой агитации были выходы из колхоза, например Ползунов Михаил, которому Ердяков Иван особенно напевал. Ердяков неоднократно угрожал мне, как одному из организаторов колхоза. В январе месяце сего года он мне говорил: «Сколько ты не стоишь за Советскую власть, но ты сдохнешь от наших рук. Мы вас уничтожим по одному». Или среди группы в тридцать человек говорил: «Что нам коллектив? В нём полпуда хлеба дадут, так на нём поживи-ка. А вольно-то живёшь – не здесь, так в другом месте найдёшь. Незачем и ходить в него. Вон сколько было организовано и все развалились. Некоторые из коллективов вышли, так им ничего не возвратили. В колхозах жить нельзя».

Агитацию против Советской власти обвиняемые осуществляли не только среди крестьян, но и среди рабочих на лесозаготовках. В декабре 1929 года Ердяков разъяснял рабочим: «Колхозы – вещь нам не нужная, в них собираются одни лодыри и голодранцы, которые за счёт богатых мужиков будут жить. Скоро всё поразмотают и останутся все голодные и голые». Для своей агитации кулаки использовали и конфликт на КВЖД, распуская слухи, что скоро будет война, а потому хлеб сдавать не надо и вообще надо запастись товарами. В марте 1929 года у кузницы, где собралась большая толпа народа, Ердяков по поводу хлебных затруднений говорил: «Советская власть грабит народ. Я в Туринском уезде купил хлеба, а у меня его власти свалили. Что за порядки стали? Крестьянин купит для себя хлеба, а его отбирают». В январе 1930 года, находясь в доме Баянова Ивана Ивановича, в присутствии Крупина Ивана Ивановича и ещё двух человек Ердяков высказался о колхозах: «Что хорошего из этих колхозов? Взяли служащего, который будет сидеть за столом и ничего не делать, а крестьяне гни за него шею».

Осенью 1929 года по инициативе Ердякова совместно с группой недовольных было сорвано собрание по вопросу о заготовке картофеля. Ердяков на собрании сказал: «Заготовка картофеля производится неправильно, да и не только картофеля, а все заготовки производятся

неправильно. Почему это платить должен богатый? Он и налоги плати, и хлеб отдай». Его активно поддерживали присутствовавшие на собрании зажиточные крестьяне. В частности жена кулака Рылова кричала: «Всё равно они все передохнут. Этак и на собрание не надо ходить!». После этих слов вся группа подкулачников во главе с Ердяковым с шумом покинула собрание и вслед за ними разошлись остальные присутствовавшие.

Следствие констатировало, что Ердяков и Логинов при каждом удобном случае в разговорах с гражданами старались настроить население против мероприятий Советской власти. Среди участников Гражданской войны Логинов говорил: «Вот вы свой век отжили, а власть не ваша». По отношению к советским и партийным работникам они были озлоблены, что неоднократно выражалось во фразах: «Всех советских работников надо перевешать, чтобы не притесняли честных людей» и т.п. Кроме антисоветской агитации со стороны обвиняемых предпринимались попытки активно вредить Советской власти. С этой целью под их руководством в квартире Ивана Ивановича Баянова собиралась группа враждебно настроенных к власти людей. Именно этой группе приписали организацию одного из лесных пожаров летом 1929 года. Во время пожара Ердяков, якобы, со злорадством говорил: «Пусть строят социализм, а мы будем разрушать. Всё нужно сжигать. Не справятся тушить». По мнению следствия, своими действиями и антисоветской агитацией Логинов и Ердяков срывали социалистическое переустройство деревни и мешали укреплению экономической мощи сельского хозяйства. 20 января 1930 года общее собрание бедняцкого актива Верхотурского сельсовета постановило выселить Логинова и Ердякова с семьями из пределов Уральской области и конфисковать их имущество⁴.

В начале февраля они были арестованы и предстали перед следствием. Несмотря на то, что обвиняемые не совершили каких-либо реальных действий, нанёсших вред существующим порядкам, и все их действия сводились только к устной критике мероприятий Советской власти, суд признал их вину вполне доказанной. Решением Тройки ПП ОГПУ по Уралу 28 мая 1930 года Иван Александрович Ердяков и Пётр Афанасьевич Логинов по ст.58-10,13 УК РСФСР были приговорены к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. В мае 1989 года оба

осуждённых были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

1 марта 1933 года Верхотурским райотделом ОГПУ за антисоветскую пропаганду был арестован житель Верхотурья **Николай Алексеевич Лапин**, представитель известной до революции династии верхотурских торговцев. Родился он в 1877 году в семье крестьянина Вятской губернии. Впоследствии семья переехала в Верхотурье. Николай Алексеевич имел довольно обширный круг занятий – торговля, сельское хозяйство, шапочное производство, работы по перевозке, владел домами в Верхотурье и на Калачике. В 1933 году проживал в собственном доме по адресу ул.Коммунаров, 15.

Согласно справки об имущественном положении, приложенной к следственному делу⁵, Лапин имел в собственности:

	<i>на момент ареста</i>	<i>1929 г.</i>	<i>до 1917 г.</i>
земля под обработкой	1,57 га	3 га	2 га
покосы	1 га	2 га	2 га
дома	1	1	2
надворные постройки (баня, конюшня, хлев, сарай и т.д)	все	все	все
промышленные предприятия	шапочная мастерская при доме		
лошади	1	1	1
коровы	1	2	2
бараны и овцы	5	10	6
свиньи	—	3	3
плуги	1	1	1
бороны	1	1	1
веялки	—	1	1
постоянные наёмные работники	—	—	1-2
сезонные наёмные работники	—	—	4

Годовой доход и размер налога составлял:

	<i>на момент ареста</i>	<i>1929 г.</i>
от обработки земли	153 руб.	300 руб.
от аренды дома, дач и помещений	—	2500 руб.
от подсобных предприятий	320 руб.	4300 руб.
от скотоводства	56 руб.	112 руб.
от торговли	300 руб.	4300 руб.

единый сельхозналог	21,59 руб.	—
индивидуальный налог	—	—
самообложение	32,40 руб.	—

У Николая Алексеевича была и большая семья:

- мать Акулина Кар.(?), 77 лет, находилась на иждивении,
- жена Дарья Алекс.(?), 53 года, домохозяйка,
- сестра Мария Алексеевна, 53 года, сельское хозяйство,
- сестра Анастасия Алексеевна, возраст—?, заведующая учебной частью ФЗУ в Свердловске,
- дочь Глафира Николаевна, 22 года, студентка геологического отделения Свердловского горного института,
- дочь Галина Николаевна, 19 лет, инструктор Верхотурского райОНО,
- сын Анатолий Николаевич, 17 лет, учащийся Красноуфимского сельскохозяйственного техникума,
- дочь Тамара Николаевна, 14 лет, учащаяся школы,
- дочь Софья Николаевна, 9 лет, учащаяся школы.

Следствие по делу Николая Лапина вёл районный уполномоченный ОГПУ Могилевцев. Разбирательство продолжалось недолго. Уже 7 марта 1933 года по итогам расследования было составлено обвинительное заключение⁶. В его основу легли показания свидетелей П.И.Козлова, П.П.Глазунова, К.П.Отраднава, М.И.Казымова, А.И.Беляева, И.Г.Афанасьева и других. В документе утверждалось, что бывший кулак и торговец Лапин Николай Алексеевич с целью помешать проведению мероприятий Советской власти в деревне, вёл сначала скрытую, а затем и открытую антисоветскую агитацию, используя для этого всякий удобный случай. В разговорах с колхозниками и единоличниками утверждал: «Советская власть всех разорила, нет никому житья, сегодня – твоё, завтра – нет. Не для чего работать и хлеб даром отдавать». В конце октября 1932 года на рынке в толпе лиц, возмущаясь хлебозаготовками, говорил следующее: «Вот так мужика жмёт Советская власть, весь хлеб отдай и не считаются ни с чем, потому и сеять не надо. В колхозе даром работать заставляют и голодом сидеть». 30 января 1933 года Лапин, работая на лесозаготовках, призывал рабочих бросить работу, среди работников еловской артели говорил: «Не нужно возить дрова, пускай замёрзает всё Верхотурье, пока не добавят цену» и после этого покинул работу. 2 февраля, встретив на реке Туре гражданина Афанасьева, сообщил:

«Жить невозможно при Советской власти, землю лучшую отняли для сельхозкомбината, налогами обложили мужиков. Сеять не буду, нет никакого расчёта – всё забирают. Вот заставляют лес возить, а пайка не хватает. Продам лошадь и уеду отсюда». 26 февраля в воскресенье на рынке в разговоре о подготовке к весенне-посевной компании заявил: «Вот колхозы всю хорошую землю отобрали и ничего у них не вышло, хоть с голоду пропадай, и везде так. Вздумали овощеводством заниматься, разве порядок это. Заставляют работать даром субботниками на колхозы и всё равно ничего не выходит, да и не могло быть лучше. Хлеб у всех отобрали, не оставили на семена, а говорят: «Сей!». Никто не будет сеять, последнее берут, не считаются ни с чем. Вот теперь жалею, что отдал 8 пудов пшеницы, не надо было отдавать. Лучше не сеять и в колхоз не идти, чем в колхозе голодом сидеть, колхозники везде голодают». Собеседник Лапина Казымов возразил, что согласно нового закона, брать зерна у крестьян будут меньше. На это Лапин ответил: «Это только в газетах, а газеты-то и раньше писали, что только излишки сдавать, а отбирают всё и ничего тебе не оставят. Опять то же будет».

Помимо указанных высказываний, Лапину припомнили и старые грехи. В 1918-1919 годах он, согласно показаниям свидетелей, выдавал белым большевиков. В частности, выловил трёх человек, бежавших из верхотурской тюрьмы, и сдал их в комендантское управление, где они были расстреляны. В 1925 году, во избежание реквизиции, ликвидировал часть личного хозяйства – продал дом, две коровы и потерял, якобы, жеребёнка. Вплоть до времени ареста исполнял должность члена церковного совета одного из городских храмов, поддерживал связь с монашескими, в том числе и высланными³. Из числа своих знакомых, настроенных против Советской власти, Лапин назвал несколько имён: Зязев (бывший владелец маслобойного завода), Грязнов (скрывающийся бывший торговец, приезжал в Верхотурье в 1932 году), Бобков Василий Терентьевич (бывший торговец), Барихин Александр⁷.

Виду того, что его деяния не принесли существенного вреда Советской власти, решением Тройки при ПП ОГПУ по Уралу от 21 марта 1933 года Н.А.Лапин по ст.58-10 УК РСФСР за контрреволюционную агитацию был приговорён к трём годам

заклучения в концлагерь (условно) и освобождён из-под стражи. Реабилитирован 2 июня 2003 года.

Примечания:

¹ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.43476, л.33.

²Там же. Л.43.

³Там же. Л.57-60.

⁴Там же. Л.34, 44.

⁵ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.9619, л.16-16об.

⁶Там же. Л.21.

⁷Там же. Л.17.

Гунгер Юрий Владимирович

Военные топографы в Богословской горном округе

Высочайшим повелением 19 октября 1850 года «предназначено было приступить к тригонометрическим работам в Уральских казенных заводах, для доставления данных к производству там топографической съемки». К исполнению привлекли французских топографов Эдуарда Бержье и Августа Аллори, приступивших к работам в 1854 году. Казенными в то время были Богословский, Гороблагодатский, Екатеринбургский, Златоустовский, Пермский и Воткинский горные округа, не граничащие между собой, поэтому триангуляционную сеть в каждом горном округе французы создавали обособленной.

В 1861 году срок семилетнего контракта истек, но работы французами не были закончены. Поэтому министр финансов просил военного министра, чтобы триангуляционные и топографические работы завершили военные топографы. Приказом по Генеральному штабу №166 от 28 января 1863 года «для производства тригонометрических работ» были командированы из Оренбургского тригонометрического измерения капитан В.В.Маслов, штабс-капитан Ренвальд и прапорщик Камкин, из военно-топографического депо – подпоручик Калугин 1-й и прапорщик Данилов. 13 марта 1863 года они с инструментами прибыли в Екатеринбург¹.

Первой заботой капитана Маслова, назначенного заведующим Уральской триангуляцией, стала ревизия произведенного французами.

В Богословском горном округе Маслов нашел несколько построенных ординарных пирамид и «даже 6-ть сигналов». В небольших пирамидах (3-4 сажень высотой) было закреплено бревно, увеличивающее высоту до 4-5 и даже 7 сажень. Вероятно, «прежде французские топографы не имели понятия о возможности делать наблюдения, поднявшись на сигнальной постройке над поверхностью земли, или имели в виду весьма выгодное для них продолжение работ еще на 7 лет сверх заключенного контракта». В полностью лесопокрытом Богословском округе измерение углов «с земли было крайне неудобно, а в некоторых случаях и совершенно невозможно». Проблему французы решали варварским способом: «с помощью громадных просек». Только в 1860 году, по настоянию Горного ведомства, «видевшего бесполезное истребление лесов просеками», объявили, что «могут производить работы посредством сигналов». При строительстве сигналов также «впали в грубую ошибку: центральное бревно, предназначающееся для постановки на нем инструмента, уединяется от общей сигнальной постройки; у них же оно служило для скрепления частей сигнала, так что все полы и подпоры прибивались к нему, отчего, при небольшом ветре, инструмент, поставленный на сигнал, сильно качался».

Наблюдений на построенных триангуляционных пунктах не было произведено. Зато уже была произведена топографическая съемка и «исправление брульонов съемки по тригонометрическим измерениям занимало весьма много времени и не могло уже доставить ей той точности»².

Для ориентирования триангуляционной сети и «для поверки предпринятых французскими топографами тригонометрических работ» астрономами Главной Николаевской астрономической обсерватории в 1855 году были произведены астрономические наблюдения³. По сведениям П.Петровского, одним из этих астрономов был В.К.Деллен⁴.

Астрономический столб в Богословске, «не высокий, около аршина над землею», Маслов нашел «твердо вкопанным в землю и, вероятно, не изменившим своего положения с 1855 года», но азимутальный столб, «имевший над поверхностью земли около сажени, был подкопан, возле него вырыта яма, основание столба надрублено и самый столб имел наклонное положение». Колокольни церквей в Богословске⁵, Турьинских Рудниках⁶ и Петропавловске⁷, также определенных астрономами, были в наличии⁸.

Полевые работы в 1863 году были начаты 15 апреля. В северной части Богословского горного округа работы производил прапорщик Камкин, в южной – капитан Маслов, в Николае-Павдинской даче округа – подпоручик Калугин 1-й, в северной части Гороблагодатского округа – штабс-капитан Ренвальд, в южной – прапорщик Данилов. Для производства работ главным начальником Уральских горных заводов Ф.И.Фелькнером были также назначены солдаты 9-го Оренбургского линейного батальона. При каждом производителе работ находились по одному унтер-офицеру и 11 рядовых. Но батальон вскоре был расформирован, и с 15 июня работы продолжались «вольным наймом рабочих», очень затруднительным, т.к. «большая часть их была законтрактована на золотые прииски». Сильно затрудняли работы большая удаленность от жилья, бездорожье, снег, выпадавший еще и в мае, частые дожди, с начала сентября – туманы. Особенно на вершинах Уральского хребта – Денежкином, Конжаковском, Сухогорском и Лялинском Камнях – снег лежал до середины июня, постоянные туманы, каменистость и скалистость очень затрудняли постройку пирамид. «Не имея возможности выбить ям для нижних концов бревен, старались укрепить их между расщелинами скал и приворачивали к ним большие глыбы камня. На остроконечных горах, для постановки пирамид, клали сперва горизонтальные венцы или рамы, которые вертикальными стойками прикреплялись к земле и потом уже в эти венцы вставлялись и к ним прибивались нижние части пирамид».

Всего построили 41 ординарную пирамиду (в т.ч. исправили построенные французскими топографами), 20 – двойных пирамид (от 6 до 9 саженей⁹ высотой). Сигналов (от 9 до 15 саженей) построили 13 и исправили 6. Было выставлено 19 вех и 3 марки (для определения падения рек Чусовой и Серебрянки)¹⁰.

Опустим описание конструкций геодезических знаков: принципиальных изменений они до наших дней не претерпели. Интересна технология их строительства. Приведем лишь описание установки главных бревен 10-саженного сигнала. «Их устанавливали в цилиндрических углублениях, сделанных в земле на 8 футов¹¹. Дно углублений вымачивали большими камнями на один фут, дабы бревна не могли опускаться; эти углубления имели около 4 футов в поперечнике и центры их составляли квадрат в 10 футов. Для поднятия главных бревен и установления их в вертикальное положение,

употребляли 3 пары сухих жердей: первую длиною в 2, вторую – в 4 и третью – в 6 саж[еней]. Эти жерди были толщиною у нижнего конца от 3 до 5 дюймов¹². Они имели на фут от верхнего конца просверленное отверстие, чрез которое продета была веревочная петля, длиною в 5 футов. ...Положив нижний конец бревна над углублением, приставляли к стенам его две доски, дабы бревно могло опускаться по оным до дна ямы. Рабочие, взяв по команде бревно на руки, и подвигаясь постепенно к комлю, приподнимали вершину на столько, чтобы возможно было подставить под него две доски с дугообразными выемками и потом первую пару жердей (двухсаженных). Обложив бревно петлею каждой жерди так, чтобы верхний конец их находился также в ней, крутили жерди до тех пор, пока они укрепятся плотно к бревну и составят, таким образом, подвижные козлы, посредством коих поднимали бревно, подвигав для сего нижние концы жердей друг к другу.

Когда вершина бревна была около 2 $\frac{1}{2}$ саж[еней] сверх земли, подставляли под ней, описанным образом, другую пару жердей (четырёхсаженных) и поднимали на них бревно. Тогда покрутив жерди первой пары по противному направлению для ослабления их петель, подвигали их ближе к комлю и поднимали опять бревно. Ослабив петли второй пары и подвинув их ближе к комлю, продолжали поднимать бревно до тех пор, пока возможно было подставить третью пару жердей (шестисаженных). Отняв тогда первую пару, поднятие продолжалось посредством двух последних пар.

Когда бревно было в яме и почти вертикально, наполняли углубление большими камнями, и приводили бревно в вертикальное положение посредством двух отвесов, установленных в 20 или 30 шагах от бревна с двух сторон, в направлении квадрата основания сигнала. Бревно обкладывали камнями на пять футов сверх земли¹³.

Для «поднятия и установления 4 главных и 8 подпирательных бревен употребляемы были до 15 человек вольнонаемных рабочих». Постройка сигнала занимала 5-6 дней, «при дожде и сильном ветре работы останавливали, потому что поднятие и установление в это время главных и подпирательных бревен чрезвычайно опасно».

Сверху сигнала строилась пирамида высотой 1,5-2 сажени. При строительстве 15-саженного сигнала сначала строился 10-саженный сигнал, потом на нем надстраивалась 5-саженная надставка. «К одному

из бревен пирамиды прибивались гвоздями поперечные шпонки, для входа на вершину пирамиды. Крыша пирамиды состояла из тонких досок, прибитых гвоздями к бревнам, начиная от параллелепипеда вниз на одну сажень. Между досками оставляли промежутки около двух дюймов, для уменьшения влияния ветра. Крыши пирамид окрашивали черною краскою, дабы они яснее были видны»¹⁴.

В 1864-1867 годах «триангуляция проложена далее на восток по земле Уральских горных заводов, а южнее ее произведены обширные тригонометрические работы, покрывшие всю территорию Оренбургского казачьего войска, и связавшие триангуляцию Уральских горных заводов с рядом треугольников, проходящих от Самарской луки до Орска¹⁵. Таким образом, сеть триангуляций образовала огромный замкнутый круг, охвативший большую и, «при том, самую культурную часть» Европейской России¹⁶.

Дальнейшую судьбу военного топографа Василия Васильевича Маслова удалось, в какой-то мере, проследить. В 1868-1878 годах полковник В.В.Маслов был начальником Западно-Сибирского военнотопографического отдела¹⁷. В 1872 году была отчеканена медаль «В память пятидесятилетия Корпуса военных топографов», на которой выбиты «имена всех лиц, оказавших особенные заслуги корпусу военных топографов». В числе прочих на медали значится имя Василия Васильевича Маслова¹⁸. В сентябре 1879 года отставной генерал-майор В.В.Маслов был избран омским городским головой и пребывал в этой должности до своей смерти в 1882 году¹⁹.

Парадоксально, но никто не воспользовался результатами таких масштабных работ. Маркшейдерские планы рудников и разведок продолжали составляться в условных системах координат, также как лесоустроительные и даже топографические карты.

В 1894 году в Богословском горном округе Е.С.Федоровым были начаты невиданные до того по масштабам геологические изыскания, покрывшие всю территорию округа. Геологические работы были предварены топографической съемкой масштаба 1:10000²⁰. Тогда и вспомнили о триангуляции В.В.Маслова.

Евграф Степанович писал в отчете: «При этом необходимо заметить, что и сами тригонометрические пункты в начале наших работ были забыты и могли считаться потерянными. Построенные в свое время топографические пирамиды давно рухнули и сгнили, а из

местных обывателей никто не мог указать на место бывшего их нахождения»²¹. Федорову пришлось разыскивать и восстанавливать утраченные пункты триангуляции. Но это уже другая история.

Примечания:

Записки военно-топографического отдела Главного штаба. Ч.29. СПб, 1868. С.9-10.

²Там же. С.65-67.

³Там же. С.82.

⁴Петровский П. Восстановление Турьинского базиса Уральской тригонометрической сети. Екатеринбург, 1913. С.1.

⁵Ныне город Карпинск Свердловской области.

⁶Ныне город Краснотурьинск Свердловской области.

⁷Ныне город Североуральск Свердловской области.

⁸Записки военно-топографического отдела Главного штаба. Ч.29. СПб, 1868. С.83-85.

⁹1 сажень = 2,13 м.

¹⁰Записки военно-топографического отдела... С.68, 76.

¹¹ фут = 0,3 м.

¹² дюйм = 25,4 мм.

¹³Записки военно-топографического депо. Ч.23. СПб, 1862. Отд.2. С.60-61.

¹⁴Там же. С.62-63.

¹⁵Де-Ливрон В. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов в первое десятилетие благополучного царствования государя Императора Александра Николаевича. 1855-1880 гг. СПб, 1880. С.26.

¹⁶Там же. С.26-27.

¹⁷Смагин Р.Ю. Становление военно-топографической службы Сибири в XIX-начале XX века (на примере Омского военно-топографического отдела) // Геодезия и картография. 2012. №1. С.51.

¹⁸Иверсен Ю. Медали, выбитые в царствование Императора Александра II. СПб, 1880. С.38.

¹⁹Сорокин А.П. Материалы к биографии глав местного самоуправления в городе Омске в период 1870–1919 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. №12. Омск, 2006. С.93-94.

²⁰Вульф Г.Г., Гунгер Ю.В. Постоянное учреждение. 110 лет Краснотурьинскому музею. Краснотурьинск, 2004. С.19.

²¹Федоров Е.С. Топографический очерк // Федоров Е.С., Никитин В.В. Богословский горный округ. Описание в отношении его топографии, минералогии, геологии и рудных месторождений. СПб, 1901. С.5.

Юрий Степанович Дерябин

Существует предположение, что фамилия Дерябин являлась для предков рода так называемым «географическим» прозвищем, присвоенным им по месту жительства. По этой версии, прозвание Дерябин закрепилось за уроженцем деревни Дерябино. Так в одноименных населенных пунктах, к примеру расположенных в Новгородской области и Верхотурском районе Свердловской области, по ревизии 1719 года фамилию Дерябины носили 12 дворов поселения Дерябино. Фамильное наименование Дерябиных упоминается в письменных источниках с первой половины XVI века. Так, например в «Одномастиконе» Веселовского указан крестьянин Гаврило Васильевич Дерябин (1523 г.), а в «Актах исторических» значится московский дьяк Давыд Дерябин (1651 г). Известен так же дворянский род Дерябиных, описание герба которого внесено в часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». Одним из носителей этой фамилии являлся знаменитый воевода князь Андрей Иванович Деряба Шуйский (середина XVI века).

Еще один Дерябин, чьи предки были уроженцами с.Дерябино. Сын Степана Андреевича Дерябина, Дерябин Юрий Степанович. Юрий Степанович Дерябин родился 3 января 1932 года в с.Карачельское Шумихинского района Уральской области (ныне Курганская). В 1954 году окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Владел финским, норвежским, шведским, английским и немецким языками. В 1954-1996 годах был на дипломатической службе, в том числе в качестве заместителя министра иностранных дел и посла России в Финляндии, занимался вопросами отношений со странами Северной Европы, проблемами безопасности и сотрудничества в Европе. В 1996-1998 годах работал заместителем секретаря Совета Безопасности РФ по международным вопросам. Имеет ранг Действительного Государственного Советника РФ 1 класса. Награжден российскими и иностранными орденами. Член Консультативного совета Международного фонда балтийского развития. Написал более десяти книг по проблематике Северной

Европы и вопросам европейской безопасности, в том числе изданных за рубежом, а так же более 300 статей.

С 1954 года работал в системе МИДа. С 1954 по 1996 годы на дипломатической работе. В том числе заместитель министра иностранных дел СССР. С 1958-1986 годах был сотрудником Посольства СССР в Норвегии, Посольства СССР в Финляндии, заместителем заведующего отделом скандинавских стран Министерства иностранных дел. С 1986 по 1991 годы возглавлял Департамент безопасности и сотрудничества в Европе Министерства иностранных дел СССР, с сентября 1991 года занимал должность заместителя министра иностранных дел СССР, в 1992-1996 годы посол России в Финляндии. Участвовал в подготовке проекта Договора между Россией и Финляндией об основах отношений. В 1996-1998 годах заместитель секретаря Совета Безопасности РФ. Принимал участие в форумах СБСЕ / ОБСЕ. С 1999 года работал в Центре Северной Европы Института Европы РАН старшим научным сотрудником, затем руководителем. Специализировался по проблемам военно-стратегической ситуации на Севере Европы, вопросам общеевропейской безопасности. Написал несколько книг о положении в Финляндии (под псевдонимом Юрий Комиссаров), был одним из самых влиятельных послов России в Финляндии. Юрий Степанович был женат, воспитал двух сыновей. Награжден орденом «Знак Почета», юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», медалью «Ветеран труда», Большим Рыцарским крестом ордена Льва Финляндии. Юрий Степанович скончался после тяжелой продолжительной болезни 1 августа 2013 года в Москве.

Вот таково описание жизни еще одного нашего земляка-дерябинца, оставившего свой знаменитый след в Российской истории.

Дьяконова (Шельякова) Ольга Савельевна

«Главное, ребята, сердцем не стареть!»

Листая воспоминания самых дорогих лет своей жизни, хочу сказать, что комсомольский период - самое светлое и счастливое

время. С гордостью утвердилась в мысли, что меня окружали интересные, равнодушные, творческие люди.

Я выросла в Верхотурье в простой рабочей семье. Мой папа воевал и погиб, защищая нашу Родину от врагов, мама - простая работница сферы общественного питания.

В советские времена организация работы с детьми была четкой. В первом классе нас принимали в октябрята, вручали значки – звездочки. У нас появлялись первые обязанности, ответственность. Поручали выполнять пусть простые, но очень важные, на наш взгляд, задания. Класс делился на «звездочки» по пять человек в каждой (по числу лучей октябратского значка), избирался командир. Появлялся первый коллектив, который мог повлиять на каждого ребенка. Это объединяло ребят. Главная задачей у нас была - хорошо учиться и вступить в пионеры.

В третьем классе нас торжественно, под звуки горнов и барабанов принимали в пионеры. При этом мы давали торжественную клятву. Появлялись новые атрибуты - алый галстук, пионерский значок, новые обязанности и новый уровень ответственности за свои поступки. Все пионерские дела проводились под девизом: “Пионер - всем ребятам пример!” В школе принимала участие во всех общественных мероприятиях - сбор макулатуры, металлолома, тимуровское движение. Причем, все дела проводились с воспитательной целью. Например, сбор металлолома проводился под девизом: «Мартенам - металлолом!» Таким образом, пионерская организация приучала детей к великим делам страны. Выработывался патриотизм, любовь к Родине. Или тимуровское движение - помощь пожилым людям, инвалидам. Этим воспитывалось уважение к старшим. Занять отрядом первое место в проводимой в школе акции, было делом чести. И мотивацией выступала не материальная награда, а стремление быть лучшим, быть впереди...

Свою комсомольскую деятельность начала с 14 лет, сразу с получением комсомольского билета. Помню свое волнение перед приемом в комсомол. Вступление в ряды ВЛКСМ и сегодня одно из самых ярких моих воспоминаний. В комсомол меня принимали в канун дня рождения комсомола сначала в школе, а затем в райком комсомола. Помню, как все мы волновались и с трепетом отвечали на задаваемые вопросы, даже и тот момент связан с трудностями. Устав

ВЛКСМ надо было знать, книжонка была, но ее надо было учить наизусть, по работе Ленина «Задачи союзов молодежи», по международной обстановке и всех политических деятелей без ошибок называть. Вопросы задавали много. Но зато когда я ответила на все вопросы (а там сидели три или четыре человека, не помню), мне пожали руку. И обратно я на крыльях летела, чтобы дома рассказать. Да меня же похвалили! Боже! Вопросы, на которые я отвечала, точно не припомню, там что-то про ордена, за что орденом Ленина комсомол наградили, что-то о Политбюро – кто там занимает какую должность. Что меня еще напрягало, так это, что надо было изучать разные материалы партийных съездов. Как только что там проходило, то заставляли учить и конспектировать, знать свою страну, свой город. Затем объявили решение о приеме в ряды комсомольцев. Иногда сразу вручали комсомольский билет и значок, а иногда на собраниях, на торжественных мероприятиях. Это было в ноябре 1957 года, нам вручали комсомольские билеты, памятку и значки. Комсомольский билет я храню до сих пор. Взносы в школе составляли 2 копейки в месяц. С работающего комсомольца шел процент на взносы. То есть самым действительно наивысшим моментом для комсомольцев был сам факт вступления в ряды организации (да и то это было нелегко). Никто насильно никого в комсомол не загоняли. В нас воспитывали хорошие качества. С детства прививали дружбу, взаимопомощь, ответственность.

Очень важна была работа в школе и в пионерской организации, которой руководил ВЛКСМ. Комсомольская организация школы активно воздействовала на всю учебную, воспитательную работу. Самое первое поручение школьным комитетом ВЛКСМ было дано мне и многим комсомольцам школы - ликвидация безграмотности. За нами закрепляли пожилых людей, и мы ходили по домам обучать их грамоте – учили писать и читать. За каждым из нас закрепляли по пять человек.

Однажды со мной произошел интересный случай: меня чуть не выгнали из комсомола. А за что? Приехал какой-то представитель из райкома комсомола, стал агитировать нас, чтобы мы беседовали с бабушками и отговаривали их молиться. А я языкастая была, говорю: «Ага, как же стану я отговаривать, а кто же мне тогда 20 копеек на кино даст? Не буду я этого делать – бабушка жизнь прожила». Этот

представитель спрашивает: «Может, Вы сами в Бога верите?». Я в ответ: «Верить не верю, а бабушку агитировать не буду, что ей – в комсомол, что ли вступать?» Ну вот, и все начали меня прорабатывать. Не выгнали, но замечание записали. «Почему не борешься с иконами?» А что с ними бороться – они в каждом доме висят.

В восьмом классе избирают членом ученического комитета школы, и комитет комсомола меня назначил вожатой над учащимися 3 класса. В 9 классе меня избирают уже председателем ученического комитета. Это была большая честь для меня. В первые минуты было трудно взять себя в руки.

Какими были будни комсомольца?

Например, был у нас так называемый «Комсомольский прожектор», штаб которого избирался из числа рядовых комсомольцев на комсомольском собрании. Комсомольский прожектор проводил рейды по классам, из которых поступали сигналы о плохой учебе или плохом поведении комсомольца. Попасть «под свет» «Комсомольского прожектора» было чревато серьезными последствиями. Провинившийся мог быть строго наказан. Не оставались без внимания комсомола и разные добрые дела. В задачи комитета комсомола входила организация свободного времени учащихся. Устраивались различные мероприятия конкурсы, викторины, работали различные кружки, спортивные секции, проводились комсомольские субботники, спортивные мероприятия, участие в мероприятиях города.

Участвовала во всех школьных соревнованиях: по баскетболу, волейболу, лыжам, легкой атлетике, занимая призовые места. Летом 1965 года в составе сборной школы выступала на областных соревнованиях по волейболу за наш город, мы заняли 1-е место. Впервые ощутили радость большой победы над соперниками. И это с годами не исчезало, а добавляло сил, чтобы идти вперед к новым победам в спорте и жизни. Никогда не забудется строительство спортивного зала к школе, в сооружении которого все старшеклассники принимали активное участие и с нетерпением ждали его открытия. Разбивка пришкольного участка. Создание школьного музея, сначала небольшая комната при учительской, закладка памятника, каждый год весной проходили смотры художественной

самодеятельности сначала классов, а затем коллективов школ. Это была большая работа педагогов и учащихся. На сцене клуба, где выступали ребята, раскрывались таланты детей: и чтецов, и танцоров, и солистов, поистине неиссякаемый талант, и многие другие мероприятия. Для того, чтобы молодежи было интересно, комсомольские организации города под руководством райкома комсомола, проводили городские тематические вечера отдыха.

Глядя на фотографии тех лет, думаешь, как хорошо, что во время нашей молодости был комсомол, организация, которая не просто объединяла, но и давала возможность каждому из нас раскрыть себя, почувствовать необходимость и свою значимость для страны, своего города, района. Каждый день представлял нам на выбор десятки дел, которые были подчас сложными, но делали счастливыми не только нас, но и тех, кто был рядом.

После окончания школы я год работала в своей школе старшей пионервожатой и затем уехала учиться в г.Свердловск. После окончания техникума вернулась в родной город и вновь окунулась в активную жизнь комсомольской организации. Первым секретарем райкома ВЛКСМ тогда был Юра Марков, умный и опытный руководитель. Это был инициативный, энергичный, творческий человек. Его уважала молодежь, с ним интересно было работать, он много ответственности брал на себя и с честью все выполнял. Снова родная школа, пионерская и учительская работа, сборы комсомольского и пионерского актива школ города и района. Учили как интересно и с пользой проводить комсомольское собрание, пионерский сбор, мы делились опытом работы. Нити дружбы объединяли нас. На базе районного Дома пионеров проводились семинары для старших пионервожатых школ, учительские комсомольские огоньки. На таких встречах подводились итоги работы, ставились задачи на новый учебный год. Молодежь знакомилась, общалась, завязывалась дружба, работать становилось интересно. Работа в комсомоле богата общением с людьми. Общение - это, наверное, самое интересное, самое памятное. Мне тогда было чуть больше 20. Такого же возраста была молодежь в комсомольских организациях. Только на равных, прислушиваясь к комсомольцам, советуясь с ними, можно было рассчитывать на понимание, на успех в деле. Так была поставлена система работы с активом города и района

Примерно в 1963 году появился термин "коммунарское движение", когда в стране появились сотни "секций клуба Юных коммунаров". Это движение было подхвачено и в нашем городе. Отличительным признаком коммунарства был культ самоуправления. Принцип трёх «САМИ»: сами планируем дело, сами его проводим и сами его обсуждаем. Помню, как нас поддерживал в этих начинаниях наш любимый директор школы – Константин Никитич Новиков. Появились Советы дела - СД. Коммунарская система работы начала быстро распространяться на школьную внеклассную жизнь.

Конечно, были трудности, порой приходилось упрашивать людей приходить после занятий или в выходной на какие-либо мероприятия. Доставалось от директора школы за то, что молодежь бросает окурки возле школы, и он не разрешал нам играть в спортивные игры в зале.

В 1965 году я по семейным обстоятельствам переехала в г.Красноуфимск, где продолжала свою педагогическую деятельность, работала старшей пионервожатой в школе и принимала активное участие в комсомольской жизни совхоза и города. Спросите, почему совхоза? Я работала в сельской школе, которая располагалась на территории совхоза «Красноуфимский». Совхоз – миллионер. Там я и состояла на комсомольском учете. Позднее избрали в состав комитета и членом горкома ВЛКСМ, где я и состояла до 13 ноября 1967 года. Здесь была хорошо поставлена работа с комсомольцами по патриотическому воспитанию, культурно-массовая, спортивная работа, организация соцсоревнования, шефская работа с подшефными школами. В ноябре меня приняли кандидатом в члены коммунистической партии и до её расформирования я была в составе партии.

Вот некоторые интересные моменты из жизни комсомольской организации в г.Красноуфимске. Думаю, моим землякам небезинтересно будет немного узнать, как в дальнейшем сложился мой комсомольский период.

В апреле 1966 года нас встречали в Александровском сельском Доме культуры. Расставлены столики, на каждом из них цветы в вазах, сервировка к чаю. Этот вечер был не совсем обычным: в гостях были 1-й и 2-й секретари горкома ВЛКСМ, зав. отделом культуры райисполкома, секретарь парткома совхоза «Красноуфимский» Н.Н.Блаженков. Секретарь комсомольской организации совхоза

рассказал о ходе подготовки к севу, о соревновании молодежных агрегатов. Владимир Александрович, так звали мы своего вожака, был энергичный, ответственный, трудолюбивый человек. Работал художником Дома культуры, и добросовестно выполнял общественную комсомольскую работу.

Много юмора, выдумки было в веселом соревновании комсомольцев соседних сел. Много комсомольских песен спели в этот вечер его участники. Здесь я впервые познакомилась с руководителями городского комитета комсомола. Первый секретарь говорил тихо, спокойно, в глазах горел огонек энергии, оптимизма, который действовал магически на всех. После слов его поддержки хотелось еще лучше работать. Комсомольские огоньки соседних сел стали традиционными, мы их ждали, к ним готовились. Такая форма работы с молодежью была интересной, живой, содержательной.

Вечерами в школу приходила молодежь, и допоздна играли в волейбол, баскетбол. Коллективно вся молодежь села проводила в ряды Советской армии ребят. Стали традиционными комсомольские субботники. Молодежь выходила в выходные дни работать на ферме - белили, мыли панели, подновляли стенды. Узнав о том, что не готово еще к приему нового урожая колхозное овощехранилище, на комсомольском собрании решили - проведем субботник. На работу вышли дружно с огоньком, с шутками. Помещение, где зимой хранятся овощи, очистили от мусора и остатков старого урожая. Осенью организовали воскресник по уборке лука и овощей, весной трудились на посевной.

Создали художественную самодеятельность и выступали с концертами. Стало доброй традицией ежегодно после окончания посевной и уборочной компаний проводить весенний и осенний балы, развлекательные и тематические праздники, новогодний бал, которые составляли и вели сами комсомольцы. Руководство совхоза с большим вниманием относилось к нам и каждый год для активистов организовывали поездки в города-герои, театры. По инициативе Героя Социалистического Труда Василия Николаевича Краюхина - сильного, умного руководителя, между школами, а их на территории совхоза было пять, комсомольская организация совхоза организовывала социалистические соревнования и в конце учебного года подводились итоги. Победителей руководство совхоза

премировало поездками: за 1-е место – в Ленинград, 2-е место – в Москву, 3-е место - в Свердловск.

Комсомольская организация совхоза всегда принимала участие в любых мероприятиях проводимых городским комитетом комсомола и всегда была на передовых позициях. Так небольшая комсомольская организация задавала тон в селе и городе. Многое, конечно, зависело от ее лидера. И нам не хотелось жить скучно. Нужно всегда гореть самим и зажигать других. Во всем секретарь должен показывать пример, начинать первым и тогда за тобой пойдут люди.

Елисафенко Марина Константиновна

На пути к всеобучу: опыт Верхотурского уездного земства

Верхотурское уездное земство было учреждено в 1870 году. С первых шагов своей деятельности верхотурские гласные признали развитие народного образования одним из приоритетных направлений своей деятельности. На первом земском собрании постановили принять финансирование школ всех ведомств, принять меры к открытию новых начальных училищ.

К моменту введения земских учреждений в Пермской губернии на более чем два миллиона жителей пришлось 209 министерских школ, 39 церковноприходских с 10 тыс. обучавшихся. Абсолютный показатель не должен вводить в заблуждения своими нулями, в действительности ученичеством были охвачены только пять процентов детей школьного возраста¹. Одно училище пришлось на девять тысяч человек, т.е. из каждой тысячи человек, проживавших в губернии, учились лишь четверо².

Состояние грамотности в Верхотурском уезде было более чем удовлетворительным по сравнению с другими уездами. Территория уезда – более 6 млн. десятин земли, из них около 1,5 млн. пришлось на практически необитаемые северные территории.

Западная часть уезда (21 волость) была промышленно развита, в ее пределах была создана сеть казенных и частных заводов, при которых были открыты школы, в частности при Богословском, Баранчинском,

Нижнетурунском, Верхнетурунском, Серебрянском, Николае-Павдинском, Петропавловском, Кушвинском, Турьинском заводах и Фроловском рудниках.

Восточные 11 волостей были заселены государственными крестьянами. Сеть школ в государственной деревне была сформирована в соответствии с реформами 1837-1841 годов П.Д.Киселева. На 1860 год в Верхотурском уезде действовали Меркушинское, Мугайское, Коптеловское, Мурзинское, Краснопольское приходские училища Министерства государственных имуществ, в которых обучался 101 учащийся, в этом же году духовенством были открыты «безмездные» Махневское, Мироновское, Арамашевское училища, в которых обучалось 22 учащихся³.

Первые шаги верхотурских гласных в области просвещения были направлены на решение организационных вопросов: было назначено особое лицо от земства для заведывания школами, был создан училищный совет, территория уезда была поделена на несколько участков, на каждый из них был назначен наблюдатель, который три-четыре раза в год лично посещал школы своего участка.

Организационные мероприятия не могли заменить главной задачи – обеспечение населения доступной школой, а значит было необходимо открывать новые учебные заведения. Земские деятели Верхотурского уезда столкнулись с общей для всех уральских земств проблемой – нехваткой денежных средств. В первые годы работы в большинстве уездов гласные приняли решение открывать начальные народные училища только в том случае, если сельские общества взяли на себя расходы по содержанию школьного помещения. Верхотурские земцы единодушно приняли решение открывать народные училища исключительно на свои средства.

По данным В. Шишонко¹, уже в 1871-1873 годах новые школы были открыты в 19 селах и при 15 заводах⁴.

В 1873 году в уезде насчитывалась 41 земская школа, для их успешной работы было приобретено 14237 экземпляров учебных

¹ Василий Никифорович Шишонко (1831–1889) – пермский медик, педагог, инспектор народных училищ Пермской губернии, краевед, действительный статский советник.

пособий, при шести школах были открыты ремесленные классы: четыре столярных, сапожный и тележный. Выйский столярный класс, например, снабдил своими изделиями (партами Эрисмана, фребелевскими игрушками², линейными мерами) не только школы Верхотурского уезда, но и выполнил несколько заказов для других уездов. Был образован запасной училищный капитал. В 1873 году он составил 34 166 руб.⁵

В 1874 году в Верхотурском уезде на 196 тыс. было 43 начальных народных училища, в которых обучалось 4558 учеников, т.е. школу посещал каждый 68 житель уезда, уезд по этому показателю уступил только Екатеринбургскому уезду, где обучался каждый 67 житель⁶.

Первые пять лет деятельности Верхотурского уездного земства были наиболее успешными, за это время количество школ увеличилось в 2,4 раза – с 18 в 1871 году до 44 в 1875, при этом 11 школ или 25 % были расположены в специально построенных или приобретенных земством зданиях, соответствовавших требованиям [СПЗ. 1885. N18. С.478] В последующие пять лет динамика открытия начальных учебных заведений школ снизились наполовину, было открыто только 10 школ, общее количество составило 54, т.е. произошел рост лишь в 1,2 раза.

В начале 1880-х годов из 27 893 детей школьного возраста, проживавших в уезде, посещали земские школы только четыре тысячи или 14,35 %. При этом школы на территории уезда распределялись неравномерно.

В восточных сельскохозяйственных волостях действовало 30 школ, в них обучалось 1860 учащихся, из которых более 37 % были вынуждены приходить в школу из малых деревень, где не было школ.

В западной части уезда, горно-заводской, примерно равной по числу жителей восточной, школ было меньше – 24, но учившихся в них – гораздо больше – 2879 человек, причем приходивших было меньше – 70 детей⁷.

Существенная нехватка школ, их переполненность объяснялись низкой плотностью населения, преобладанием в уезде малочисленных населенных пунктов, находившихся на большом расстоянии друг от

² Фребелевские игрушки – первый обучающий (дидактический) материал для детей, объемные и плоские предметы.

друга. На территории уезда насчитывалось 2 города, 18 заводов, 55 сел, 438 деревень⁸, сельские жители составили 96 % населения уезда.

С целью создания условий для обучения детей из удаленных населенных пунктов верхотурские гласные поддерживали идею открытия ночлежных приютов при действующих школах, а также создания более дешевых типов учебных заведений: передвижных школ и школ грамоты, «которые имеют за собой то преимущество, что доставляя необходимейшие средства для умственного и нравственного развития учащихся, вместе с тем скорее достигают цели и обходятся дешевле»⁹. Всего в губернии было открыто около 200 ученических общежитий и ночлежных приютов, в т.ч. в Верхотурском уезде – 22¹⁰. Безусловно, эти количественные показатели были «каплей в море» для столь обширной территории, но важен сам факт поиска способа решения проблемы обеспечения доступности грамотности.

Определенную роль в распространении грамотности в последние десятилетия XIX века сыграли повторительные классы и воскресные школы. Эти формы просвещения были ориентированы на распространение грамоты среди взрослого населения, которое обучалось чтению, письму, началам арифметики. Они открывались по инициативе учителей, знающих потребности земляков, при земских училищах и позволяли одним преодолеть безграмотность, другим – закрепить учебные навыки. Полученные в отрочестве в школе, но не закрепленные в связи с досрочным прерыванием обучения или невостребованностью полученных знаний по окончании начального училища.

В 1890-х годах земства Урала пережили новый подъем активности, проявившийся в т.ч. в увеличении количества начальных учебных заведений. Коренной поворот в состоянии школьного дела в Пермской губернии можно объяснить ярко проявившими себя в российском обществе модернизационными процессами, приведшими к большей востребованности грамотных людей. К проблемам просвещения, наконец, проявили интерес гласные губернского земства, поставив вопрос решительно – земства губернии должны обеспечить реализацию принципа доступности и всеобщности начального образования. Верхотурские гласные вопрос о всеобщем обучении поставили в 1898 году.

В 1890–1891 учебном году в Верхотурском уезде осуществляли просветительскую деятельность 67 начальных народных училищ, содержавшихся на средства земств¹¹. В заводских селениях земство содержало по несколько школ, например, при Нижнетагильском заводе, действовало 4 народных училища¹².

В докладе XXVI Верхотурскому уездному собранию «По народному образованию» было отмечено, что в 1894–1895 учебном году в 76 земских школах обучалось 6 095 учащихся (4 172 мальчика и 1 923 девочки). Из них детей крестьян было 4 902, солдат – 326, мещан – 142, купцов – 19, духовенства – 46, чиновников – 32. Из других селений в школах насчитывалось 734 ученика, 172 – из других уездов¹³.

В 1898 году количество земских школ увеличилось до 78, за восемь лет количественные показатели увеличились 1,7 раз. По динамике роста школьной сети Верхотурский уезд занял пятое место после Красноуфимского, Камышловского, Чердынского и Кунгурского¹⁴.

По решению XXXIII очередного губернского собрания (1902 г.) была сформирована комиссия по народному образованию из представителей всех уездов, которой было поручено разработать программу введения всеобщего обучения в губернии. С этого времени в Пермском крае приступили к мероприятиям по созданию общедоступной школы в масштабах всей губернии.

По проекту открытия школ в уездах Пермской губернии для достижения всеобщего начального обучения в Верхотурском уезде необходимо было открыть 103 начальных народных училища¹⁵.

Вопрос всеобщего стал ключевым для земцев, педагогической общественности, родителей, однако он мог быть решен в масштабах всей страны только на государственном уровне, а воплощен объединенными усилиями администрации, органов местного самоуправления, всех заинтересованных лиц. На уровне губернии, а тем более уезда, всеобщего обучения достигнуть было невозможно, особенно в удаленных регионах с крайне низкой плотностью населения.

Этот вывод подтвердился статистикой конца XIX века. Согласно данным переписи 1897 года, среди 50 губерний Европейской России Пермская заняла 28-е место по уровню грамотности. Этот показатель

достаточно высок по сравнению с другими уральскими губерниями – Уфимской (40-е место) и Вятской (44-е место). Общий показатель грамотности населения Пермской губернии от 10 лет и старше в 1897 году составил 24,4 %, т.е. каждый четвертый ее житель умел читать¹⁶.

Таким образом, идея всеобщего обучения оставалась труднодостижимой в реальности, и практики школьного дела чаще всего оценивали реализацию планов всеобща с помощью отрицательной частицы «не»: «Нас, работников на ниве народного образования далеко-далеко не хватает. Нас, быть может, нет даже половины того, сколько нужно. Какой громадный процент детей школьного возраста остается в России за бортом школы. Десятки тысяч деревень ждут не дождутся, когда, наконец, будут и у них открыты какие-либо школы. Потребность всеобщего образования становится острее и острее. Нужда эта за последнее время прекрасно уже признана всеми. На удовлетворение ее не хватает ни у государства, ни у какого отдельного ведомства средств...»¹⁷.

Примечания:

¹Черныш М. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство [Текст] / М.И.Черныш, канд. ист. наук. – Пермь: Кн. изд-во, 1959. – 239 с. – С.171.).

²Подсчитано по: Голубев П.А. 30-летие Пермского земства. – СПб., 1900. – 24 с.– С.14.).

³Сафронова А.М. Сельская школа на Урале в XVIII-XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. – Екатеринбург, 2002. – С. 41-48, 85.

⁴Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. – Екатеринбург, 1879. – С. 315,323–325, 349.

⁵Народное образование в Верхотурском уезде с 1870 по 1883 г. // Сборник Пермского земства. – 1885. – № 18. – С.476.

⁶Сборник Пермского земства. – 1876. – Кн. 1-3. – С.189-190.

⁷Очерк народного образования в Пермской губернии // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. – Пермь, 1895. – Прил. – С.49-55.

⁸Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. – Пермь, 1910. – С. 60.

⁹Сборник Пермского земства. – 1872. – Кн.2. – С.19.

¹⁰Раменский А. П. Начальное народное образование в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. – 1905. – № 3. – Отд. 3. – С.39–74. С.62–63.

¹¹Памятная книжка дирекции народных училищ за 1890/91 учебный год. /

Сост. А. Раменский. – Пермь: Типография Губернской Земской Управы, 1892. – XXII, 260 с.: табл. – С.179-180.).

¹²Памятная книжка дирекции народных училищ за 1890-91 учебный год / Сост. А. Раменский. – Пермь, 1892.

¹³Журналы XXVI очередного Верхотурского уездного земского собрания сессии 1895 года с докладами управы, представленными на рассмотрение этого собрания. – Екатеринбург, 1896. – С.611-616.

¹⁴Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. – СПб.: О.Н.Попова, 1909–1911. – Т.1–4. – Т.1. – Приложение XX. – С.715.

¹⁵Краткий очерк деятельности Вятского земства по народному образованию : За пятилетие 1896-1900 г. – Вятка, 1901. – 47 с., 2 табл. С.47.

¹⁶Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Том XXXI – <URL: <http://ru.b-ok.org/book/3173705/a52f47> (дата обращения 28.09.2018)>).

¹⁷Троицкий М. Кое-что о школьном деле // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1906. – № 22. Отд. неофиц. – С. 728–738. – С. 737.

Желвакова Светлана Константиновна

Верхотурская инкубаторно-птицеводческая станция

Станция была открыта в 1949 году. В книге приказов под №1 от 25 февраля 1949 года об оплате работникам инкубаторной станции на основании полученного штатного расписания было выделено 16 ставок. Установили следующие оклады:

- 1.Директор – Мясников Вячеслав Петрович, 1912 г.р., 665 руб.
- 2.Старший зоотехник – Башарова Анна Ивановна, 1928 г.р., 525 руб.
- 3.Старший бухгалтер – Дружинина Мария Петровна, 1921 г.р., 410 руб.
- 4.Зоотехник – Глушков Василий Максимович, 1893 г.р., 450 руб. (имеет орденскую книжку).
- 5.Сторож – Меньшиков Павел Яковлевич, 1889 г.р., 225 руб.
- 6.Заведующий инкубатором – Горских Федор Петрович, 1893 г.р., 475 руб.
- 7.Оператор поставок – Попова Ксения Петровна, 1910 г.р., 265 руб.
- 8.Операторы – Коновалова; Попова А.; Завьялова Вера, 1928 г.р., 265 руб.
- 9.Сортировщица – Янцен Лиля, 310 руб.

10. Конюх, он же машинист – Попов И.А., 395 руб.
11. Старший электромеханик, он же завхоз – Захаров Никита Степанович, 1909 г.р., 500 руб. (имеет орденскую книжку).
12. Шофер – Рублев Константин Петрович, 1914 г.р., 400 руб.
13. Грузчик – Худяков, 310 руб.
14. Зоотехник – Бережных Петр Матвеевич, 1912 г.р., 380 рублей.
15. Кассир-счетовод – Алексеева Клавдия Алексеевна, 1928 г.р., 285 руб.
16. Бухгалтер – Зебург Ольга Васильевна, 1921 г.р., 410 руб.

Бухгалтер Дружинина производила начисление зарплаты в соответствии с табелем.

Станция находилась на Заимке. В 1952 году с начала года на инкубаторно-птицеводческой станции выведено свыше 30 тысяч штук цыплят. Около 16 тысяч цыплят получили колхозы Верхотурского района, 3700 – Лялинского, несколько тысяч штук взяли подсобные хозяйства, а свыше 8 тысяч продано населению города. Для утиной фермы колхоза «Искра» выделено 100 штук утят. Другой выпуск утят распределили по другим фермам.

На верхотурской инкубаторно-птицеводческой станции в 1952 году в соответствии с указом Свердловского треста произвели закрепление работников за птичьими фермами. За зоотехником Ладыгиным Виктором Ивановичем закрепили Кордюковский участок с обслуживанием колхозов имени Ленина, Буденного, Чапаева, 8-е марта, имени Фрунзе и имени Когановича. Зоотехника Рагозину Юлию Степановну закрепили за колхозами имени Жданова, Жукова, Ворошилова, Ильича, Энгельса и Василевского. Им нужно было предоставлять отчет по заготовке яйца и подготовке к приему молодняка от станции.

В 1952 году в город Катайск Курганской области в Катайский птицесовхоз направили зоотехника за получением гусиного яйца. В командировку отправить Атамас Е.М. В Меркушинский, Кордюковский, Дерябинский и Отрадный сельский Совет направили работника Е.М.Атамас для проверки птицы в колхозах. Зоотехник А.Т.Строкову выехал в Прокоп-Салду, Пиинский сельский Совет для проверки птицы и куриного молодняка.

В 1954 году Постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС было предусмотрено иметь к концу 1955 года поголовье

птицы в колхозах на каждые 100 гектаров зерновых посевов не менее 200 голов кур-несушек с минимальной продуктивностью 110 яиц в год. Для выполнения этой задачи коллектив Верхотурской инкубаторно-птицеводческой станции перед началом инкубационного сезона взял на себя социалистические обязательства и вызвал на соревнование Сосьвинскую инкубаторную станцию. Победителем в соревновании вышла Верхотурская станция, хотя коллектив испытывал большие трудности в подготовке базы для получения яиц от колхозов и особенно доставки яиц на станцию.

С поставленными в 1954 году задачами коллектив справился. По плану нужно было заложить в инкубатор 91100 яиц, фактически заложили на 130200 яиц, план выполнен на 142,9%. Плановый процент вывода молодняка цыплят составил 77%, при фактическом выполнении 80,7%. По плану нужно было отпустить колхозам 40800 цыплят, было отпущено 54000.

Станция обеспечивала цыплятами четыре района области: Верхотурский, Ново-Лялинский, Карпинский, Ивдельский и ряд совхозов и подсобных хозяйств. Сохранение молодняка по зоне деятельности станции на 1 июля 1954 года составило 93%. По итогам года среди 32-х инкубаторно-птицеводческих станций области Верхотурская заняла второе место. За эти показатели станция утверждена участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Особенно хорошо работала участница выставки – заведующая цехом инкубации Киверина Александра Никифоровна. Хорошо трудились операторы М.Н.Коновалова, П.А.Лебедева, возчик яйца П.Н.Бережных, заведующая яйцескладом Ф.И.Ляпустина, участковый зоотехник Т.З.Дерябина, старший зоотехник А.Т.Строков и другие.

О работниках станции писал в статье «Снова гудят инкубаторы» корреспондент газеты «Новая жизнь» Г.Гончаренко (№ 50 от 27 апреля 1966 года): «За городом на берегу Туры стоит здание с вывеской: «Инкубаторно-птицеводческая станция». В цехе инкубатория тепло и чисто. Мерно гудят хитроумные механизмы, заменяющие кур-наседок. Оператор следит за щитами управления, где то и дело загораются красные и зеленые глазки. Они сигнализируют автоматическое выключение обогрева, освещения, влажности внутри инкубаторов. Автоматы поворотов перемещают лотки с яйцами в

различные положения. 21 день яйца обогрываются теплым влажным воздухом, поддерживаются заданные температуры и влажность воздуха. В конце срока инкубации ловкие руки операторов и заведующей цеха Александры Никифоровны Кивериной выбирают из лотков желтые пушистые комочки. Хорошо трудится на сортировке яиц Мария Степановна Теплых. Много забот у механика Виктора Григорьевича Шурова. Благодаря его заботливому уходу все механизмы работают безотказно. Возглавляет этот коллектив Макар Федорович Кривошеин».

Первым директором Верхотурской инкубаторно-птицеводческой станции был Мясников Вячеслав Петрович, он работал с 25 февраля 1949 года по август 1949 года. С сентября по ноябрь 1949 года – директор Михайлов В.Ф., декабрь 1949-1951 год – Устинов П.Е., август 1951-1954 год – Двинянинов Андрей Николаевич, май 1954-1967 год – Кривошеин Макар Федорович.

В 1964 году велось строительство 2-х квартирного жилого дома в кирпичном исполнении для сотрудников инкубаторно-птицеводческой станции. Главный зоотехник Дерябина Таисья Захаровна была командирована на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву в 1957 году.

Станция работала стабильно и для всех стал неожиданностью приказ №371 от 25 сентября 1967 года по Свердловскому тресту птицепрома о ликвидации Верхотурской инкубаторно-птицеводческой станции. Была создана комиссия по ликвидации основных и оборотных средств в составе 5-ти человек: представитель облптицепрома Логинова Г.А., директор Верхотурской станции Кривошеин М.Ф., старший зоотехник Бадин В.С., бухгалтер ИПС Шурова Н.Ф., представитель профкома Киверина А.Н. 27 октября 1967 года станция была ликвидирована. Многие верхотурцы и сейчас вспоминают станцию, как островок благополучия и стабильности.

Механизация лесозаготовительных работ в Уральском регионе в 1930-х гг.

В конце 1920-х – начале 1940-х гг. возросла роль лесопромышленного комплекса в экономике страны и ряда регионов Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока, прежде всего, за счет освоения новых лесных массивов, строительства и реконструкции предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины, организации производства новых видов продукции, отечественного лесного машиностроения. Отрасль была переориентирована на выпуск продукции для удовлетворения потребностей промышленных предприятий, строительных отраслей, экспорта.

Насколько же было эффективным функционирование лесопромышленного комплекса, если даже в середине и конце 1930-х гг. партия и правительство характеризовали отрасль как «отстающую», «отсталую»?¹ Основное решение проблемы превращения комплекса в индустриальную отрасль виделось в механизации передела заготовки лесных ресурсов, результат которой должен был заключаться в увеличении объемов заготовки и вывозки древесины механизмами. Еще в 1930 г. ученый В.Левин указывал, что в Советском Союзе при существовавшей производительности труда (2,05 м³ на одного рабочего в среднем в день за 1929/1930 г.) для выполнения задания по вывозке леса (158 млн. м³) понадобилось бы в среднем за год около 900 тыс. подвод, а в отдельные периоды года – до 1,25 млн единиц с соответствующим количеством возчиков². Так что тема механизации лесозаготовительных работ была актуальна на всем протяжении 1930-х гг., периода индустриализации.

В период реализации первых пятилетних планов получило развитие отечественное машиностроение для лесопромышленного комплекса. В феврале 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обеспокоенное низкими темпами роста объема заготовки и вывозки лесных ресурсов, в том числе отправлявшихся на экспорт, указывало на необходимость

изготовления инструментов с учетом опыта стран Западной Европы и Северной Америки, станков, машин и других механизмов. ВСНХ СССР должен был организовать производство окорочных машин и моторов к ним, шпалорезальных и древокольных станков, сплочных и штабельных машин. Вместе с тем Советский Союз еще не мог отказаться от импорта оборудования для лесопромышленного комплекса³.

На валке леса в 1930-х гг. в основном использовали двуручные пилы. Только в 15 ноября 1938 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) было принято решение полностью перейти на лучковые пилы в следующем году и организовать серийное производство бензомоторных и электрических пил. Еще в 1934 г. машиностроительный завод им. Дзержинского в Перми начал освоение бензомоторных пил, до 1941 г. изготовил их более 7000 штук⁴. Однако А.А.Антуфьев отмечал, что в 1940 г. валка и раскряжевка леса велась в основном лучковыми пилами и только на 10-15 % – бензомоторными и электрическими. По мнению исследователя, низкий процент механизации лесозаготовительных работ был связан с конструкционными недоработками пил, их низким качеством, дефицитом запчастей, необходимостью тщательного ухода и хранения, низкой квалификацией механиков⁵.

Для погрузки древесины на лесосеках использовались конные и тракторные деррики, для погрузки в железнодорожные вагоны – элеваторы. В начале 1930-х гг. на заготовке и вывозке леса стали работать тракторы, сначала импортные «Клетрак», «Катерпиллер», позднее – отечественные «Фордзон-Путиловец», «Коммунар», «Сталинец», СГ-65, ЧТЗ. Незначительная доля древесины вывозилась с помощью автомобилей ГАЗ-АА и ЗИС-5, ЗИС-21, ЗИС-50. С появлением узкоколейных железных дорог на вывозке леса появились мотовозы и паровозы.

Совокупность новаций, механизмов и техники (за исключением транспорта), использовавшихся в процессе заготовки лесных ресурсов в Уральском регионе, была представлена следующими наименованиями: дороги (тракторно-ледяные, лежневые, снежно-грунтовые, узкоколейные, ледяные, декавильные, навесные), сани (перцепные сани Палло, однополосные сани Гинзбурга), погрузка древесины (конные и тракторные деррики, элеваторы, лопарно-

конный метод), пилы (поперечные двуручные, лучковые, балансирные, моторные пилы «Краскот», МП-220). В.Л.Глузман на примере Заводо-Ирбитского ЛПХ Свердловской области описал «типичную» для второй половины 1930-х гг. технологию лесосечных работ: валка деревьев и раскряжевка хлыстов на лесосеке на сортименты – ручная, лучковой пилой; трелевка в основном гужевая, летом – на передках, зимой – на подсанках; механизированная – на тракторах⁶.

В Уральском регионе, являвшимся одним из перспективных в плане развития лесной отрасли, в 1928/1929 г. по рационализированным и механизированным дорогам было перевезено 116 тыс. м³ леса, в 1929/1930 г. – 1308 тыс. м³, в 1931 г. – 4301 тыс. м³, в 1932 г. – 5700 тыс. м³ (25 % от всего вывезенного леса), в 1933 г. (по предприятиям Народного комиссариата лесной промышленности СССР) – 7753 тыс. м³ ⁷. В Предуралье только в 1934 г. была осуществлена вывозка древесины тракторами, объем которой составил 28 тыс. м³ (0,07% общего объема вывозки)⁸. По уральским трестам Наркомлеса СССР механизация вывозки увеличилась с 1,9% в 1933 г. до 51,4 % в 1937 г. (по стране соответственно с 5 % до 32,2%)⁹. В 1937 г. трест «Свердлес» впервые в летнее время заготовил и вывез механизмами 168 тыс. м³ леса – 7,5 % годового объема, а общий уровень механизированной вывозки достиг 62,5 %¹⁰.

В 1938 г. по Наркомлесу СССР были вывезены механизмами 36,9% леса, хотя по плану планировалось 45,9 %. У «Главвостлеса», главка наркомата, осуществлявшего лесозэксплуатацию в Уральском регионе, показатели механизации вывозки были лучше – 46,6 % при плане 58,6 %, однако фактический объем вывозки составил только 2,45 млн. м³, или 36,3 % к плану¹¹. Отдельные леспромхозы, располагавшие техникой, смогли добиться более высоких результатов. В частности, Новолялинский ЛПХ в 1935 г. вывез механизированным способом 305 тыс. м³ – почти половину годового плана. Лобвинский ЛПХ, имея в 1940 г. 46 тракторов ЧТЗ-60 и ЧТЗ-65, 18 автомобилей ЗИС-50 и ГАЗ-АА, 24 мотопилы, четыре мотовоза, вывез 658 тыс. м³ древесины, в том числе механизированным способом – 509 тыс. м³, из них тракторами – 460 тыс. м³, мотовозами по УЖД – 41 тыс. м³ и автомобилями 8 тыс. м³ ¹².

В 1938 г. по Наркомлесу СССР 56,2 % механизированной вывозки лесных ресурсов осуществлялось тракторами, 26,2 % – автомашинами, 14,5 % – по узкоколейным и железным дорогам. Наибольший объем древесины по трестам «Главвостлеса» вывозился тракторами (82,9 % механизированной вывозки), остальное – автомашинами, по узкоколейным железным дорогам и подвесным дорогам¹³. В августе 1938 г. предприятия Наркомлеса вместо 2096 тракторов, бывших на ходу, использовали 867, вместо 1855 автомашин – 1233¹⁴. По состоянию на 31 декабря 1938 г. работали 1027 тракторов (хотя план был установлен в количестве 2493) из 3575 имевшихся машин; 1232 автомашины (при плане 2072) из 2622 имевшихся. По главным управлениям процент использования техники был таким же низким. По «Главвостлесу» работали только 199 тракторов из 252 имевшихся и 29 автомашин из 69¹⁵.

Невысокий уровень квалификации основной части рабочих (в их состав входили также разные категории «спецконтингента»), занятых на заготовке и вывозке леса, отражался на состоянии техники и оборудования, которые за короткое время быстро выходили из строя. Слабой была и ремонтная база лесозаготовительных предприятий. Неадекватное, негативное отношение к внедрению и рациональному использованию техники в сфере лесозаготовки было характерно даже для региональных руководителей, которых должно было особенно заботить выполнение производственных программ и привлечение ресурсов и инвестиций. Например, в мае 1937 г. первый секретарь Новолялинского райкома ВКП(б) П.М.Щербаков рассказал, как ему в район на лесозаготовку было завезено около сотни тракторов, но они быстро вышли из строя. Когда он обратился к заведующему промышленно-транспортным отделом Свердловского обкома ВКП(б) Г.Г.Яну за помощью в тягловой силе, то в ответ услышал: «...Есть у вас стахановцы, выполняющие 200–300 %, сделайте так, чтобы все выполняли 200–300 %, и тогда не надо будет лошадей»¹⁶.

На заготовке и вывозке леса использовались не вся транспортная техника, имели место случаи, когда большая ее часть простаивала из-за поломок, отсутствия топлива, запчастей, рабочей силы. Тем не менее, постепенное увеличение транспортных средств в сфере лесозаготовки было очевидным, хотя и неравномерным.

А.А.Антуфьев подсчитал, что «в 1938 г. на лесозаготовках Урала имелись 464 трактора, 371 грузовая машина, 16 паровозов, 28 мотовозов, а в начале 1940 г. только в Свердловской, Пермской областях и Удмуртии было 778 тракторов, 726 грузовых машин, 19 паровозов и 71 мотовоз»¹⁷.

Низкий уровень использования механизмов на вывозке древесины был вызван слабой ремонтно-технической базой леспромхозов, материальными и организационными трудностями ремонта техники. К примеру, в Красновишерском ЛПХ на 20 сентября 1940 г. были отремонтированы три трактора при плане 29 и пять автомашин при плане 10, в Новолялинском ЛПХ – пять тракторов при плане 20 и пять автомашин при плане 15 ¹⁸ (несмотря на это, Новолялинский ЛПХ вывез механизированным способом 62 % годового объема древесины¹⁹).

Уровень механизации вывозки древесины в уральских трестах Наркомлеса СССР был примерно таким же, как в трестах, подведомственных Народному комиссариату тяжелой промышленности СССР, однако отдельные лесозаготовительные предприятия, лучше укомплектованные техникой и лучше ее использовавшие, добивались высоких показателей механизированной вывозки леса. Так, трест «Серовлесдревмет» в системе всесоюзного треста «Лесчермет» Народного комиссариата черной металлургии считался самым крупным и наиболее механизированным, имел 117 автомобилей, 82 трактора, три паровоза и четыре мотовоза УЖД, 430 км лесовозных дорог, механизированная вывозка леса составляла 57%. А Нижнесалдинский мехлесопункт, несмотря на то что валка леса, раскряжевка, подкатка, погрузочно-разгрузочные работы выполнялись вручную, на двух машинах ЗИС-5 и пяти газогенераторных автомобилях ЗИС-21 в 1940 г. вывез 49 тыс. м³ (51% годового объема)²⁰.

Как и на предприятиях лесопромышленного комплекса Наркомлеса СССР, других ведомств, уровень механизации работ по заготовке и вывозке леса в исправительно-трудовых лагерях был невысоким и рос медленно. Отдельные лагеря имели внушительный, по меркам изучаемого периода, транспортный парк, сопоставимый с количеством единиц техники у лесозаготовительных трестов. Среди «лесных» лагерей Локчимский и Ивдельский ИТЛ использовали

самое большое количество автомашин (в сумме 91 из 282, задействованных на вывозке лесных ресурсов), Усольский – тракторов (100 из 395), Северо-Уральский, Ивдельский и Красноярский располагали наибольшими мощностями по изготовлению шпал (годовая производительность – 3100 тыс. шт.)²¹. В лагерях процент использования техники был также низким. Например, в 1940 г. «Усольлаг» имел 104 трактора и 128 грузовых машин, а в день проверки работали только 14 тракторов и 13 машин, остальная техника находилась в ремонте или простаивала²².

Темпы механизации вывозки и трелевки древесины на Урале были выше, чем по СССР – оснащенность механизмами леспромхозов Наркомлеса в регионе была одной из самых высоких. В заготовке лесных ресурсов была также высокой доля металлургических трестов, которые располагали более развитой материально-технической базой, по сравнению с трестами Наркомлеса. Так, механизированная трелевка древесины по СССР в 1940 г. составляла 6,6 %, а на Урале еще в 1937 г. – 16,2 %²³. Доля механизированной валки леса на Урале до начала 1940-х гг. не имела существенного значения, составляла менее 1 %, в 1942 г. – в среднем 3,65 %²⁴.

За годы Великой Отечественной войны произошли сокращение уровня механизации вывозки древесины у трестов и рост этого показателя у исправительно-трудовых лагерей (хотя доля механизированной вывозки леса в Уральском регионе была на уровне показателей по стране), роль которых в лесопромышленном комплексе существенно выросла. К концу 1940-х гг. уровень механизации работ по заготовке леса в целом по СССР составлял только около 12 %, по вывозке леса – 43 %.

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. Наркомлес СССР не смог наладить эффективное функционирование заготовок и вывозки леса. Большинство плановых показателей не выполнялось. Одной из наиболее острых проблем стала механизация работ в лесу, которая, наряду с другими кризисными явлениями, приобрела системный характер, ее решение давалось с трудом в последующие десятилетия. Работа по системному усовершенствованию техники и технологических процессов в сфере лесозаготовки в 1930-х гг. по факту отсутствовала. Лесопромышленный комплекс – сложная система, подверженная влиянию как природно-климатических, так и

организационно-экономических, политических факторов. Чтобы отрасль эффективно функционировала, необходима ее систематическая модернизация и формирование социальной группы кадровых рабочих – профессионалов своего дела. В 1930-х гг. эта работа была далека от завершения, и эффективность работы лесопромышленного комплекса оставалась невысокой. Государству требовались лесоматериалы, бумага, целлюлоза, топливо и другие виды продукции, которые давала отрасль. Однако реализуемая в стране модель экономического развития, направленная на сформированное развитие тяжелой индустрии, репрессивная политика сталинского режима не позволили комплексу в 1930-х гг. завершить даже стадию механизации, осуществляя ее на отдельных направлениях и далеко не в полном объеме.

Примечания:

См.: РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 ч. Ч. 2. М., 1953. С. 891.

² Левин В. Промышленность в плане на 1931 год // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 146, 147.

³ Об условиях труда в лесных районах (утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 20 февраля 1931 г.). Приложение №7 к п.42/59, пр. ПБ №27. URL: <http://istmat.info/node/51570> (дата обращения: 22.05.2018).

⁴ Тиунов В. Индустриальные пятилетки Западного Урала. Пермь, 1977. С. 101, 125.

⁵ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 62.

⁶ Глузман В.Л. Лесозаготовительные предприятия Среднего Урала. Екатеринбург, 2001. С. 7, 36, 38, 87, 127, 128, 138, 211.

⁷ Петров Б.С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л., 1952. С. 72.

⁸ Тиунов В. Указ. соч. С. 124.

⁹ Кузнецов А.Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979. С. 15.

¹⁰ Глузман В.Л. Указ. соч. С. 8.

¹¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 16, 21.

¹² Глузман В.Л. Указ. соч. С. 211, 230.

¹³ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 22, 27.

¹⁴ Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сб. док. и мат. Петрозаводск, 2005. С. 318.

⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 46.

⁶ Сушков А.В. Заведующие промышленно-транспортным отделом Свердловского обкома ВКП(б) в 1930-е гг.: социально-профессиональный портрет // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всероссийской науч. конф., Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. Т. 1. Екатеринбург, 2013. С. 387.

⁷ Антуфьев А.А. Указ. соч. С. 63.

⁸ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.

³⁹ Глузман В.Л. Указ. соч. С. 230.

²⁰ Там же, с. 17, 63.

²⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 737–747.

²² Шевырин, С.А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е гг. URL: <http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html> (дата обращения: 15.12.2013).

²³ Кузнецов А.Ф. Указ. соч. С. 15.

²⁴ Леса Урала / Под ред. М.Е.Ткаченко. Свердловск, 1948. С. 68.

Зырянова Тамара Александровна

Забытые деревни (Окончание. Начало в №9)

Кордюково

Село Кордюково возникло в середине XVII века. Назвали его по фамилии крестьян-первопоселенцев Григория и Павла Курдюковых. Жители занимались овцеводством, свиноводством, разводили лис (мех вывозили на продажу в другие губернии), разводились крянки,

* Этап - принудительная транспортировка партии заключенных к месту назначения.

* Антипов Сергей Иванович – красноармеец, как и его брат Иван, арестован по делу № 76 Нижне-Тагильской военно-следственной комиссией в октябре 1918 года, братья содержались в Арестном доме, затем были переведены в Николаевскую тюрьму.

коровы, лошади. Выращивали овощи: капусту, огурцы, помидоры, картошку, а также зерновые культуры.

По данным похозяйственной книги на 1929 год на территории Кордюковского сельского Совета располагалось 17 деревень. В их число помимо Кордюково входили деревни Белая Глина, Овраг, Тренихино, Соколово (Долгово), Морозово, Комиссарово, Вавилово, Кекур (Обросово), Усолье, Садочек, Ключи, Рагозино, Сопляково, Поваренное, Грибино, Вилоч.

Меркушино

Жили здесь Худяковы, Фомины, Обросовы. Так, жители села помнят братьев Худяковых – Данилу Семёновича и Семёна Семёновича. Данила Семёнович имел десять коров, семь лошадей. В Англии покупал сельхозмашины, рабочих нанимал только на молотьбу, продавал масло, пироги. На площади стояли столы. Он первый посеял пшеницу.

Бахорины Виктор Тимофеевич и Евгения Михайловна в конце 1940-х годов после окончания Свердловского сельскохозяйственного института были направлены на работу в село Меркушино. Они по жизни пронесли большую любовь к нему, с теплотой вспоминая о земляках. В своих записках Виктор Тимофеевич отмечал: «Особенно хочется подчеркнуть нравственное состояние народа пятидесятых годов. Люди были не только трудолюбивы, но и доброжелательны, внимательны и чутки к чужой беде, не завистливы, незлобивы, не было массовой пьянки, воровства: дома на замки не закрывались».

Небольшое, компактное село было окружено большими и малыми деревнями. В пределах Меркушинского сельского совета по обоим берегам Туры одна за другой, как бусины на нитке, располагались двадцать деревень на протяжении десяти километров. В Меркушино сходились и расходилось семь основных дорог: на север – на Молву, Кашай, на восток – на Туринск, на юг – на Махнёво, Волоковую, Ирбит, на запад – на Верхотурье. Все дороги были оканавлены, усыпаны гравием, в сырых местах – мостовик. Дороги и в зимнее время были оживлёнными.

За рыбой

Крестьяне не сидели дома долгую зиму: нанимались на извоз, лесозаготовки, сплав леса и моле, и плотами. Особо крепкие мужики из рода охотников, промысловиков ездили за рыбой к осякам

(хантам) на приток Оби – Конду, Пелымский туман. По прямой – этот путь в 260 километров. Начинаясь он в Меркушино через деревню Дырина. Завоз рыбы предназначался на ярмарки и базарные дни в Ирбит, Верхотурье, Красную Гору. Чтобы освоить этот путь, его разбивали на волока. Волок – сорок-пятьдесят километров. После каждого волока – стан. Здесь кормили лошадей, обогревались сами. Заранее на каждый стан завозилось сено. Обычно в этот путь собиралось три-четыре человека. Это были люди большой душевной и физической силы. Такие смельчаки были в деревнях Мызникова, Камень и др. Для покупки рыбы везли «огненную воду» (водку). Рыбу не взвешивали, а измеряли дугой. Для преодоления этого великого санного пути использовались специальные сани с широким, не окованным полозом; на заднем бортике саней – кормушка для овса. Как спасались от мороза? На полушубок надевалась яга-шуба из собачьего меха, мехом наружу.

Меркушинцы начинали ловить рыбу сразу после ледохода, затем в Троицу ездили с неводом в деревню Старая Юконка. Ловили и нельму, сплавлялись с сетями от деревни Чашегородовой до села Меркушино. Летом за карасём ездили на озёра до деревни Чекоткина.

Основой каждого крестьянского хозяйства была лошадь, держали их по две и больше, для лёгкой езды и для тяжёлой работы. Сеяли овёс, ячмень, рожь, пшеницу. Землю хорошо удобряли, для чего старались держать больше коров и молодняка. Такое небольшое стадо на подстилке давало немало навоза.

Каким было Меркушино в пятидесятые годы? Во-первых, работающим. Где только не работали живущие в селе: школа-семилетка, сельский Совет, почта, клуб, библиотека, больница, аптека, маслозавод, участковая ветеринарная лечебница, сельмаг, заготларёк, пекарня, колхоз, склады «магазин». Во-вторых, оно было весёлым: раз в неделю – кинофильмы, праздники; свадьбы справляли с размахом, многолюдно, но без драк, пели частушки, плясали неизменную барабушку и с удовольствием пили стаканами бражку. Водки в торговле в то время не было, самогон мало кто гнал. Еды хватало – каждый держал подсобное хозяйство, огород. Исправно сдавали продналог: молоко, шерсть, яйца.

В праздники народ со всех деревень собирался в клубе; в марте 1953 года он был переполнен: по радио передавали похороны

Сталина, все плакали. При клубе всегда работал кружок художественной самодеятельности, ставились концерты; кроме того, коллектив часто выезжал в колхозы, соседние сёла – Усть-Салду, Кордюково, Дерябино. Основой коллектива были учителя, интеллигенция. В деревнях сельского Совета до августа 1950 года было семь небольших колхозов, в каждом содержались молочное стадо, лошади, свиньи, овцы, куры, овощное хозяйство, в некоторых – пчёлы, а в других – пчёлы, кролики. Тракторы на стационаре и два локомотива в Мызниковой и Лаптевой давали электричество вечерами до одиннадцати часов. В основном, освещение было за счёт керосиновых ламп.

Самостоятельная жизнь этих семи малых колхозов прекратилась в августе 1950 года, было организовано три крупных колхоза. Колхоз имени Кагановича объединил деревни левого берега Туры: Меркушино, Чекоткина, Дырина, Мызникова, Камень, Черёмнова; колхоз «8 Марта» - деревни Раскат, Трубина, Монастырка; колхоз имени Фрунзе – деревни Лаптева, Шнурова, Баландина и Шумиха.

В перестроечные годы судьба круто обошлась с селом, вернее, не судьба, а райком партии. Отделив от совхоза «Красногорский» Усть-Салдинское и Бочкарёвское отделения и присоединив к ним Меркушинское отделение «Кордюковского», создали новый совхоз, назвав его «Меркушинским» с центром в Усть-Салде – двадцать два километра от села Меркушино. Получилось как в поговорке: «Пришей кобыле хвост». Жизнь показала всю несуразность этого решения. На становление нового совхоза была выделена крупная сумма денег, из которой до Меркушино не дошло ни копейки. Скот и технику перевели в Усть-Салду, и деревни Мызникова, Дырина и само Меркушино опустели, земли забросили, люди разъехались. Ветшают и разрушаются заброшенные частные дома. Жизнь теплилась в пяти-семи домах, то есть, как и в 1620 году

Теперь трудно поверить, что в шестидесятые годы в Меркушинском отделении Кордюковского совхоза держали кроме рогатого скота четыре тысячи кур, а молока надаивали по три тысячи килограммов на корову. В пятидесятые годы здесь, между деревней Дырина и Меркушино, четыреста голов молодняка крупного рогатого скота содержались свободно-выгульным, беспривязным способом.

Каждый год на откорме стояло сто двадцать голов дойного стада в деревне Мызниковой.

Усть-Салда

Первый колхоз был создан в Усть-Салде в 1929 году - «Сигнал социализма». В его состав входили деревни: Усть-Салда, Бочкарёва, Васнина, Гераскова, Кривая Лука, Пряничникова, Глушкова, Власова, Серебрякова, Путимцева, Рычкова, Акулова, Макарихина, Старая Юконка, Таволжанка, Вогулка.

Первым председателем колхоза стал двадцатипятилетний из Свердловска Воробьёв Михаил Кузьмич. В 1934 году произошло дробление колхоза. В Усть-Салде колхоз стал называться имени Будённого, возглавил его председатель Игушев Тимофей Васильевич. В 1961 году колхоз был реорганизован в 5-е отделение совхоза «Красногорский». В 1988 году Усть-Салда становится центральной усадьбой нового совхоза «Меркушинский».

Заберезник

Все деревни вокруг Дерябино образовались только благодаря расселению его жителей. Шло время, быстро росли семьи, а каждой новой семье нужно было дать надел – землю, покос, пастбища. Вновь образовавшиеся семейства расселялись на новые земли. Так появились в округе Дерябино деревни Запольская, Новосёлова, Овчинникова, Заберезник, Храмовская, Воронская.

Семён Степанович Дерябин, тракторист, всю жизнь проживший в деревне Заберезник, вспоминал: «Деревня наша жила дружно. Дворов в деревне Заберезник было около 50-ти, хозяйства крепкие, ухоженные. Была у нас больница со стационаром на 10-12 коек до 1954 года, кузница, коровник, овчарня, кролятник, птичник и звероферма, где выращивали чёрно-бурых лис. Трудились люди на совесть.

Колхоз назывался «Маяк Севера», и было в колхозе пять бригад, а в Заберезнике работала бригада №3. Выращивали мы на своих полях пшеницу, рожь, ячмень, горох, капусту, турнепс».

Матафонова

Деревня стояла на берегу старицы реки Туры, располагалась в удобном месте: рядом лес, река, озёра. Деревня в одну улицу вдоль угора к солнечной стороне, всегда чистая и ухоженная. Бывший житель Матафоновой Алексей Павлович Гоголев рассказал:

«В предвоенное время в деревне было бедно и голодно, сдавали государству большие налоги, но люди были добрые и отзывчивые, дружные, дружно работали и дружно отдыхали.

Матафонова относилась к колхозу имени Дементьева. В послевоенное время колхозники работали очень много. Техники почти не было. Был один трактор на несколько колхозов, а так как мы жили за рекой, трактор нам выделяли редко. Пахали землю на лошадях, боронили на коровах и быках. Работали в основном женщины, старики и дети, мужиков было мало. Сеяли зерновые, держали коров, овец, кур, свиней, лошадей.

В конце 1940-х годов колхоз купил локомобиль - электростанцию, в деревне появилось электричество и другие нам завидовали. Позднее построили мельницу, купили молотилку. Днём люди работали на основных работах, а вечером собирались, обмолачивали зерно на токах. Хлеба колхозникам доставалось мало, всё сдавали государству. Когда после 1953 года отменили налоги, жить стало легче.

Колхоз купил пилораму, заготавливал лес, строил фермы, ремонтировал дома и строил новые, все дома деревни покрылись новыми крышами. Появились гусеничные тракторы, зерновые комбайны. В 1955 году колхоз укрупнили, объединив деревни Матафонова, Лебедева, Мингалёва, Каргаполова с селом Красногорское. Появился новый колхоз имени Энгельса, председателем которого стал Микушин Александр Афанасьевич. Он стал развивать свиноводство и в 1956 году вывел колхоз в миллионеры. Свинарка колхоза Александра Фокеевна Кротова стала Героем Социалистического Труда, 15 марта 1958 года на областном совещании передовиков сельского хозяйства в городе Свердловск ей вручили орден Ленина и золотую медаль «Серп и молот».

До 1958 года колхоз всегда был впереди других. В том году я ушёл в армию, а когда вернулся в 1962-м, колхоз уже был в составе вновь образованного совхоза «Красногорский». Деревня Матафонова стала неперспективной. Фермы постепенно убрали и люди разъехались кто куда».

Мингалёво

На правом берегу реки Туры, на красивом месте – угоре близ села Красногорское стояла деревня Мингалёва, основанная в конце

XVII – начале XVIII века. С восточной стороны деревню окружал кедровник с огромными вековыми деревьями. Все жалели, когда этот кедровник был полностью повален ураганом в 1952 году. Сколько орехов он давал людям! По несколько мешков орехов добывала каждая семья, что было большим подспорьем в хозяйстве.

Деревня со всех сторон была огорожена изгородью, чтобы скот не попадал на поля. Посреди деревни был колодец, один на все хозяйство. Для колхозного скота, овец и кур воду приходилось носить с реки. В Мингалёво было 12 домов и несколько многодетных семей.

Тамара Павловна Пинягина здесь родилась и выросла. В 2002 году на Мухлынинских краеведческих чтениях она рассказывала: «В давние времена, что я помню, люди, в основном, занимались сельским хозяйством, пахали, сеяли, убирали хлеб. Комбайнов тогда ещё не было. Скашивали хлеба жаткой-лобогрейкой, после неё собирали коровки, связывали в снопы, а потом в суслоны. Зимой хлеб обмолачивался конной молотилкой. Сортировали вручную. На трудодни выдавали сырое зерно, его приходилось сушить дома на печке. Размалывали зерно на самодельной ручной мельнице. Позднее стали возить зерно в Корекину на мельницу. Там же мололи и сушёную черёмуху, из неё делали помакушку или стряпали пирожки.

Работали и в овощеводстве, парники были в Красной Горе. А зимой для парников плели маты из соломы и мочала, чтобы потом весной закрывать парники. Изготавливали также попоны, рогожи. Но для этого надо было заготовить мочало, тоже трудоёмкая работа.

Многие работы выполнялись вручную: ткали холст, чтобы сшить одежду, полотенца. А какая это трудоёмкая работа - вырастить лён: расстилали почему-то на снегу, потом сушили, обычно в бане мяли его, потом чесали, а зимой пряли. А из ниток льняных не только ткали холсты, половики, но и изготавливали дратву, шнуры.

И всегда одна работа сменяла другую. Обычно разнарядку давал бригадир, обходил по домам и давал задания».

Сейчас вместо огородов и домов – поле и покос, а на месте угора – огромный карьер.

Отрадново

Наши предки умели не только хорошие места выбирать для жительства, но и названия поселениям давали добрые да ладные. Как село Отрадново. Отрада для души и радость сердцу. Видно,

поэтическими натурами были и красоту ценить умели. Начиная со второй половины семнадцатого века, сотни и сотни людей жили на этой земле, пахали и сеяли, растили детей и внуков и любили свою малую родину.

Ещё в середине прошлого века село Отрадново было наполнено жизнью: стучала наковальня в кузнице, гудела техника на полях, паслись табуны лошадей и стада коров, овец, по улицам нёсся ребячий гомон, а на реке бабы полоскали бельё. Кипела жизнь. Природа щедро одаряла местных жителей богатствами: кедровые орехи, ягоды и грибы, рыба, птицы и звери.

Сейчас село встречает одиноким лаем собаки и редким дымом печных труб. Из местных жителей осталась одна семья – супруги Ошуевы Николай Александрович и Полина Михайловна и их сын Сергей. Ещё есть восемь домов, где периодически проживают люди из соседних сёл, городов Верхотурье, Лесной, Нижний Тагил, любители природы, рыбалки, и даже появился пасечник. Силами этих людей сохранены и отремонтированы дома, усадьбы, не зарос родник – источник минеральной воды. И горьким укором смотрят на людей останки школы и Преображенской церкви постройки 1894 года.

Ныне поселение потеряло статус села. Сейчас это деревня Отрадново. Дороги до неё теперь проезжие, но не первый год нет электричества.

На территории Отрадновского сельсовета было три колхоза. Село Отрадново с прилегающими деревнями Матюшиной, Королёвой, Тимошиной и Савиновой входило в состав колхоза «Заря». За рекой – колхоз имени Крупской, объединяющий деревни Родничную, Макарину и Верхнее Карабаево; в этих деревнях жили коми-пермяки.

И третий колхоз – «Красный пахарь» – располагался на территории деревень Свизево, Нижней Карабаевой и Чушиной. Многие годы бессменным председателем сельского Совета был Отраднов Андрей Абрамович, он же был и последним председателем, когда Отрадновский сельсовет перестал существовать.

Развито было сельское хозяйство, зерновые культуры выращивали не только на фураж, но и на хлеб, сеяли кукурузу на силос, поля засаживали овощами: картофелем, горохом, турнепсом. На молочно-товарных фермах содержалось большое поголовье

крупного рогатого скота, за деревней Матюшиной – откормочник для молодняка.

Умели здесь люди трудиться, умели и веселиться. Праздники отмечались всем селом. Праздник «День борозды» проводили под липами, которые и по сей день стоят вокруг порушенного здания церкви-клуба. Массовое гуляние проходило весело, шумно, с гармошкой и традиционными русскими народными играми, с частушечным переплясом. Столы собирали всем миром, дружно, кто нёс соленья-варенья, остатки с зимних припасов, кто бражку-наливку, кто жаркое из печи, пироги или капустку квашеную.

Пия

Село Пия расположено на небольшой возвышенности («Как выедешь пахать – Пию далеко видать»). Впервые деревня Пия упоминается в 1680 году в переписи Верхотурского уезда. В ней был один двор, и она принадлежала к разряду околородных деревень, хотя находилась в 43 верстах от уездного города Верхотурье,

Местность была богата природными богатствами: лес, много боровой дичи и других лесных обитателей: лосей, медведей, кабанов и пушных зверей – белок, куниц, лисиц, горностаев и даже соболей. В окрестных угодьях было много кедровников, которые в урожайные годы давали большое количество кедровых орехов, имевших спрос на городских рынках, из ягод – целые нетронутые боры с черничником, земляникой, княженикой, брусникой, смородиной, малиной. На обширных болотах в округе можно было вёдрами собирать клюкву, морошку, голубику. По берегам реки, её притокам и низким местам были заросли черёмухи, рябины, калины, жимолости, смородины. Грибов и до сих пор в Пиинских угодьях можно набрать вёдрами, даже в неблагоприятные для их роста годы.

Первая церковь здесь была построена в 1864 году. Тогда и образовался самостоятельный Пиинский приход и деревне Пия был присвоен статус села.

Население Пии имело доходы не только от земледелия и содержания скота, но и, главным образом, от подзаводских работ, сплава леса, выжига угля древесного и вывозки его на заводы, которые появлялись в верховьях реки Салда, заготовки дров в зимнее время, охоты на лосей, медведей, волков, лисиц, зайцев, белок, куниц и т.д.

В период коллективизации в Пиинском сельском совете, куда входили деревни Черново, Василята (Глазунова), хутор Таскина, Карпова, Буксина, Мотыри, Завьялово, село Пия, образовалось четыре колхоза. Население Пиинского сельского Совета до Великой Отечественной войны жило сравнительно обеспеченно за счёт приусадебных хозяйств, да и трудодни в предвоенные годы были довольно полновесными.

В селе работало три магазина, семилетняя школа, почта, сельский клуб и библиотека, медицинский пункт, сельсовет и правление колхоза «Новая деревня». А сколько было молодёжи в деревнях этого отдалённого от райцентра сельсовета! В каждом совхозе была комсомольская организация. Как интересно проводились праздничные вечера, организаторами которых были сельские интеллигенты и завклубом, сколько было талантливых девчат и парней, гармонистов, балалаечников! Пиинцы, несмотря на бездорожье, принимали участие в районных смотрах художественной самодеятельности взрослых коллективов, а в мартовские каникулы в смотрах художественной самодеятельности школ района, нередко занимая призовые места.

Грустно вспоминать огромные посевные угодья, поля, занятые поспевающими зерновыми культурами, дружную работу во время посевной или уборочной кампании, людей, которые трудились с песней, с огоньком, хотя трудностей хватало и в те времена. Отношения между людьми были другими: дома и ограды на замки не запирались, чужие в отдалённых пиинских деревнях встречались редко, а от своих деревенских соседей за замки и высокие заборы не прятались. Если случалось у кого-то несчастье или горе – переживали вместе и помогали чем могли, морально поддерживали всем миром. Хоть и жили не богато, но по-человечески тепло и открыто, без камня за пазухой.

Любили чистоту и порядок. Улицы не зарастали лопухами, а ворота не висели на одной петле, качаясь от ветра. Каждый домохозяин считал для себя позором, если у него не были ухожены под метёлочку двор и территория перед домом. Засмеют мужики острыми языками.

А женщины украшали свои горницы вышитыми скатертями, полотенцами, цветущими геранями на окнах. К большим праздникам

до блеска выскабливали дресвой некрашенные стены и полы и стелили домотканые половички от крыльца, если ограда крытая – до входной двери в воротах.

Опустела Пия. Люди покидали и другие деревни Пиинского сельского Совета ещё и потому, что не было хорошей проезжей дороги даже до Прокоп-Салды, особенно в летний и осенний периоды. Недаром бытует пословица: «Кто в Пие не бывал, тот горя не видал». Населения в Пие практически не осталось, но восстановлена старая церковь.

Постникова

В Верхотурском музее хранится следующее письмо в кабинет топономастики Уральского государственного университета:

«Книгу А.К.Матвеева «Неройки караулят Урал» я прочитал с большим интересом. Желаю ответить на поставленные вопросы в конце книги.

1.Наша деревня называется Постниково.

2.Жителей нашей деревни называют – постниковцы, а ещё постничата.

3.Деревня стоит на реке Салда.

4.(зачёркнуто) Красивое место находится напротив нашей деревни (на другом берегу) гора Батраковская. С неё видно все окрестности за несколько километров, а в нашей деревне родник и «кедровник».

5.Плохих мест поблизости нет.

6.Самое высокое место возле нашей деревни – гора Батраковская, с которой видно далеко все окрестности.

7.Интересных названий у нас много. Гора Болбашик, а у подножия её «Шайтанка». Рядом с ней «Петров луг». На нём был найден обломок каменного топора – увезён в Московский музей.

В 25 км вверх по реке Салде (от нашей деревни) находится на правом берегу реки гора Городишня.

По рассказам стариков в горе находится пещера, а на горе заметен ров, им было обнесено городище. О нём упоминается в книге «Словарь Верхотурского уезда».

Обследования горы до сих пор не произведено, а жаль. Непонятных названий в нашей местности много. Также нет в нашей местности названий, которые бы почему-то не нравились.

Постников Елизар Александрович, Верхотурский район, Прокопьевский с/совет, дер. Постниково.
15.10.1976».

Далее из его тетрадных записей сделала выписки (в музее).

Деревня Постниково в числе других деревень по старому административному делению принадлежала к Красногорской волости Верхотурского уезда Пермской губернии и именовалась Верхней Постниковой. Другая (нижняя) Постникова значилась на географической карте XVII-го столетия, именовалась «Казачьим разъездом».

Кто были первые жители нашей деревни и откуда они происходили, установить теперь трудно. Можно предполагать, если находился казачий разъезд, то заселение нашей деревни и других по реке Салде было принудительное.

Насколько я помню, более двадцати дворов в ней не было, но в ней родились и выросли замечательные люди и семьянины. В прошлом, жила в нашей деревне одна семья 24 человека, жили вместе три брата женатые с детьми и отец с матерью.

За 60 лет в нашей деревне было построено только три дома. На реке Салде в нашей деревне была водяная мельница на два постава, построенная в конце прошлого столетия. Теперь её нет, унесло водой и смыло плотину. Имеются следы существования мельниц, которых никто не помнил, а основания плотин видны сейчас – у старой мельницы и Романова лога.

До Октябрьской революции жители нашей деревни (также околных) кроме сельского хозяйства занимались углежжением. Рубили дрова, складывали в «кученки», выжигали уголь и в зимнее время доставляли его на Демидовский завод в Верхнюю Салду на своих лошадях. Заработки были низкие, только «кормились» на этом деле.

Ещё занимались добычей кедровых орехов (в урожайные годы), заготовкой мочал, охотой, сбором грибов, ягод. Из мочал в зимнее время плели попоны, ткали рогожи, кули, вили верёвки. Некоторые занимались производством бураков (Постниковы Варлам Григорьевич и Никифор Андреевич).

Женщины обрабатывали лён, а в зимнее время пряли, весной ткали. Бельё и одежда повседневной носки было в основном холщёвое. Ситцевое и хлопчатобумажное носили только по праздникам.

Наши предки умели выбирать место для поселения. Если взглянуть с Батраковского (правого) берега реки Салды на нашу деревню, то получается замечательный вид полей, лесов, кедровника и родника вокруг деревни. Левый берег реки Салды на полкилометра имеет три водных источника, правый берег на полтора километрах – пять источников ключей и родников.

Наша деревня отжила своё время, разрушается, есть столетние дома. Надлежит продумать вопрос о дальнейшем использовании природных условий. Проверить воду в родниках и ключах. Местность вполне подходит для создания дома отдыха или санатория.

Из воспоминаний заведующей отделом культуры Зои Александровны Кокоулиной: «Краевед с 1959 года, житель деревни Постникова. Последнее место работы – Злыгостевская библиотека. Изучал с большой любовью историю своего края и занимался изучением природы. Связан был дружескими узами с институтом экологии г.Свердловска. По их заданию вёл наблюдения. Как краевед был настолько знаток старины глубокой, что мы его считали главным консультантом почти по всем темам, особенно крестьянского быта... Мы с ним собрали в деревнях всё, что интересовало и складировали в его двух амбарах. И всё, что было собрано, он передал музею, более 600 экспонатов, да каких... - крестьянский быт, ремесленные инструменты. Сам уже в музее изготовил рогожи, изделия из шерсти, попоны для покрытия лошадей и другие. Он не только подарил, а показал нам, краоведам, как это делает...».

Елизар Александрович Постников (родные любовно называли его дядя Зоря) родился в июле 1907 года в деревне Верхняя Постникова Красногорской волости Верхотурского уезда Пермской губернии в семье крестьянина-середняка. Родители занимались сельским хозяйством и Елизар Александрович тоже до коллективизации, а после работал в колхозе.

В октябре 1977 года по первой программе Всесоюзного телевидения была хорошая передача о нём - «Род. Родник, Родина». О вымершей деревне Постниковой, о роднике у деревни, о Елизаре

Александровиче и его делах. Несколько брошенных строений ещё было.

Путимцева

Жила-была деревенька Путимцева несколько столетий, от первых поселенцев XVII века, расчистивших первые земли под пашни. С каждым новым поколением понемногу, но прибавлялось в обороте пахотных земель, сенокосов, лугов. И дожила до века XX-го. Всё вынесла: империалистическую и гражданскую, индустриализацию с коллективизацией, Великую Отечественную... Последний удар, который нанесён был по ней – это объявление войны неперспективным деревням. С фермы угнали скот, закрыли магазин, школу, детсад, клуб. И вот тогда деревня умерла. Растворилась, ушла в небывшие.

Из дневниковых записей:

12.06.2005. Верхотурье-Путимцево. Уникальное путешествие от монастыря до умершей деревни Путимцево, что недалеко от Усть-Салды. Было когда-то шестьдесят девять дворов, сейчас нет и следа ни от одного. Отец Филипп с тремя семинаристами – хорошие мальчики. Освящали памятный знак, воздвигнутый жителям деревни Путимцево Морозовым Виктором Яковлевичем. Виктор Яковлевич – «оригинал прелюбопытный», из породы людей, на которых до сих пор ещё Россия держится.

К Огарковой в православный музей, сбор, Печуркина Римма Александровна, Семавин Борис Борисович и другие. Снова говорили о Назаровой Людмиле Николаевне, верхотурочке из Пушкинского Дома, которой девяносто два года.

Морозов сам установил пятиметровую лиственницу на основание из доставленных на место камней, главный из которых весит тонну. Лиственницу покрасил белой краской, на верху – в виде колосьев.

От Усть-Салды ехали по грунтовой дороге на двух монастырских «газелях». Кругом просторы зелёные, много земли, ранее использовавшейся в хозяйственном обороте, появляющаяся и вновь уходящая за деревья Салда. Периодический дождь, служба у памятника, отец Филипп окропил водой и меня. Интервью у Морозова Печуркиной возле памятника. Краткое высказывание Морозова, как ответы на вопросы одного из семинаристов.

На чаепитие в дом хозяина, новосрубленный. На усадьбе конюшня, огород не очень большой, но Коренюшкина и в этой глуши нашла колорадских жуков. Невдалеке готовятся два сруба. Застолье в сеньях дома за сохранившимся где-то старым столом. Разговоры, тосты за людей, предков, живших здесь, за хозяина-подвижника родной деревни, за отца Филиппа, оказывающего помощь краеведам. Песня «Деревенька моя», стихи Ефима Михайловича о деревне и о Пушкине. Фотографирование у летней печки на улице. Кузнецова взобралась на лошадь, Виктор Ефимович лошадь придерживал. Кстати, лошадь ухоженная и довольно упитанная. Морозов на прощание играл на баяне, и три пары вальсировали.

Виктор Яковлевич рассказывал за столом, что, когда он откапывал и восстанавливал засыпанный колодец, очень устал и прилёг отдохнуть, в полусне услышал голос матери: «Правильно делаешь, сынок». В этом месте голос его прервался, не мог говорить, слёзы и спазмы; говорит, что был непослушным сыном. Родился двадцать пятого октября 1941 года. На камне памятника выбил слова: «Помни! Здесь были пот, слёзы и надежда живших здесь людей», и со вкусом на камнях посажены цветы. Памяти исчезнувших деревень Серебряково, Глушково и Путимцево. Была часовня. Виктор Яковлевич говорит, что от неё можно увидеть основание – фундамент. Была земская школа, а при ней действовала Павленковская библиотека, одна из трёх в границах нынешнего Верхотурского уезда.

Просторы деревенских угодий и нет деревни, погибла, исчезла, вымерла. А кругом - красоты природы. Может быть, развитие наше так и должно идти по предопределённому пути, нам не ведомому? Кто знает?

Символы памятника – хлебные колосья и крылья. Хлебные колосья – земная сила. Крылья – стремление народа к правде, справедливости, лучшей доле. Виктор Яковлевич Морозов в знак любви к деревне Путимцевой поставил там, в заброшенном месте, дом и памятник погибшим деревням – как дань уважения своим землякам. Рассказал, что хотел оставить после себя живую память – возродить свою деревню, для этого долго обивал пороги кабинетов чиновников, организовывал референдумы, чтобы изучить мнения жителей, но ничего с официальным возвращением деревеньки не

вышло. Зато место его малой родины с красующейся в нём стелой стало не только памятным в историческом смысле слова, но и любимым для верхотурских туристов.

Соколова

«В нашей деревне дома были большие, - пишет Леонид Васильевич Долгих, - почти все пятистенные, и в каждом доме было по два хозяина, то есть каждый дом на два хозяйства. У нас в деревне было всего 19 домов. И в 1630 году, и до наших дней, до 1960-х годов XX века, их было 19. А в них проживало, скажем, на 16 декабря 1946 года в 28 хозяйствах 140 человек, из них избирателей 54 и почти 90 ребятишек-дошколят и нас, подростков-школьников. А вот с 1960 года наша деревня постепенно и уверенно начала таять год от года, то есть началась миграция населения в Карпунино, в Предтурский ДОК посёлка Восточный, на центральную усадьбу совхоза «Кордюковский», в Морозово и так далее. Если в 1960 году оставалось 88 жителей, в 1962 – 69 человек, то в 1964 уже оставалось 26 жителей, в 1966 - только 7 человек».

Чекоткина

Ефим Михайлович Галков воспел свою родную Чекоткину не только в прозе, но и в стихах. Каждое лето он добирался до места, где стояла деревня, проходя от Меркушино 2 километра пешком, вспоминал о том, как вольно здесь раньше дышалось, как было радостно жить и работать, а теперь... больно, ведь «как ветром, избы сдуло...».

«Верхотурский Есенин» Ефим Михайлович Галков по всей жизни пронёс любовь к своей родной деревне Чекоткино, канувшей в небытие как многие десятки деревень Верхотурского района. Пожалуй, у большинства жителей нашего города есть своя деревня, олицетворяющая любовь и печаль по ней. Выразил и наши чувства поэт в стихотворении «Память детства»:

*Эх, деревня – память детства, ты любовь, печаль моя,
Там, за дальним перелеском, открываются поля.
Меж полей дорога вьётся, на меже кедры стоят,
Не спеша мой конь плетётся, и колёса говорят.
Говорят, зачем уехал с малой родины своей,
Или был ты неумехой, или в городе милей?
Или ты забыл невзгоды, пережитые давно?*

А какие были годы... Но ведь жалко всё равно.

«А деревня наша называлась Чекоткина, - написано в его простенькой школьной тетрадке. Деревенька была небольшая, всего 17 дворов и мне кажется, что лучше и красивей нашей деревни в нашем районе нет. Стояла в двух верстах от села Меркушино, вниз по течению реки Туры. Вокруг луга, озерки, лес. Рядом ягодное болото. Весной на лугах кипень черёмух. Всё это было. Теперь деревеньки нашей давно уже нет. На лугах, от разлива реки весной всё отравлено, вода в реке разбавлена химией. Я отвлёкся, конечно, но моя деревня – моя боль. Колхоз наш назывался «Прогресс к социализму», название-то какое – звучит, надо же придумать. Вот в этом колхозе я и работал с детских лет. В деревне дети рано начинали работать, с семи лет.

Летом в сенокос возили копны – верхом на лошадях, а ещё до сенокоса возили на поля навоз под пар, то есть где будут осенью сеять рожь. Когда ребята подрастут, на покосе копнят копны, кто-то со стариками уже мечет зароды. Мы вот, я и мои погодки – рано начали метать зароды в 16-17 лет, а это, надо сказать, работа ответственная, чтоб зарод дождём не пролило и сено сохранилось.

Когда началась война, мне было 13 лет, Учиться не стал, стал работать в колхозе. Семья у нас была большая. Нас, ребят, у мамы, когда отца взяли на фронт, было пятеро. Я был старший. Представьте себе: каково было нашей маме с пятерыми ребятами – прокормить, одеть. Я вот сейчас, как это ни странно, представить не могу, как наша бедная мама выкручивалась, хотя, сам свидетель. В 14 лет меня поставили прицепщиком на трактор, то есть, по-теперешнему, плугарём, две весны и осени работал прицепщиком, потом послали учиться на тракториста в Верхотурье. Четыре года работал на тракторе. В общей сложности проработал в колхозе 18 лет (с 1961 года – совхоз), в совхозе 17 лет».

Юконка

Среди дремучей тайги и топких болот, на берегу лесной речки Юконки, появилась когда-то, очень давно, небольшая деревенька с таким же звучным названием Юконка. В переводе с хантыйского это – «речка», а с мансийского – «шум». Вот и зовут эту речку до сих пор «шумливая», далеко её слышно, особенно когда она течёт по лесу. Когда-то и облюбовали крутой берег этой речки три брата, по фамилии Зыряновы, но двое, правда, впоследствии переехали: один в

деревню Раскат, а другой в деревню Дырина. Но маленькая деревня в 8-10 домов осталась. И все люди, жившие в ней, носили фамилию Зыряновы. Красивая была деревня, на высокой горе стояла, внизу текла речка, а с другой стороны рос большой кедровник.

(Воложанина Елена Сергеевна, 1915 г.р.)

Стоит село – стоит Россия, больна Россия – нет села.

Всю жизнь селом, моя Россия, ты богатели и цвела

«Сейчас вот думаю: может зря всё это – столько работали, детей растили, недоедали, недосыпали, ведь и жить-то по-настоящему начали только в 70-80-е годы. А сейчас не поймёшь, что творится – кто работает, тот беднее, а кто спекулирует всякой дрянью – богатеет. Такая жизнь и совсем не понятна. С другой стороны, ведь и я какой-то след на земле оставила, работала сутками, детей неплохих вырастила, внуки растут. Значит, не зря я прожила на земле» (Анна Степановна Нифонтова).

«Причиной распада своей деревни Соколовой в первую очередь считаю низкий уровень жизни населения, низкие заработки, отсутствие элементов цивилизации. Не было магазина, медпункта, школы для детей, места отдыха для молодёжи, отсутствовала перспектива особенно для молодых, сильных людей, не было нормальной связи с миром по причине того, что деревня находилась на левобережье Туры, отрезанная от основной части района. И особенно отток из малых деревень начался с 1961 года, с момента перевода колхозов в совхоз «Кордюковский» (Леонид Васильевич Долгих).

«Почему я пишу о деревне? Начиная с 1950 года, я по профессии ветврач, не один раз побывал в каждой нашей деревне, начиная с Карповой на западе и заканчивая Чушиной – на востоке. Прожив с семьёй 15 лет в сёлах Меркушино и Кордюково, знал быт деревни, хорошо прочувствовал радости и заботы тружеников земли. Теперь, слушая, как настойчиво предлагает телереклама «Хорошо иметь домик в деревне», мне остаётся только печально вспоминать...» (Виктор Тимофеевич Бахорин).

«Сколько таких деревень исчезло с лица Земли! Люди незабвенно любили окружающую природу, свою деревню, уважали старших, помогали младшим. Эта любовь, я думаю, сохранилась у детей, у внуков тех людей, которые жили здесь... Пишу о семьях с одной целью, чтоб, кто будет читать, помнили поимённо тех, кто жил в деревне, кто воспитывал настоящих людей, верных своей семье, малой родине, отчизне. Именно в деревне вырастали самые трудолюбивые, честные, добрые, отзывчивые люди. Пусть помнят о тех, кто живёт ещё на этой земле. А тем, кого уже нет с нами, Вечная память!» (Мария Михайловна Дерябина).

История ли распорядилась, судьба ли сказала своё слово? Историю и судьбу творят люди. Год за годом село всё рушилось, рушилось и рушилось. Не сразу, а постепенно год за годом – оказалось на грани исчезновения. К сегодняшнему дню большинство оставшихся верхотурских деревень стоят у крайней черты, потому что оказываются «неперспективными» и сельские школы, которые закрывают. И начало уже положено. Не будет школы – последние деревни опустеют и постепенно вымрут.

Три года назад была разработана и утверждена Правительством Свердловской области комплексная программа "Развитие агропромышленного комплекса и сельских населенных пунктов ("Уральская деревня") до 2020 года". Нужны кардинальные федеральные программы по возрождению российской деревни-кормилицы.

Есть такая пословица - «Деревня, как трава, сколько не топчи – всё равно выживает...». И «есть надежда в сердце у меня...», что возродится село – сила народная, даст Бог.

Казакова-Анкаримова Елена Юрьевна

**Городские попечительства о бедных на Урале
в начале XX в.: институционализация новых форм
благотворительности**

(Работа выполнена по проекту фундаментальных исследований
Комплексной программы Уральского отделения РАН)

Модель городского попечительства о бедных, базирующаяся на индивидуальном подходе к нуждающимся, привлечении активных общественных деятелей в сферу благотворительности, исторически связана с немецкой (Гамбургской, в дальнейшем Эльберфельдской) системой оказания помощи нуждающимся. Зарубежные приемы и методы социальной работы оказались востребованными в России пореформенного времени¹. Идея и формы благотворительности, близкие к Эльберфельдской системе, стали развиваться в России в ходе создания городских попечительств о бедных с целью сбора пожертвований, раздачи пособий нуждающимся, устройства их и постоянного наблюдения за призреваемыми. Они появились сначала в столицах: Москве и Санкт-Петербурге. Затем эту практику подхватили Одесса, Рига и другие города. К 1910 г. такие попечительства действовали в 312 российском городе (в 12 губернских и 19 уездных городах), тогда как в Москве уже к 1907 г. их насчитывалось 29 с 1194 сотрудниками. Они находились под контролем городской власти². К слову сказать, к тому времени (в 1907 г.) на смену Эльберфельдской системе пришла Страсбургская система. Если для первой было характерно привлечение большого числа добровольцев для оказания помощи на дому, то для второй было характерно развитие законодательных основ и использование труда профессиональных социальных работников.

Популярность Эльберфельдской системы в российских общественных кругах была довольно высока. Однако были среди общественных деятелей и ее критики, указывавшие на рост числа нищих в России начала XX в. и недостаточную эффективность зарубежного опыта применительно к российской действительности, ментальные особенности россиян, привыкших к традициям подаяний³.

Уральская общественность активно пропагандировала методы общественной благотворительности. Так, в Екатеринбурге К.М.Гавриленко в декабре 1916 г. в публичной лекции освещал формы и методы благотворительности, положенные в основу

деятельности Екатеринбургского городского попечительства о бедных, руководствуясь указаниями местной городской думы. Сам он являлся председателем городского попечительства о бедных. Лектор привел самое общее определение понятию «благотворительность», под которой он понимал оказание всякого рода помощи человеку материально нуждающемуся. «Благотворительность в тесном смысле этого слова, - отмечает К.М.Гавриленко, - всегда касается **отдельного** (выделено им – Е.А.) человека или отдельной семьи. Ея роль всегда активна, потому что ей всегда надо **действовать** при подаче того или иного вида помощи нуждающемуся»⁴. Он пропагандировал идеи вдумчивой благотворительной помощи: «...благотворительность не должна ограничиваться только одним действием: этому действию должно предшествовать изучение и общих вопросов о способах оказания помощи нуждающемуся, и общих вопросов постановки дела призрения, и, наконец, тщательное ознакомление с жизнью и бытом данного бедняка и условиями впадения его в положение»⁵.

Будучи сторонником Эльберфельдской системы, требующей большого числа добровольцев, современник констатировал: «Как показал опыт Западной Европы, в таких добровольных сотрудниках нигде недостатка не бывает: среди населения каждого города, каждого местечка всегда есть люди самоотверженно и безвозмездно предоставляющие свой труд и время полезному делу. Они есть и в г.Екатеринбурге, ярким доказательством чего служит живейшее участие населения в общественных организациях города, организациях, насчитывающих в своих рядах тысячи членов»⁶. К.М.Гавриленко отстаивал мысль о необходимости интеграции усилий благотворительных обществ, в частности, путем учреждения регистрационного бюро, которое располагало бы всеми сведениями о лицах, которые за 3-5 лет получали или получают пособия. И все-таки он же отмечал, что и в начале XX в. в Екатеринбурге подача милостыни являлась «наиболее распространенным способом благотворения». Отдавая приоритет другим способам благотворительности, К.М.Гавриленко писал, что милостыня представляет собой самую простую форму помощи, которой иногда злоупотребляют профессиональные нищие⁷.

По его мнению, принципы Эльберфельдской системы «особенно хороши», и принципы эти «являются в сущности ничем иным, как

древним христианским общинным призрением, элементы которого очень целесообразно поставлены здесь в связь с современной гражданской общиной». Основаниями этой системы являются индивидуализация и децентрализация. Весь город поделен на округа, округа – на участки во главе с попечителями. Попечители формируют окружное собрание, на котором каждый 14-й день обсуждаются вопросы о том, что нужно сделать для устранения нужды в каждом отдельном случае. Председатель округа является его представителем в городском управлении. Всеми делами города по призрению бедных занимается правление. Пособие выдается на 14 дней, дальнейшая его выдача может продляться на новый срок.

Ссылаясь на мировой опыт благотворительных организаций, которые занимались как распространением теоретических знаний о благотворительности, так и практическими задачами (например, такое общество существовало в Лондоне, оно имело более 40 участковых комитетов, которые занимались обследованием нуждающихся или раздачей им пособий, общество взаимодействовало с другими 93 аналогичными общества Соединенного королевства; такие общества существовали в Дании и Швеции), К.М.Гавриленко проводил параллель с Екатеринбургом. По «Общему Положению об участковых попечительствах о бедных», дума вверяла местное общественное призрение городскому попечительству о бедных. Думская комиссия разделила город на участки во главе с членами комиссии. Члены комиссии по округам провели собрания добровольцев, призвав их к оказанию помощи бедным. Так сформировались участковые попечительства из лиц обоего пола. Деятельность их в пределах своего района автономна: они сообща рассматривают все случаи проявления нужды, находят способы помощи, осуществляют обследование бедных на местах и наблюдают за семьями, которым оказывается поддержка. При городской комиссии было создано справочное бюро о бедных⁸. Справедливо писал К.М.Гавриленко, что «методы благотворительной работы и ее задачи будут всегда изменяться и совершенствоваться в зависимости от степени культуры и развития общества»⁹.

При создании городских попечительств о бедных учитывался предшествующий опыт социальной работы органов городского самоуправления. Например, в 1902 г. Нищенский комитет при

городском самоуправлении Кунгура был трансформирован в Кунгурское городское попечительство о бедных. Общество привлекло к своей деятельности немалое число активных общественных работников. Его членами становились плательщики 1, 3 и 10 руб. в год, были почетные члены, внесшие единовременно 200 руб. в бюджет попечительства¹⁰.

Город был разделен на 8 участков во главе с участковыми попечителями. В первый же год работы попечительства удалось привлечь свыше 60 сотрудников к благотворительной деятельности. Общественники тщательно обследовали кварталы города, стремясь отделить «действительную нужду» от тунеядства. Сведения вносились в опросные листы. Нуждающимся выдавались ежемесячные и единовременные пособия. Сумма выданных пособий достигла 1368 руб. в год. Попечительство содержало ночлежный дом, перешедший в наследство от комитета, с бесплатной столовой для бедных. Члены попечительства устраивали благотворительные вечера, елки, лотереи.

Среди активистов общества были женщины, например, З.П.Ковалева, при ее участии издавались и продавались в пользу попечительства открытки с видами города Кунгура. Деятельность попечительства находила одобрение и в предпринимательской среде. Купец А.П.Чулошников пожертвовал в неприкосновенный капитал попечительства 10000 руб. при условии, что определенная часть процентов с этого капитала будет расходоваться на приданое бедным девушкам, на похороны и на ремонт домов.

Благодаря деятельности попечительства в Кунгуре появилась бесплатная ткацкая учебная мастерская. Изделия из нее продавались в Кунгуре и Перми. Председатель попечительства Н.О.Ковалев сетовал, что ткацкое ремесло медленно прививалось.

Не всегда новые формы благотворительности получали поддержку горожан. Например, ставя цель уничтожить попрошайничество и пьянство, попечительство стало выдавать талонные книжки на 1, 2, 3 и 5 коп. Взамен на них бедняки могли получить пищу в народной дешевой столовой. Такой способ помощи не понравился многим нищим и другим обывателям. Кроме того, «нищая братия сумела превратить талоны в деньги и приобретать вино». Многие нищие отказывались от талонов, предпочитая брать

копейку, чем талон в 3-5 коп. Талонные книжки постепенно вышли из употребления.

Несколько лет попечительство функционировало довольно успешно. Однако в дальнейшем сократилось число активных общественных деятелей, возникали трудности со сбором членских взносов, сокращался бюджет общества, что естественно отразилось на работе попечительства в целом. На этом фоне был поднят вопрос о закрытии попечительства и «передачи благотворительности в руки городского самоуправления»¹¹.

Пермские городские попечительства о бедных начали действовать еще в ноябре 1911 г. Первое общее собрание членов было созвано городским головой П.А.Рябининым. На нем был одобрен порядок деления города на участки, намеченный комитетом, которому и было поручено и открытие. В декабре 1911 г. были открыты участковые попечительства: Заимское, Никольское, Монастырское, Преображенское, Слудское, Феодосиевское, Петропавловское, Ильинское (впоследствии Ильинско-Михайловское). Первоначально они помогали бедным путем предоставления им жилья и здоровой пищи. Уже в первые месяцы работы оказалось много добровольцев заниматься благотворительностью, в том числе 375 человек активных работников и 1820 человек, которые, так или иначе, откликнулись на призывы попечительств. Почетными и пожизненными членами Пермского городского попечительства о бедных являлись пермский губернатор И.Ф.Кошко, епископ Пермский и Соликамский Палладий и другие видные общественные деятели. Однако в дальнейшем интерес горожан к делам попечительств начал падать, хотя сохранился костяк активистов, в результате чего работа была налажена. Попечительства организовали бесплатные столовые для детей и немощных, бесплатные горячие завтраки для бедных учащихся начальных школ города, в приютах и богадельнях призревали свыше 300 человек взрослых и детей, расходуя на это ежегодно около 20000 руб. Частично попечительства удовлетворяли просьбы бедняков и в поиске работы, предоставляя возможность работать в сапожных, столярных и других мастерских, которые действовали при попечительствах, а также открыв специальное «Бюро труда» с целью предоставления нуждающимся информации о работе и вакансиях. Попечительства предоставляли беднякам и бесплатную

юридическую помощь через своих членов-адвокатов. С открытием навигации попечительства заручились поддержкой пароходных фирм и добились бесплатного или льготного проезда бедным. Общее управление делами попечительств осуществлял комитет, который возглавлял председатель, городской голова П.А.Рябинин. Комитет состоял из пяти членов, избираемых городской думой, председателей и представителей советов участковых попечительств.

Средства попечительств пополнялись за счет пожертвований, кружечного сбора, лотерей, столовой, благотворительных спектаклей и т.д. По мере расширения работы увеличивался бюджет попечительств, который в совокупности в 1912 г. составлял 32667 руб. 66 коп., а в следующем – 39323 руб. 76 коп. Несмотря на сокращение числа добровольных помощников, деятельность попечительств была успешной. На ее эффективность, однако, влияли такие факторы как ограниченность средств, влияние пригородов, где проживало значительное количество нищих, несогласованность действий других благотворительных организаций города¹².

Для усиления финансовых возможностей совет попечительства обращался к губернской администрации с «просьбой о пособии на питание пришлых из других губерний крестьян из сумм продовольственного капитала». Некоторые отчисления в бюджет попечительства сделали общественные собрания: общественное и торгово-промышленное. Первое пожертвовало на помощь голодающим 700 руб., второе – 200 руб.¹³.

В заключении хочется подчеркнуть, что опыт деятельности городских попечительств о бедных в начале XX в. свидетельствует о росте гражданского самосознания горожан в российской провинции. Так, очевидец писал в газетной заметке о мотивах вступления в Кунгурское попечительство о бедных: «многие искренне хотели отдать ему свой досуг, посвятить силы на пользу меньшего, неимущего брата», «хотели применить все способы рациональной борьбы с бродячим, часто пьяным и ленивым людом, и, с другой стороны, хотелось оказать поддержку там, где она действительно по тем или иным причинам необходима»¹⁴.

Примечания:

⁵Тевлина В.В. Российская империя и Запад: интеграция социальной политики. Архангельск, 2008. С.70-75.

²См.: Коробейников Ю.В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления в России в 1864-1917 гг. Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.

³Тевлина В.В. Российская империя и Запад: интеграция социальной политики. Архангельск, 2008. С.75-76.

⁴Гавриленко К.М. Современная благотворительность и ее задачи. Екатеринбург, 1917. С.3, 7, 43.

⁵Там же. С.43.

⁶Там же. С.46-47.

⁷Там же. С.47-51.

⁸Там же. С.59-61.

⁹Там же. С.66.

⁶⁰Голос Урала. 1912. 10 июля. № 102. С.3.

⁷¹Там же. С.4.

¹²Отчет Пермского городского попечительства о бедных. С 27 ноября 1911 г. по 1 января 1914 г. Пермь, 1914. С.1-6.

¹³Пермь // Голос Урала. 1912. 21 марта. № 15. С.3.

¹⁴Голос Урала. 1912. 10 июля. № 102. С.4.

Кашин Владимир Викторович

**** Птахин Владимир Николаевич**, участник русско-японской войны, красноармеец, арестован по делу № 559 в конце 1918 года, затем этапирован в Н.-Туринскую тюрьму.

***** Ошитков Терентий Федорович**, 1882 г. рождения, проживал в собственном доме по ул. Тагильской, 72, доброволец РККА, член РСДРП(б), арестован в октябре 1918 года, после рассмотрения ВСК дела № 99 этапирован в марте в Николаевскую тюрьму.

*** Костромин Виталий Иванович**, 1938 г. р., после срочной службы в Советской армии окончил Нижнетагильский пединститут с отличием, по направлению ОбЛОНО возглавил новую Верхотурскую восьмилетнюю школу №2 и успешно завершил долгострой в 1965 г. После напряженных лет на ответственной должности, а также инфаркта, стал журналистом. В настоящее время владеет издательством и возглавляет редакцию рекламного еженедельника «Всем» в Н.Тагиле.

Трагедия на Ирбитском тракте 14 июля 1919 года

К концу 1918 года антибольшевистские армии и правительства установили власть и контролировали всю территорию Большого Урала. Восточный (внутренний) фронт проходил западнее Уральского хребта и крупных губернских центров, таких как Оренбург, Уфа и Пермь.

18 ноября 1918 года в самом мощном государственном образовании на территории бывшей Российской империи в результате военного переворота пришел к власти Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, чьи действия и программа жестко размежевали воюющие стороны. Армия, военная контрразведка, комендатура, милиция, добровольные и карательные отряды разыскивали и задерживали, а специально созданные военно-следственные комиссии внесудебным порядком осуждали тысячи бывших красноармейцев, советских и большевистских деятелей, а также сочувствующих лиц. Кроме того, в ходе боевых действий было захвачено в плен значительное количество военнослужащих Красной армии.

Для их изоляции и содержания на Среднем Урале повсеместно создавались тюрьмы.

В Екатеринбурге были устроены два тюремных учреждения, которые быстро заполнялись.

В Нижне-Тагильском заводе с населением около 50 тыс. человек пришлось заново организовать Арестный дом на 200–300 человек. По Сибирскому переулку (за Входа-Иерусалимским собором между Александровской и Шаминой улицами) подобрали двухэтажное помещение с подвалами и пристроем, которое ранее использовалось владельцами Поклевскими-Козелл для производства и складирования пива. Поначалу тюрьму звали «Гарнизонная Гауптвахта», через полгода неудачное наименование сменили на «Земский арестный дом» (ныне здание используется как административное АО «Аорта», пр. Ленина 4-б). В конце 1918 года с ростом количества арестованных потребовалось соорудить второе яруса нар. Для этого тагильская управа разрешила использовать бывшие полаты в доме Уткина, после того как особняк освободился от постоя солдат 25-го Екатеринбургского полка Сибирской армии.

Арестные дома и помещения предназначались для содержания лиц на время следствия. Осужденные после приговора, должны были переводиться в специальные учреждения уездных и губернских центров. Крупнейшими являлись Екатеринбургский тюремный замок и Николаевская тюрьма в Нижне-Туринском заводе. Они, в свою очередь, пополнялись и тоже требовали разгрузки. Тогда «поезда смерти» увозили арестантов в Сибирь, чтобы оторвать их от местного населения и подавить волю к сопротивлению.

Николаевское исправительное арестантское отделение располагалось на правом берегу реки Туры в трех верстах от старого завода. Оно и получило свое название от Николаевского оружейного завода, основанного в 1852 году, но закрытого через десять лет по распоряжению правительства. В 1893 году здания были восстановлены и составили комплекс из обширного трехэтажного корпуса и семи кирпичных домов на 800 арестантов. Ныне входит в территорию машзавода «Вента».

В нижнетагильской тюрьме содержалось более двухсот заключенных. Большинство из них проходило по делам, дознание по которым вела военно-следственная комиссия (ВСК). Судя по нумерации дел политической окраски (более 800), общее количество арестованных в Нижнем Тагиле превысило тысячу человек за 9 месяцев антибольшевистской власти. Из служебной переписки, содержащейся в трофейных документах правительственных учреждений Временного Сибирского правительства, удалось выделить установочные и биографические данные более пятисот арестованных Нижне-Тагильской ВСК¹.

3 декабря 1918 года, разгружая тюрьму, старший унтер-офицер Юдин и десять конвоиров Добровольческого отряда доставили 55 арестованных из Н.Тагила в Екатеринбург. В феврале Арестный дом опять оказался переполнен, и смотритель забил тревогу. Служебные рапорта зафиксировали, что на 13 и 15 февраля было 211 и 215 арестованных соответственно. Отправки не было, а поступление людей продолжалось. На 24 февраля под стражей находилось уже 229 человек. Только в начале марта унтер-офицер Мартынов отконвоировал 25 арестованных на ст. Нижняя Тура согласно выданному комендантом «проходному свидетельству»².

Известно, что к апрелю 1919 года в Николаевской тюрьме содержались 42 тагильских военнопленных красноармейца, а в Арестном доме оставалось еще 39 бойцов Красной армии³.

1 июля 1919 года Красная армия освободила Пермь, а через полмесяца весь Горнозаводской Урал был под контролем 3-й Советской армией.

Что же случилось с арестованными уральцами?

Время колчаковской тюрьмы в Нижнем Тагиле истекло в полдень 13 июля 1919 года. Некоторых заключенных выпустили накануне, а 76 опасных с точки зрения Омского правительства были эвакуированы на подводах в город Ирбит⁴.

Совершенно по-другому складывалась ситуация на севере уезда.

10 июля начальник Николаевской тюрьмы Смирнов запросил указаний руководства в связи с тем, что в Нижне-Туринском заводе уже полным ходом шла эвакуация. В то же время 90 подчиненных ему чинов продолжали удерживать 716 заключенных, а распоряжений, что делать с людьми и «ценным имуществом» не поступало. Комендант Верхотурского уезда ротмистр Есипов, чья резиденция находилась в Нижнем Тагиле, переложил решение этой проблемы на Военно-административное управление отступавшей Сибирской армии⁵.

* * *

Два документальных свидетельства очевидцев тех событий открывают нам малоизвестные события трагедии, разыгравшейся на верхотурской земле в середине 1919 года.

Не дождавшись реальной помощи, руководство Николаевской тюрьмы приступило к самостоятельной эвакуации контингента. В отсутствие транспорта администрация была вынуждена сформировать три пеших этапа по двести-триста человек*. О судьбе первого этапа, в который отобрали большевистский актив, по горячим следам рассказал свидетель Фокин в публикации газеты «Уральский рабочий» в августе 1919 года⁶.

<...> 13 июля по Верхотурскому тракту на город Ирбит отправили первую партию в 206 человек <...>

При нашем выходе из тюрьмы начальник конвоя – лихой капитан, заявил: «Объявляю, что имею 3000 боевых патронов. Если

вы пойдёте хорошо, то может быть, половину вас доведу до места назначения, а то...».

После этого внушения погнали. И погнали так, как скотину не гонят: в течение одних суток мы прошли от Нижней Туры до Верхотурья 68 верст!

Обессиленные, задыхающиеся падали по дороге и их беспощадно прикалывали.

И когда стоны этих несчастных доносились до нас, конвойное начальство кричало: «Не оборачивайся! Назад не гляди! Из шеренги не выходить!»

И наставив итыки в спины, гнали нас вперёд.

В Верхотурье предполагалась дневка, но конвойное начальство, узнав о том, что красные наступают и что ими перерезан Ирбитский тракт, решило перебить всю партию.

Мы это поняли, мы чуяли свою гибель, и перед отправлением партии из Верхотурья между нами было условлено - прибегнуть к самоосвобождению и чтобы избежать расстрела, бежать в разные стороны по данному одним из нас сигналу.

Палачи, однако, предупредили (опередили - В.К.) нас. Отведя партию от Верхотурья версты на три, конвойный начальник «распорядился». И вот замыкавший партию конный конвой стал с неистовством рубить шапками задние ряды, и тотчас же вслед за этим, когда задние ряды стали, спасаясь от шапек, пробиваться вперёд, и все ряды смешались, раздался первый залп <...>

Большая часть товарищей пала на землю – и убитые, и те, что надеялись, лежа на земле, спастись от пуль.

Часть кинулась с дороги направо и налево на цепь конвоиров, смяли их и бросились в лес, тянувшийся по обе стороны тракта. Бросился и я. Вдогонку нам засвистали пули, но лес, к счастью, был густой и деревья мешали попадать в бегущих.

Тотчас после залпа раздалась команда конвоира: «Эй, вы, кто остался жив, вставайте! Дальше идём!» Уцелевшие поднялись, и вслед затем раздался второй залп <...>

Бежало нас не более 60-70 из партии в 206 человек.

Вот как описывает расстрел этапа в 1919 году тагильчанин Николай Ефимович Короваев. Свои воспоминания он записал в 1964 году⁷.

<...> Во дворе построили колонну 205 человек, по 5 в ряд и предупредили, что при побеге одного будут расстреляны все стоявшие в ряду остальные четверо. Во дворе мы пробыли часа 3-4 <...>

Конвой состоял из 20 пеших солдат <...>

К вечеру вышли к полям, лес кончился, но мы увидели, что из леса еще вышли пешие солдаты человек 20, конные человек 30 и один станковый пулемет <...>

Это были дополнительные военнослужащие, которые шли параллельно этапу по лесу для предотвращения бегства арестантов. О подготовке побега упоминают оба источника. Однако и администрация тюремного учреждения знала об этих планах и настроениях от своих информаторов в среде заключенных. Именно этими обстоятельствами объясняется запоздание на несколько часов с выступлением колонны из Нижней Туры.

Переночевали в поле, с рассветом вышли далее, люди обессилели, стали падать, отставать, обессиливших людей конные рубили шапками или пешие прокалывали штыками <...>

В Верхотурье мы в тюрьме переночевали и к вечеру (так в тексте – В.К.) пошли далее <...>

Отойдя километров 5 от Верхотурья, нам объявили, что плохо чувствует и не может идти, отставайте, сзади идут телеги и повезут на телегах. Прошли еще километров 5. Сзади раздался душераздирающий крик: «Товарищи, нас обманули, телег нет, отставших солдаты штыками и шапками рубят!» Оглянувшись на крик, я увидел окровавленного человека. Это послужило сигналом, и заключенных стали в упор расстреливать. Какое-то мгновение я стоял в оцепенении, и пришел в себя от голоса Сергея Антипова, он дергал меня за брюки и говорил: «Ложись, ложись, подумают, что убит». Я вырвался и бросился бежать, наскочил на конвоира, который из винтовки целился куда-то, правее меня, сииб его и побежал по лесу и выбежал к реке <...>*

Как я оказался в реке, до сего времени не помню. Плавать я не умею. Опомнися, когда вода дошла мне по грудь. Пули шлепались в воду, местами впереди меня вода текла окрашенная кровью. Впереди крутой высокий берег, видел, что один поднялся почти до верху, сорвался и вновь скатился к воде. Забравшись на берег, оглянулся на

какой-то миг, увидел на противоположном берегу трупы людей и конвоиров.

В лесу встретил первого Птахина^{**}, потом Ошиткова^{***} и еще двоих <...>

Выстрелы, хотя и редко, но слышались.

Н.Е.Короваев вспоминал, что спасшиеся беглецы заночевала в лесу. Наутро решили пробираться к своим малыми группами. Так, вместе с ним оказалось трое тагильчан Баженов, Птахин, Ошитков и примкнувший к ним Ляня. Они устремились на запад, навстречу приближавшемуся фронту, ориентируясь на артиллерийскую канонаду. В дороге питались рыбой, ягодами и березовыми листьями, как менее горькими. Через восемь суток они вышли к красноармейскому караулу у железнодорожной будки. Далее до Туринского завода добрались пешком, из Туры до Кушвы ехали на лошади, а затем до Нижнего Тагила - поездом.

Предполагаем, что оба источника рассказали об одном и том же факте расправы над заключенными Николаевской тюрьмы, так как совпадает количество этаплируемых людей с разницей в одного человека.

Есть расхождения и несовпадения деталей в рассказах обоих очевидцев.

Во-первых, Фокин не упомянул ночевку в поле. Однако специалисты знают, что только подготовленному человеку под силу преодолеть 60-70 километров за дневной переход. Скорость многочисленной пешей колонны замедляется вдвое, и понятно, что до Верхотурья арестанты не могли добраться без остановки на ночлег.

Во-вторых, не совпадают расстояние от города Верхотурье, где разыгралась трагедия. У одного это 3 километра, у второго – 10. Однако и это различие не критично и вполне объяснимо особенностями человеческой памяти.

В-третьих, Фокин никак не упоминал реку Туру при побеге. Однако сам он свидетельствовал, что арестанты разбежались в противоположные стороны от тракта, а значит, одна часть удалялась от реки.

Автор газетной публикации Фокин, кроме того, упомянул о судьбе второго и третьего этапов, составленных из остальных заключенных.

Вторую партию вывели из Нижней Туры часов через восемь после нас, в ней было около 300 человек, большинство эвакуированные из Оханской тюрьмы.

С ними поступили проще: загнали в Монастырский сарай, находящийся недалеко от Верхотурья, заперли входы, ввели в полутёмный сарай конвой и перестреляли всех. В том числе 30 женщин и трех грудных младенцев.

Вывели позже из Нижней Туры и третью, последнюю партию, но об ее участии ничего не знаю.

Конечно, Советская власть не могла пройти мимо описанного трагического события, так как примерно в 5 км от Верхотурья, с правой стороны Ирбитского тракта были захоронены в братской могиле около 60 человек жертв «белого» террора и воздвигнут памятный знак. Мраморный обелиск на кирпичном фундаменте с металлической, покрытой бронзой, звездой был установлен через 10 лет. На нем была сделана надпись: «Память павшим в борьбе за освобождение трудящихся Урала; их светлая, преданная революции жизнь служила и будет служить призывом к борьбе за освобождение трудящихся всего мира»⁸.

Тагильчанин Николай Ефимович Коровяев родился 18 мая 1900 года в Нижне-Тагильском заводе Верхотурского уезда в семье сцепщика вагонов Пермской железной дороги, который потерял на казенной службе ногу. Семья проживала в собственном доме по Кладбищенской улице. Николай окончил Пермское училище, и устроился телеграфистом на станции Тагил (1916). В его смену пришла эпохальная телеграмма из Петрограда об отставке царя в феврале 1917 года. Одним из первых он вступил в члены РСДРП(б) и даже был назначен комиссаром на железнодорожном телеграфе в 1918 году.

Осенью он отступил с частями Красной армии из Нижнего Тагила, исполнял обязанности начальника связи штаба 29-й дивизии и был взят в плен в «Красных казармах» 25 декабря в Перми.

Ему удалось бежать из плена и добраться до Нижнего Тагила по чужим документам. Однако он был вскоре арестован в доме родителей в январе 1919 года. Военно-следственная комиссия постановила содержать его под стражей до окончания войны, как

представляющего угрозу для государственного строя и общественного спокойствия. Весной того же года он был помещен в Нижне-Туринскую тюрьму.

После Гражданской войны Н.Е.Короваев окончил Саратовское военно-инженерное училище, работал в железнодорожном депо Нижнего Тагила. Доброволец и участник Великой Отечественной войны, сапер и телефонист был награжден медалями «За боевые заслуги» после форсирования Днепра и «За победу над Германией». На пенсию он вышел с поста директора Трамвайно-троллейбусного треста г.Элисты в 1960 году.

Личные воспоминания Н.Е.Короваева получили литературное продолжение, которое записал корреспондент многотиражки «Тагильский рабочий», член Союза журналистов СССР В.И. Костромин*. В 1970-е годы он несколько раз беседовал со старым коммунистом.

Н.Е.Короваев поведал газетчику, что спустя полвека решил поклониться праху расстрелянных узников вблизи г. Верхотурье.

Да, это стало для меня полной неожиданностью. Ехал-то я с одной целью – побывать на месте расстрела, еще раз на склоне лет пережить ужас той страшной бойни... Читал и вспоминал друзей, когда наткнулся на свою фамилию, изрядно удивился и сразу пошел к председателю Горсовета. Говорю ему, дескать, нехорошо имена живых людей отчеканивать на могильных памятниках. Председатель затылок почесал, подумал-подумал и взмолился: «Дорогой Николай Ефимович! Ну, представьте себе, ведь эту строку надо же будет сбивать – вид у обелиска испортится. А люди подумают, что это хулиганы набезобразничали...».

Послушал я его, да и махнул рукой – пусть остается все, как много лет⁹.

Оба источника и Фокин, и Короваев упоминают, что арестанты подготавливали побег во время пешего этапа, предполагая расправу. Но оба утверждают, что организованный побег не состоялся по различным причинам (сильный конвой, предательство, приготовленная засада), а бегство было инициировано начавшимся убийством ослабших и оставших арестантов.

По данным екатеринбургского историка М.И.Вебера, из двух сотен арестантов продолжили движение 79 заключенных, а на месте

происшествия обнаружено 52 трупа. По тюремным отчетам остальные заключенные (75) бежали из-под стражи 14 июля. До места назначения дошло и того меньше, так как в ходе последующих попыток бежать погибло еще 18 человек.

Памятник погибшим был установлен на месте трагедии, когда еще были живы участники и свидетели тех событий. Хотя, по заверениям историков, в Верхотурье нет памятников с именами погибших, возможно, что таковые сохранились в материалах и документах в отношении массового расстрела на верхотурской земле. Необходимо и далее разрабатывать указанную тему для восстановления имен всех арестованных, как погибших, так и бежавших, а также достигших Камышловской пересыльной тюрьмы и учтенных в официальных документах колчаковской администрации.

Источники и литература:

¹ НТГИА. Фонд 404 «Нижне-Тагильская волостная земская управа (1917-1919)» 13 дел, фонд 405 «Управление коменданта Нижне-Тагильского завода и его окрестностей (1918-1919)» 49 дел; Прил. № 8 Список арестованных с октября 1918 года по июль 1919 года / *Кашин В.В.* Белый Тагил. По трофейным документам Колчака. Нижний Тагил : Книжный дом «Хлопотовъ». 2018. С. 299-316.

² НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 36. Л. 4об.; Д. 30. Л. 121; Д. 45. Л. 85.

³ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 36. Л. 74 об.

⁴ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 38. Л. 92.

⁵ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 38. Л. 52.

⁶ *Фокин.* По кровавым следам (страшная страничка) // Уральский рабочий, № 3. 1919. 6 авг.

⁷ Нижнетагильский городской музей-завод «Горнозаводский Урал» (НТМ-3). Ф.14. Оп.1. Д.69.

⁸ *Войтенко А.А.* На той далекой, на гражданской... Памятники и памятные места гражданской войны на Среднем Урале (1918–1919). Екатеринбург : БКИ. 2007. (Мемориалы и памятники ратной славы Свердловской области). С.272-273; *Неверов Л., Владимирский Д.* Исторические памятники города Свердловска и Свердловской области. Свердловск : Свердловское книжное издательство. 1962. С.126.

⁹ *Костромин В.И.* Черные сухарики. Нижний Тагил : Изд-во «Всем». 2013. С.40-41.

Фирма Коробейниковых

На рубеже XIX–XX вв. на Урале широкой известностью пользовалась екатеринбургская фирма Коробейниковых, занимавшаяся производством разнообразной машиностроительной продукции и торговлей ею. Основателем фирмы был мастерской Воткинского казенного завода Алексей Алексеевич Коробейников, который в 1854 г. по приказу Уральского горного правления был переведен из Воткинска на Екатеринбургскую механическую фабрику. Отмена обязательной службы на казенных горных заводах была использована А.А.Коробейниковым по максимуму. По одним данным в 1863 г., по другим данным в 1865 г., бывший мастерской купил у одного из екатеринбуржцев небольшое кузнечное заведение, пополнив тем самым весьма внушительный по численности отряд владельцев кузниц¹.

Выходец из Вятской губернии не затерялся среди большого числа производителей почти однотипной продукции, хотя его заведение долгое время оставалось сравнительно скромным и по объему производства, и по оборудованию. В 1874 г. в нем имелся всего 1 кузнечный горн на 4 огня². По-видимому, изделия кузницы Коробейникова отличались вполне хорошим качеством, что и позволило предпринимателю достичь коммерческого успеха, а заодно и продвинуться вверх по сословной лестнице. После отмены крепостного права Коробейников пополнил ряды екатеринбургских мещан, а 30 января 1881 г. он получил право именоваться екатеринбургским купцом 2-й гильдии.

Уже в начале 1880-х гг. А.А.Коробейников числился владельцем нескольких заведений. На Сибирском тракте у него действовало 4 кузницы, а непосредственно в Екатеринбурге, на Кузнецкой улице за Коробейниковым числился механический и котельный завод, который в небольшом количестве производил гидротурбины, паровые котлы и машины, водоподъемные насосы, мельничные поставы, а также

всевозможные запчасти. Кроме того, завод постоянно рекламировал свои услуги в области производства котельных и кузнечных работ. К сожалению, документов, содержащих данные о времени основания механического и котельного завода и его оборудовании, пока не обнаружено.

Известно лишь, что осенью 1879 г. Алексей Алексеевич принял участие в торгах, на которых продавалось имущество монетного двора и казенной механической фабрики. 12 октября 1879 г. он направил в Уральское горное правление заявление следующего содержания: «Имею честь заявить, что на назначенное к продаже имущество монетного двора и механической фабрики, антрацит 560 пудов, в том числе мелкого с сором 110 пудов, 2 гидравлических насоса и дерево, состоящее из лож, которое я желаю купить и имею честь заявить на это цену на антрацит крупный 15 коп. за пуд, а за мелкий с сором 10 коп., за два гидравлических насоса 25 руб. и деревянные ложки за 10 руб.»³.

Результаты торгов, длившихся по 1881 г., неизвестны. Однако даже из заявления А.А.Коробейникова видно: он претендовал на такое оборудование, которое никак не могло стать основным для механического и котельного производства. В силу этого, вопрос о времени, месте и количестве покупки оборудования, позволяющего исполнять механические и котельные работы, остается открытым.

Постепенно известность завода А.А.Коробейникова стала расти, а его продукция помимо Екатеринбурга начала пользоваться популярностью и в более отдаленных регионах. Иногда к Коробейникову обращались Пермские пушечные заводы и некоторые уральские металлургические предприятия. Нередко заказы были довольно сложными, что ставило А.А.Коробейникова в непростое положение. На его заводе не было опытных специалистов, способных спроектировать то или иное изделие, изготовить чертежи и т.д.

Впрочем, из этого положения Алексей Алексеевич нашел два выхода: один из них имел тактический характер, а другой почти стратегический. Для временного решения проблемы предприниматель стал обращаться к тем горным инженерам, которые были опытны в проектировании и изготовлении чертежей. В частности, известен факт сотрудничества Коробейникова с инженером А.П.Кондратьевым. В 1880-х гг. Алексей Алексеевич заключил договор на сооружение

паровых котлов для Богословского медеплавильного завода. Управляющий Богословского горного округа А.А.Ауэрбах вспоминал: «Котлы строились на месте в Богословске по проекту горного инженера Кондратьева екатеринбургскими механическими фабрикантами братьями Коробейниковыми из тагильского железа и выполнены очень хорошо»⁴. Ауэрбах, говоря о братьях Коробейниковых, несколько забегают вперед: в 1881–1887 гг. во главе завода стоял Алексей Алексеевич Коробейников, а не его наследники.

Привлечение А.П.Кондратьева было тактическим ходом, который давал лишь временное решение проблемы. Впрочем, этим ходом купец не ограничился: он еще в конце 1860-х гг. отрядил в Уральское горное училище сына Андрея, а затем отправил его за высшим образованием. По-видимому, он рассчитывал на то, что сын станет квалифицированным специалистом в разных областях, что облегчит производство сложной продукции. Это ожидание оправдалось не полностью.

Список клиентов Алексея Коробейникова не ограничивался металлургическими предприятиями. К нему охотно обращались золотопромышленные фирмы, которые вели добычу и на Урале, и в Сибири. Вероятно, это обстоятельство натолкнуло Алексея Коробейникова на мысль попробовать свои силы на ниве золотодобычи. 14 апреля 1877 г. он получил из Уральского горного правления свидетельство, дававшее разрешение на поиск и добычу золота на территории Оренбургского казачьего войска⁵. Однако его конкретных шагов в этой области выявить не удалось.

В целом, предприятие А.А.Коробейникова развивалось вполне успешно, что благоприятно отразилось не только на сословном статусе предпринимателя, но и его материальном положении. Известно, что уже в конце 1870-х гг. Алексей Алексеевич был владельцем собственного дома. Своим наследникам он оставил уже три домовладения, сосредоточенные на Кузнецкой (Кузнечной) улице. В усадьбу под №155 входили деревянный одноэтажный дом, флигель, службы и баня; домовладение №169 состояло из деревянного одноэтажного дома, 4 флигелей, бани и служб. Самой крупной была усадьба под №163–165. В нее входили каменный трехэтажный дом, флигель, службы и баня. Именно на территории этой усадьбы располагалось механическое заведение⁶.

По-видимому, последние годы жизни Алексея Алексеевича были омрачены тяжелой болезнью, в силу чего заводом и кузницами управляли сыновья – Андрей и Павел. Вероятно, по этой причине в разных источниках все чаще начинает упоминаться фирма братьев Коробейниковых, хотя формально владельцем дела оставался их отец.

В 1887 г. в Екатеринбурге состоялась Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка. Экспозиция Коробейниковых привлекла внимание специалистов, один из которых оставил краткое описание фабрики: «Действие паровое – одна восьмисильная машина. Потребность в металлах для переработки такова: 5000 пуд чугуна и столько же железа. Из горючих же материалов употребляются: дрова в количестве до 100 куб. саж., древесный уголь до 100 казенных коробов и каменный уголь до 4000 пуд. При круглом годовом действии бывает занято от 30 до 80 рабочих. Окончательные фабрикаты суть: паровые котлы (до 100 шт.), паровые машины (от 15 в 6-8 сил), водоподъемные насосы (до 20 шт.), турбины (в небольшом числе) и прочие, также принадлежности к ним. Все эти изделия сбываются в города: Екатеринбург, Пермь и Оренбургскую и другие губернии, и Ташкент»⁷. Экспонаты Коробейниковых, выставленные в 1887 г., были удостоены горным департаментом малой серебряной медали «за различные механические изделия, пожарные трубы и вообще полезную деятельность в течение 10 лет»⁸.

24 июля 1888 г. скончался Алексей Алексеевич Коробейников. 26 июля его тело после отпевания в Екатерининском соборе было предано земле на кладбище Ново-Тихвинского женского монастыря⁹. Некоторое время спустя после похорон наследники Алексея Алексеевича учредили товарищество «Братья Коробейниковы» и продолжили начинания отца. Для успокоения потенциальных клиентов в печати было помещено объявление, гласившее: «Братья Коробейниковы имеют честь довести до сведения, что после смерти отца их все дела механической фабрики продолжают на прежних основаниях, без всяких изменений»¹⁰.

Наследников у А.А.Коробейникова было немало. В частности, имелось не менее 6 сыновей – Андрей (1854–?), Василий, Иван, Михаил (?–1895), Николай и Павел (1859–?). Были наследницы и по женской линии, в том числе вдова Мария Васильевна. Список членов товарищества не был постоянным, но ведущую роль в нем играли

Андрей и Павел Коробейниковы. Уже упоминалось, что Андрей Коробейников учился в горном училище. За этот период сохранился один любопытный документ – прошение А.А.Коробейникова, адресованное директору училища Н.К.Чупину: «По домашним обстоятельствам я желал бы ныне сына моего Алексея Коробейникова, находящегося пансионером в Уральском горном училище, взять на жительство к себе домой. И потому покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие уволить его из числа пансионеров и переписать в вольноприходящие ученики. По безграмотству и по повелению родителя Алексея Коробейникова сын его родной Андрей Коробейников руку приложил. 3 июля 1869 г.»¹¹.

Окончив горное училище, Андрей Коробейников пробовал получить высшее образование. По одним данным, он поступал в Петербургский технологический институт, по другим – в Московское императорское высшее техническое училище. Однако, что-то в вузе не заладилось, и купеческому отпрыску пришлось возвращаться домой без вожделенного диплома. Павел Коробейников также учился, но ему пришлось ограничиться получением начального образования в Екатеринбургском уездном училище.

Андрей и Павел, опираясь на помощь младших братьев, успешно руководили заводом и кузницами, используя при этом и отцовский опыт, и старые связи. В частности, они иногда сотрудничали с инженером А.П.Кондратьевым. В самом конце 1880-х гг. Коробейниковы получили заказ от владельцев Зигаинского металлургического завода на изготовление двойной паровой воздуходувной машины. «Она была проектирована мною, – писал А.П.Кондратьев, – по заказу известной механической фабрики братьев Коробейниковых в Екатеринбурге, принявшей на себя исполнение машины»¹². Коробейниковы с помощью проекта и чертежей Кондратьева вполне успешно справились с заказом.

Несмотря на качественное и своевременное исполнение заказов, завод Коробейниковых оставался небольшим предприятием с относительно скромным оборудованием. В 1890 г. на заводе имелась 1 паровая машина в 6 л.с., 4 кузнечных горна, 1 вентилятор, 3 сверлильных станка, 2 прессы и 12 разных механических станков. На предприятии в этот момент трудилось 35 рабочих. Годовое производство в 1890 г. оценивалось в 24 тыс. руб.¹³

Расширению предприятия препятствовал ряд обстоятельств. Во-первых, братья не располагали таким капиталом, который позволил бы серьезно нарастить заводские производственные мощности. Во-вторых, спрос на машиностроительную продукцию в Урало-Сибирском регионе был подвержен сильным колебаниям, что делало сооружение крупного машиностроительного завода делом крайне рискованным. В-третьих, братьям с трудом удавалось приобрести нужное количество топлива, а также чугуна и железа. В-четвертых, в регионе имелось немало конкурентов. Например, только в Екатеринбурге действовали механические фабрики Ф.Е.Ятеса и братьев Береновых.

Все эти обстоятельства вынуждали Коробейниковых довольствоваться синицей в руках и постоянно искать выходы из сложных ситуаций, которые возникали с завидной регулярностью. В частности, ограниченность заводского оборудования нередко вела к тому, что братья не успевали или не могли изготовить все нужные детали. В этих случаях Коробейниковы обращались на соседние металлургические заводы, имеющие необходимое оборудование. Чаще всего братья сотрудничали с Верх-Исетским заводом. Так, 22 мая 1896 г. они отправили в контору этого завода следующее послание: «Прилагая при сем 2 чертежа, имеем честь покорнейше просить контору заводов отковать нам по означенным чертежам из мартеновского или же кричного, но лучшего металла, 2 штыка и 2 штока, наивозможно поскорее, в особенности нужны штыки, которые и просим приготовить вперед»¹⁴. В том же году Коробейниковы еще дважды обращались на Верх-Исетский завод: сначала они просили изготовить 2 валка из кричного или мартеновского металла, а затем им потребовались 6 валов из мартеновского металла.

Заказы на завод Коробейниковых поступали крайне неравномерно. Иногда их было очень много, а порой они поступали крайне редко. В 1897–1898 гг. предприятие получило много разнообразных заказов от железных дорог, золотых приисков и металлургических заводов. Часть из них были крупными, другие сравнительно скромными. Очень небольшой заказ сделал Кизеловский завод Абамелек-Лазаревой. На заводе действовал подъездной железнодорожный путь, для которого потребовалось изготовить 2 стрелки с необходимыми деталями. Более крупный заказ

поступил от Западносибирской железной дороги: сначала железнодорожники захотели получить разные металлические части для 52 семафоров и 15 стрелок, а затем еще 12 приборов для семафоров.

Разные заказы и по объему, и по сложности поступали от владельцев золотых приисков, в том числе от золотопромышленников, имевших прииски в Верхотурском уезде. От купца В.И.Шайдурова последовал заказ на изготовление 2 водоподъемных насосов с приводом и железными трубами, причем насосы должны были откачивать воду с глубины, достигавшей 45 аршин. Золотопромышленнику С.Г.Нейман заказ был более обширен. В частности, он заказал паровую горизонтальную машину в 12 л.с. и паровой котел «кортваллийской» системы в 16 л.с., а также главный привод и центробежный насос производительностью 2000 ведер воды в час. И тот, и другой золотопромышленник получили все заказанное уже к началу марта 1898 г.

Несколько дольше Коробейниковы провозились с исполнением заказа Белорецких металлургических заводов, что объясняется значительным разнообразием заказа. Заводам потребовались мостовой подвижный кран для прокатных станков на 600 пудов груза, рудодробилка системы «Блека», большой радиально-сверлильный станок, 14 стальных винтов с медными гайками для прокатных станков, а также паровой батарейный котел, поворотный кран для доменного цеха на 300 пудов и т. д.¹⁵

Прием к исполнению в 1898-1899 гг. большого количества разнообразных заказов объясняется желанием Коробейниковых максимально загрузить производственные мощности своего предприятия. Впрочем, это лишь одна из предпринимательских практик Коробейниковых. В случае получения крупного заказа из одного источника братья не проявляли особого стремления к поиску новых заказчиков. Правда, подобная ситуация была достаточно редкой, чаще всего Коробейниковы не отмахивались от заказов, независимо от их размера. Например, на стыке 1899-1900 гг. братьям удалось заполучить заказ на 7 железных вагонеток для мартеновской фабрики Лысьвенского завода графа П.П.Шувалова¹⁶.

Несмотря на то, что завод Коробейниковых не относился к числу крупных предприятий, его деятельность имела огромное значение для

многих отраслей урало-сибирской промышленности. Этот неоспоримый факт нашел отражение в возведении Андрея Коробейникова в сословие почетных граждан. В конце 1901 г. Екатеринбургская городская управа получила уведомление о том, что император «соизволил пожаловать за общепользную деятельность по горному ведомству владельца механического завода в г.Екатеринбурге екатеринбургского купца 2-й гильдии Андрея Алексеева Коробейникова – званием личного почетного гражданина»¹⁷.

На рубеже XIX – XX вв. предприятие Коробейниковых работало более или менее успешно. Его годовое производство в денежном выражении колебалось от 50 до 100 тыс. руб., а трудовой коллектив состоял из 50-100 рабочих. К этому времени продукция Коробейниковых сбывалась в Пермской, Томской, Уфимской губерниях, а также Семипалатинской области¹⁸. Братья старались освоить производство новых механизмов и машин, в том числе начали изготовление отдельных частей для драг. Так, в начале 1900-х гг. Коробейниковы изготовили несколько дражных частей для золотого прииска фирмы «Трифон Савельев и С-вья», кроме того, на их заводе были склепаны черпаки для драги, установленной на Удерейском прииске. Со временем Коробейниковы стали производить небольшие драги, которые в основном уходили в Сибирь. В 1905 г. на их заводе были изготовлены 7 драг для одной красноярской фирмы, причем 5 драг начали работать в том же году.

Несмотря на отдельные успехи, предприятие Коробейниковых в начале 1900-х гг. испытывало очень серьезные трудности, вызванные затяжной экономической депрессией, поразившей всю империю. Еще одним мощным ударом для братьев стало проникновение на урало-сибирский рынок германских фирм, продукция которых была более качественной, нежели изделия уральских машиностроителей. Некоторое время братьям удавалось удерживаться на плаву, но, в конце концов, они разорились. 25 мая 1909 г. фирма Коробейниковых была признана несостоятельной, и по ее делам было учреждено конкурсное управление, которое в 1911–1913 гг. организовало распродажу имущества должников. В 1915 г. конкурсное управление было закрыто, но Коробейниковым не удалось вернуться к предпринимательской деятельности.

Деятельность фирмы Коробейниковых лишь фрагмент общей истории уральского предпринимательства, но фрагмент крайне интересный и заслуживающий сохранения в памяти потомков.

Примечания:

⁸ГАСО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 90. Л. 118.

²Там же.

³ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 305. Л. 64.

⁴Ауэрбах А.А. О развитии горнозаводского дела в Богословском горном округе за последние семь лет, то есть с 1881 по 1888 год // Горный журнал. 1888. Т. 3. Кн. 7. С. 10.

⁵ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4045. Л. 287.

⁶Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889. С.455.

⁷Азанчеев Ю. Горнозаводской отдел на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 года // Горный журнал. 1888. Т.4. Кн.12. С.326.

⁸Награды экспонентам Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 года в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1887. С.19.

⁹ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 834. Л. 158.

¹⁰Екатеринбургская неделя. 1888. № 32. С. 696.

¹¹ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 14. Л. 174.

¹²Горный журнал. 1891. Т. 1. Кн. 3. С. 353.

¹³Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894. С.384.

¹⁴ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 476. Л. 1.

¹⁵Уральское горное обозрение. 1898. № 10. С. 11.

¹⁶Н.Ш. Мартеновская фабрика в Лысьвенском заводе // Уральское горное обозрение. 1900. № 12. С. 5.

¹⁷ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 137. Л. 246.

* Костринский Владимир Фабиевич - председатель Кушвинской Военно-следственной комиссии в период Временного Сибирского правительства Колчака по расследованию злодеяний большевиков в 1919 г., эвакуировался вместе с Русской армией Колчака и его судьба неизвестна.

¹⁸Приуральский край. Справочная торгово-промышленная книга, указатель и путеводитель по Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниям и Уральской области. Уральск, 1902. С. 20.

Новиченков Николай Николаевич

«Польский след» в истории Верхотурья

Часть I. Речь Посполитая и Верхотурье в XVII веке¹

Город Верхотурье был основан в 1598 году по указу царя Федора Иоанновича, последнего царя из династии Рюриковичей, и на протяжении XVII века выполнял транзитно-транспортные и административно-военные функции, являясь перевалочной базой в ходе русской колонизации Сибири. Город был центром судостроения, центром горного освоения края, конфессиональным и пенитенциарным центром. Здесь находилась таможня на Главной (и единственно разрешенной) государственной дороге в Сибирь.

Далекий сибирский город в своей 420-летней истории отразил многие стороны русско-польских взаимоотношений XVII-XX веков. На протяжении всего XVII века Россия вела войны с Польшей за территории, некогда входившие в состав Киевской Руси. Большинство воевод, управлявших городом и уездом в это время, принимали активное участие в событиях так называемого «смутного времени» и последующих русско-польских войн. Так один из основателей Верхотурья, воевода Иван Воейков (царский стольник, чаши́ник и опричник, участник Ливонской войны) в мае 1606 года участвовал в боярском заговоре под руководством князей Шуйских против Лжедмитрия I. Воейков умертвил самозванца, выстрелив в него из пищали. Верхотурские воеводы Барятинский Н.П., Пожарский – Лопата Д.П., Милославский Д.Н. освобождали от поляков Москву, сражались с гетманом Хоткевичем и отрядами пана Лисовского...

Причем, некоторые воеводы считали своими предками выходцев из Польши и Литвы. Так воевода Хрущов Ф.Г. имел польские корни.

Родоначальник Хрущовых выехал из Польши в Россию в 1493 году и принял православие.

Были воеводы, которые попадали в Верхотурье не по своей воле и под конвоем.

Так, в 1619 году в Верхотурье сослан провинившийся перед новым русским царем воевода Иванис Ададунов. Его обвинили в сдаче города Дорогобужа польскому королевичу Владиславу.

С самого основания города он стал местом ссылки. Уже с мая 1598 года из Москвы приходят грамоты о ссыльных. Так в феврале 1599 года от имени царя Бориса Годунова сообщалось: «По нашему указу посланы с Москвы на Верхотурье опальные люди Литва и черкасы и немцы...»

В грамоте от 16 сентября 1604 года указывалось о доставке в Верхотурье «беглого литвина Ятца Высятцкого».

После поражения восстания Ивана Болотникова в грамоте царя Василия Шуйского было написано о присылке в Верхотурье «Тульских сидельцев литвы, и немец, и угрян (венгров) семнадцать человек»...

Через Верхотурье в Сибирь направлялось большое количество «опальных» и «вязней» (пленных) и город стал крупным центром пересылки. Тобольский воевода князь Черкасский, которому формально подчинялся верхотурский воевода, получил из Москвы наказ: «для присланных вновь всех ссыльных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую». Так, в августе 1619 года из Москвы сообщалось о ссылке в Томск в службу «литвина» Мартынка Боржевицкого, которого должны были какое-то время содержать в Верхотурье, а затем сопроводить до места под конвоем.

Европейские наемники на польской службе, польско-литовские военные, взятые в плен, представляли большую ценность как специалисты в разных отраслях, не только в военном деле. Согласно царскому Указу 1664 года предписывалось обратить в православие и поверстать в службу сосланных в Сибирь польских и литовских людей. Часть «литовских» людей являлись выходцами с русских земель, вошедших в состав Польши, и были православными. Так, после получения указа, верхотурский воевода Колтовский пытался распространить его действие на проживавшего с 1659 года Верхотурье шляхтича Степана Станкеева. Получая жалованье от

государства, Станкеев отказался служить. Воевода сократил жалование, используя это как способ давления на шляхтича. Станкеев пишет жалобы, объясняя, что он православный, а служить не может из-за увечья – «рука правая на бою в двух местах испробита».

Часть военнопленных, выбирая «из двух зол», шли на службу. Шляхтич Кунцеев Иван, польско-литовский «вязень» (пленный), был выслан в 1668 году на Верхотурье на службу в чине сына боярского. В 1687 году он мерил дорогу от Верхотурья до Пелыма.

Были случаи, когда бывшие военнопленные сами просились на русскую службу и желали остаться навсегда в России. Так, шляхтич Труш (Трушкевич) Ян (Иван) Андреев, польско-литовский «вязень» в 1666-1667 годах при очередном размене пленными с Польшей в Разрядном приказе изъявил желание остаться в России. С 1668 года он нес службу в Верхотурье в чине сына боярского. Адам Каменский-Длужик, пленный, высланный для службы в сибирских гарнизонах, писал: «Прибыли мы в Верхотурье; город этот людный, живности и товаров под достатком имеет. Деревни большие, урожаи хорошие. Родится здесь все, кроме гречки, которой здесь не знают. Река Тура идет под Верхотурьем камениста и быстра...» Особенно поразила пана Адама работа верхотурских таможенников: «...мыто большое берут для царя. Купцов и воевод трясут, которые из Сибири едут».

Были случаи, когда бывшие враги России роднились с потомками тех, кто оказывал ожесточенное сопротивление русским столетием ранее. Так, сосланный в числе других «литовских людей» в Сибирь «иноземец» Андрей Бернацкий с 1649 года служил на Верхотурье. Свою дочь он выдал замуж за Семёна Андреевича Пелымского, праправнука воеводы Сибирского хана Кучума, князя Аблегирима. С 1654 года князь Пелымский был поверстан в дети боярские по Верхотурью.

Отражались на Верхотурском уезде и такие крупные внешнеполитические события, как окончание очередной русско-польской войны (1654–1667 годов) и размен пленными, учитывая, что таковых здесь всегда было много. Пленных «иноземцев» старались поверстать в службу и ссыльные часто занимали видные посты в воеводской администрации.

23 мая 1673 года из Москвы на Верхотурье была отправлена грамота: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа

Великия и Малыя и Белья России Самодержца, в Сибирь, на Верхотурье, столнику нашему и воеводе Федору Григорьевичу Хрущову да подьячему Савве Тютчеву. В прошлом во 175 году, по нашему великого Государя указу и по посолскому договору, велено на Верхотурье и верхотурского уезду в слободах и в деревнях, где сыщутся все вязни (военнопленные), от зачатия нынешния войны пойманные, духовные яко и мирские, шляхта и войсковые люди, старшие и молодчие, и челядь лезная, всякого чину и полу и богомолия люди, которые по указным статьям, по договору, похотят в сторону Королевского величества, прислать с Верхотурья к нам Великому Государю, к Москве, с нарочными гонцы; а которые похотят Полского народу вязни нам Великому Государю служить в государстве нашего Царьского Величества, и тем приносить челобитные за руками, и давати им наше Государево жалованье в приказ, смотря по людем, и нашу государеву милость им объявить, что мы Великий государь тех Полских вязней, которые похотят служить нам Великому государю, пожалуем в чины и нашим государевым денежным и хлебным жалованьем, полными оклады, по их породе и службам; да о том о всем велено к нам Великому Государю отписать».

Кроме тех бывших военнопленных, кто решил вернуться на родину, были и те, кто «бежали с дороги, и померли и на реках потонули», не добравшись до места ссылки. «И ныне мы Великий Государь указали: которые иноземцы, по нашим Великому Государю грамотам, взяты с Верхотурья к Москве и которых не стало, и тех иноземцев оклады их, деньги и хлеб и соль, из оклада выложить и в их место ни кого не верстать». Подьячему Савве Тютчеву предписывалось составить роспись выбывших иноземцев и отослать в Сибирский Приказ окольничему Родиону Матвеевичу Стрешневу, «а другую такову же роспись, ты Савва за своею же рукою, впредь для спору, оставили на Верхотурье в Приказной избе».

В XVII веке в Верхотурье было две слободы, населенные выходцами из Польши и Литвы, так называемые «панские» слободы.

По «литовским спискам» вглубь России высылали также население с отвоеванных у Польши земель. Так, фамилия Литовские одна из старейших и достаточно распространенных в Верхотурском

районе. Близ поселка Восточный до сих пор существует деревня Литовская.

Часть II. Ссылные поляки в Верхотурье в XVIII-XIX веках

Бурный XVIII век с тремя разделами Польши, восстанием под руководством Тадеуша Костюшко – всё это пополнило ряды польских ссыльных в Верхотурье и в Сибири.

Упоминание о Верхотурье оставил побывавший в Сибири Людвик Сеницкий. Ссылный участник Барской конфедерации² Константу Любич Хоецки называл Верхотурье «окном в Европу».

Но наибольшие следы оставил XIX век. Польские восстания 1830-1831, 1863-1864 годов наводнили Сибирь и Урал ссыльными поляками.

Наиболее обширные мемуары о пребывании в Верхотурье поляков относятся именно к XIX веку. Только польский предприниматель, ссылный Леон-Станислав-Юлиан Крупецкий оставил множество писем с описанием Верхотурья. Родившись 15 апреля 1822 года в небогатой семье, к 60-м годам XIX века Крупецкий стал владельцем крупного состояния и сети магазинов колониальных товаров в Варшаве. В 1861 году в доме, который ему принадлежал, было совершено покушение на наместника Царства Польского³.

Покушение не удалось, однако Леон Крупецкий, как подозреваемый, был заключен в крепость. Следствие не установило его вины, но как лицо, «могущее благодаря обширным связям дурно влиять на устроение масс», он был выслан в Верхотурье под надзор полиции. В Верхотурье Л.Крупецкий находился с декабря 1863 по январь 1865 года. Сохранилось шестнадцать писем к родным и друзьям, которые Леон Крупецкий отправил из Верхотурья.

Преодолев путь, ведущий через Псков, Новгород, Москву, Екатеринбург, Крупецкий достигает цели - места ссылки Верхотурья и видит «убогий городок с 4 тысячами жителей» В Верхотурье он встречается с земляками — ссыльными поляками, которых к тому времени в городе было около 50 человек. Крупецкий спокойно воспринимает случившееся с ним несчастье и пытается адаптироваться на новом месте. Выписывает из Европы газеты и журналы и отмечает хорошую работу местной почты (письмо идет шесть недель). Пребывание в ссылке в первое время использует как

время отдыха: много читает, занимается духовными упражнениями. Однако очень скоро жалуется знакомому книготорговцу, что больше всего ему здесь мешает «отсутствие цивилизации». По примеру других ссыльных Крупецкий нанимает отдельный дом и начинает заниматься хозяйством. В ссылке он пытается продолжить свою предпринимательскую деятельность. Попытка устроиться работать при золотых приисках из-за его положения ссыльного оборачивается неудачей.

Самое обширное описание Верхотурья Крупецкий приводит в своем письме к отцу от 23 декабря 1864 г.:

«Хочу вам поведать о Верхотурье, которое лежит между непроходимыми лесами, летом полными трясин и болот, без дорог, а зимой недоступных из-за снегов и морозов. Земли эти до сих пор не слишком изучены. По распоряжению правительства специальные отряды вырубают в лесах просеки в различных направлениях для изучения местности. До сих пор удалось вымерить 11 миллионов десятин леса, а сколько его всего – не известно. В тех лесах при множестве растущих деревьев нет дубов, грабов, кленов, ясеней и вязов. Фруктовые деревья в этой местности не растут.

В Верхотурском уезде действует около 60 золотых приисков, еще 200 ждут разработки. Из-за этих приисков, считавшихся самыми богатыми Пермской губернии, здесь же совершается большое число криминальных преступлений, до 13% от числа, совершаемых по всей Российской империи».

О жителях Верхотурья Крупецкий отзывался критически: «В тех сторонах людиска живут со дня на день, не заметил я в них тяги к науке и работе, которая могла бы улучшить их быт. Долгая холодная зима приучила их к безделью, однако эту заразу зачастую они переносят и на лето, так что круглый год длится это сладостное бездействие. Каждый из местных жителей после обеда обычно спит, потом походит немного, выпьет чего-нибудь горячительного и снова в кровать. Перед обедом работы имеет побольше, ведь нужно думать о хлебе насущном». Подобные критические замечания относительно жизни местного населения в провинциальных городах высказывал не только Крупецкий, можно их встретить и в воспоминаниях других ссыльных поляков Р.Блонского, Э.Фелинской, З.Кердея. Привыкшие к энергичным действиям, оторванные от привычных занятий и

атмосферы, ссыльные иногда слишком критически относились к окружавшим их реалиям. В Польше, где капиталистические отношения начали развиваться гораздо раньше и быстрее, чем в России, жизнь российской провинции казалась дикостью. «Каждый житель города имеет несколько десятин земли и это является единственным их содержанием. Кроме церкви здесь стоит лишь несколько каменных домов. Если продать всю эту недвижимость, едва ли бы хватило на один дом Варшаве».

Однако Крупецкий отмечал, что положение крестьян и ремесленников в Верхотурье было не хуже, чем в Польше. «Крестьянам и ремесленникам за работу платят так же, как в Варшаве. Крестьяне живут зажиточно. Другим профессиям приходится трудно, так как кроме казенных владений других нет. Земля здесь второго и третьего класса, но пшеницы озимой не сеют, а яровой сеют немного, так как не успевает созреть». Удивляли Крупецкого способы хранения и обработки собранного урожая, при которых половина урожая пропадала. Об иных особенностях сельского хозяйства Верхотурья писал следующее: «Конную упряжь, несмотря на морозы, всю зиму держат под открытым небом. Трудно поверить, что коровы выдерживают тридцатиградусные морозы и еще дают молоко. Однако так есть. Кони здесь маленькие, но крепкие. Овец почти не держат, а тех, которых здесь видел, в конце марта были острижены, несмотря на стоявшие морозы. Скот здесь почти не держат. Мяса почти не употребляют, а потому оно дешево стоит. Гусей и уток не выращивают вовсе, привозят из соседних уездов уже битых. Рыбу продают лишь зимой, так как привозят издалека».

Как и других поляков, Крупецкого, строгого в вопросах религии, удивлял факт, что жители Верхотурья к религиозным практикам относятся поверхностно. Увидеть местного жителя за работой в воскресенье было обыденным делом.

Несмотря на критические замечания, Крупецкий старается относиться к местным жителям непредвзято, ищет то в их жизненном опыте, что впоследствии мог бы использовать на родине. Особым уважением Крупецкого пользуется чистоплотность россиян, которую он наблюдал и в избах, а особенно личная гигиена, касающаяся устройства и содержания всеми жителями бань.

В воспоминаниях Крупецкого приводятся любопытные примеры «цивилизаторской», как иронично пишет автор, миссии поляков. Ссылные поляки внесли немало нового в развитие местного сельского хозяйства. Ввели в оборот неизвестные до того времени сельскохозяйственные орудия (особые конструкции цепов, кос, плугов и так далее), начали изготовление твердых сыров, занялись разведением огородных культур.

После года, проведенного в Верхотурье, Леону Крупецкому позволено было вернуться в Польшу. Там он занялся восстановлением пришедшего в упадок хозяйства и реализацией новых коммерческих предприятий. Впоследствии послужил прообразом главного героя романа Болеслава Пруса «Кукла» Вокульского. Скончался в 1875 году. Несмотря на планируемые еще в ссылке предприятия по доставке в Польшу товаров из Сибири, этих проектов не реализовал. Россия стала эпизодом в его жизни, к которому он не возвращался, и лишь 16 писем с описанием Верхотурья свидетельствует о его пребывании на уральской земле.

Судьба многих других ссылных поляков и литовцев до сих пор мало известна. Так, в 2017 году Институт всеобщей истории РАН и Институт истории Литвы запрашивали Верхотурский музей-заповедник о судьбе католического священника Клементия Кайро⁴. В 1863 году он был выслан из Виленской губернии в Верхотурье, где и умер в конце 1864 года, согласно записи в метрической книге римско-католической церкви города Перми (Верхотурский уезд в это время входил в состав Пермской губернии).

На основании циркуляра Департамента полиции от 28 мая 1863 г. Пермская губерния стала одной из 14 административных территорий, предназначенных для ссылки поляков, "обнаруживших противоправительственные стремления". Верхотурский уезд был одним из шести уездов губернии, ставший местом ссылки.

Количество сосланных в каждую губернию определялось правительством. В циркуляре от 28 мая 1863 г. количество ссылаемых в Пермскую губернию определялось в 131 человек, которых должны были распределять по уездам. Однако, уже в декабре 1864 г. пермский губернатор в письме к министру внутренних дел сообщает, что в губернии уже размещено 254 ссылных поляка...

Помимо ссыльных, отправляемых под надзор полиции, существовала еще одна категория ссыльных – лица, приговоренные для отправки в арестантские роты гражданского ведомства. По социальному составу это были, в основном, крестьяне и ремесленники, по составу преступления – члены повстанческих отрядов, попавшие в плен в результате поражения. Ссыльных этой категории в Пермской губернии насчитывалось 330 человек. Всего ссыльных поляков различных категорий в Пермской губернии в 60-е гг. XIX в. насчитывалось около 760 человек. Большая часть сосланных были рядовыми участниками восстания. Среди них были представители разных слоев польского общества: дворяне, мещане, чиновники, военные, врачи, священники... Ссыльные поляки значительно ограничивались властями в личных и политических свободах. Бытовые и экономические условия их жизни были менее регламентированы. Все должны были раз в неделю отмечаться в полиции, предоставлять для проверки свою корреспонденцию, не имели права носить знаков траура по поводу польских событий, конфедератки и металлические пряжки с гербом Польши и Литвы, владеть оружием, заниматься обучением детей и т.д. Условия пребывания ссыльных были различны. Про некоторых полицией сообщалось, что живут "...очень богато, привезли с собой множество прекрасных и драгоценных вещей, таких как ковры, серебро и даже золотые чайные ложки". Существовала категория среднеобеспеченных лиц, которые снимали квартиру, оплачивали услуги приходящих лиц (стирку и приготовление обеда), иногда устраивали скромные приемы.

Большая часть ссыльных была лишена прав состояния. Однако власти позволяли ссыльным свободно распоряжаться средствами, не подлежащими секвестру или конфискации, к тому же ссыльные могли получать посылки и деньги от родных.

Немало было и таких ссыльных, которые оставались почти без средств к существованию. Пособие для ссыльного ("кормовые деньги") было незначительным (6 копеек в день), и чтобы жить, да еще с семьей, приходилось искать основные источники дохода, особенно тем, кто не получал помощи из дома.

Ссыльные поляки с разрешения городского начальства нанимались на заводы в качестве административных работников или

в купеческие дома, в имения – "по письмоводству". Обширную практику имели врачи, немалым спросом пользовались фотографы. Некоторые ссыльные завоевали уважение среди предпринимателей и местной администрации.

За всеми ссыльными был установлен надзор: срочный или в подавляющем большинстве бессрочный, гласный или секретный.

Ссыльных постоянно перераспределяли по губернии, переводя из города в город. Так, 28 сентября 1867 г. кунгурский уездный исправник получил предписание: на основании распоряжения господина министра внутренних дел всех политических преступников, находящихся под надзором полиции в Кунгуре и не имеющих разрешение вернуться в Царство Польское, немедленно выслать в Чердынь и Верхотурье. Так, в Верхотурье были направлены Бронислав Соболевский, Карл Отрошкевич... Сообщается, что Соболевский задержался из-за болезни жены.

Несмотря на амнистии и окончание срока пребывания в ссылке, не все поляки стремились уехать на родину. В восточных регионах России, в отличие от западных областей, всегда недоставало добросовестных и образованных работников. Не найдя подходящей работы в Польше, некоторые бывшие ссыльные возвращались ради успешной карьеры и заработка.

Так, пермский архитектор А.Б.Турчевич, поляк по происхождению и католик, руководил постройкой православных соборов, в том числе крупнейшего Крестовоздвиженского собора в Верхотурском Николаевском монастыре.

Большинство поляков, попадая в ссылку, прекращали революционную деятельность. Все попытки обвинить их в каких-то протестных действиях, при расследовании оказывались лишь домыслами местной полиции, опасавшейся "крамольных" настроений среди ссыльных.

После 1870 г. массовый приток поляков в Пермскую губернию прекратился. Польская ссылка в Пермской губернии участников восстания 1863-1864 гг. заканчивается в начале 1890-х гг. Циркуляры Департамента полиции и пермского губернатора и рапорты уездных исправников (в том числе и верхотурского) в 1894-1895 гг. отмечают, что лиц, "отбывающих наказания за участие в польских восстаниях 1863 г.", в губернии нет. Однако и в последующие годы в Пермской

губернии находились сосланные поляки. В пермских архивах, в частности, сохранились документы о высланных в Пермь участниках политических демонстраций 1894 г. в Варшаве.

Часть III. Поляки в Верхотурье в первой половине XX века

В августе 1914 г. 38 государств закрыли гигантскую мясорубку, в которую оказались вовлечены 1,5 миллиарда человек. Лихорадка Первой мировой войны докатилась и до Урала. В 1915 г. первые эшелоны с военнопленными стали пребывать в Верхотурский уезд. Среди них были и поляки, служившие в австро-венгерских частях.

Распределением военнопленных ведала межведомственная комиссия при штабе округа в Казани. По "Наказу о содержании военнопленных..." предписывалось "строго следить, чтобы военнопленные не появлялись вне места работы и водворения или после 8 часов вечера в штатском платье и без охраны...". Однако в практике российского плена четко прослеживались этнополитические мотивы: условия содержания пленных славян отличались от условий содержания собственно австрийцев, немцев, венгров. Различные послабления должны были "воспитывать в желательном для России духе". Пленные поляки, чехи, словаки содержались отдельно от остальных. В самом Верхотурье находились пленные австрийцы, немцы, венгры (115 офицеров и 1270 рядовых). Военнопленных использовали на вспомогательных работах: лесоперевозке, разгрузочно-погрузочных работах, строительстве, сельском хозяйстве.

Поляков и чехов можно было встретить на севере Верхотурского уезда в населенных пунктах Богословского горного округа: в Надеждинске, Турьинских рудниках, Богословске...

Февральская революция 1917 г. в России и свержение самодержавия отразились на судьбе военнопленных. С одной стороны, они получили больше прав, с другой – резко ухудшилось питание, увеличилось количество побегов.

После октябрьских событий в Петрограде все чаще стал подниматься вопрос об эвакуации военнопленных на родину (шли переговоры с Германией и её союзниками о сепаратном мире).

С мая 1918 г. при содействии Шведского Красного Креста началась отправка военнопленных из России. Большинство уехало, а тех, кто остался, закрутил вихрь начавшейся Гражданской войны.

На фотографии Верхотурского Николаевского монастыря, сделанной предположительно во второй половине 1917 г. или начале 1918 г. Войцех Кшысчак, 1884 года рождения. Населенный пункт, где он проживал – Слопнице Шляхецке, Лимановский повят, был в то время территорией Австро-Венгрии. Мирослав был призван в 1914 г. Служил капралом в 10-й роте 20-го пехотного полка. До родины он так и не добрался, последняя весточка от него была в 1918 г. с Кубани.

Советское правительство признало независимость Польши, однако в 1920 г. политическая ситуация в Польше и на Украине привела к советско-польской войне. Пленные поляки вновь оказались в Верхотурье.

Верхотурский лагерь начал свою работу с декабря 1920 года. Согласно акту от 5 марта 1921 года, лагерь располагался в гостинице Николаевского монастыря. Но по постановлению исполкома данное помещение предполагалось для райкоммуны, а лагерь переводился в казармы, «под лагерь военнопленных не подходящие в смысле санитарного состояния и совершенно непригодные для жилья». В декабре в Верхотурье начинают перевозить польских военнопленных небольшими группами по 40-80 человек. Первая партия была отправлена в конце ноября и включала в себя 77 человек. Следующая партия состояла из 26 военнопленных, она прибыла в Верхотурье, согласно рапорту коменданта Верхотурского лагеря, 25 декабря 1921 года. Третья партия включала 58 человек и прибыла в Верхотурье 8 декабря. 11 декабря из Екатеринбургского губернского концентрационного лагеря №1 была отправлена еще одна партия, по спискам в нее входило 87 человек, но напротив 11 фамилий есть запись «не числить», и итоговая цифра составила 76 человек. 3 января 1921 года в Верхотурье прибыла еще одна партия из 61 человек, из них – 1 умер, 2 скрылись в дороге. После этого была еще партия из Екатеринбурга в количестве 81 человека. Последняя группа из Екатеринбургского лагеря выехала 2 февраля 1921 года. Кроме этого, была партия из Нижнетагильского концентрационного лагеря №2 в составе 25 человек от 22 февраля 1921 года. Таким образом, к началу

марта, когда был составлен акт Комиссией по обследованию лагеря, в нем находилось 384 военнопленных-поляка. Общее количество поляков, отправленных в течение декабря-февраля в Верхотурье, по спискам, с учетом бежавших и умершего, составило 401 человек.

Труд был главной основополагающей советской пенитенциарной системы, но из-за отсутствия обмундирования польских военнопленных было невозможно использовать на производстве. Это отмечал еще заведующий подотделом принудительных работ А.М.Зверев в докладной записке от 4 ноября 1920 года. Среди польских заключенных были разные специалисты, которых можно было привлекать на работы, кроме того, некоторые хотели поступить в ряды Красной Армии. Проблему снабжения заключенных одеждой администрация старалась решать. В докладе А.М.Зверев объясняет, что подотдел принудительных работ делал запросы в Екатеринбургский Губэвак и в Главное управление принудительных работ, но ответа не получил. Губэвак 12 октября 1920 года только «ответил, что никаких мероприятий по снабжению лагеря не делалось, согласно телеграмме Центрэвака от 16 августа сего года о прекращении снабжения лагерей всеми видами продовольствия, и что никаких распоряжений о снабжении их, кроме указанной телеграммы, не поступало». Однако, в докладе заведующего подотделом принудительных работ от 1 августа 1921 года указано, что по сметам на вещевое довольствие было получено из Окружного вещевого склада Уральского военного округа за 1920 год: шапок, гимнастеров, шаровар, кальсон, нательных рубах по 300, полушубков 357, валенок 354, лаптей 738, матрасов 200, портянок 600, полотенец 200.

Судьбу Верхотурского концентрационного лагеря №3 для военнопленных можно описать в нескольких предложениях: «На 1 октября 1920 года в лагере №1 содержались военнопленные поляки в количестве 542 человек, часть их, то есть те, которые были обмундированы, работали на лесозаготовках при Монетном лесничестве, близ города Екатеринбурга. 11 декабря 1920 года была отправлена первая партия военнопленных в город Верхотурье, где для них был открыт специальный лагерь, а впоследствии все военнопленные были сконцентрированы в этом лагере. 15 июня 1921 года все военнопленные поляки были отправлены на родину и лагерь окончательно ликвидирован».

Таким образом, можно сказать, что Верхотурский концентрационный лагерь №3, созданный для военнопленных поляков, был временным явлением, и после заключения Рижского мира все польские подданные покинули пределы России. В судебной практике молодого Советского государства это был фактически первый опыт содержания иностранных военнопленных под стражей. Поэтому польские подданные были приравнены в своих правах к осужденным и содержались согласно общепринятым принципам пенитенциарной системы в России.

Годы политических репрессий в СССР прошли по всей многонациональной стране железным катком. Были среди них и поляки. Не имели значения ни возраст, ни место работ. Вот список сотрудников Верхотурской детской трудовой колонии – жертв политических репрессий. Например – Зеленский Михаил Михайлович, 1907 г.р., поляк. Место рождения: Украинская ССР, Одесская область, Комидьяровский район, с. Ламзаки. Проживал в Свердловской области в г.Верхотурье. Работал в трудколони НКВД чернорабочим. Арестован 7 октября 1937 года, осужден 10 ноября 1937 года. Мера наказания – 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь).

В ходе так называемого «освободительного похода Красной армии», когда в 1939 году были присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия, в плен попало много польских военных. От нескольких пожилых верхотурцев я слышал рассказы о детях польских офицеров, которым меняли имена в детских домах Верхотурского района. Однако, документальных подтверждений этому пока нет.

Примечания:

¹В 1569 году в результате Люблинской унии образовано единое польско-литовское государство Речь Посполитая.

²В феврале 1768 года по требованию России в Варшаве был подписан договор, согласно которому так называемые «диссиденты» (белорусы и украинцы) уравнивались в правах с католиками. При этом католическая религия признавалась господствующей в Польше. Россия, со своей стороны, гарантировала Польше незаблемость её государственного строя и шляхетских привилегий. Однако, патриотически настроенные круги польского общества создали в городе Бар конфедерацию, целью которой

стала отмена равноправия «диссидентов». Начались вооружённые столкновения конфедератов с русскими войсками, дислоцированными в Польше.

³В статье Т.П. Мосуновой говорится о покушении на наместника Берга. Однако, в 1861 году наместником был князь М.Д. Горчаков, исполняющими обязанности: Сухозанет Н.О., Ламберт К.К., Лидерс А.Н. Граф Берг Ф.Ф. наместником Царства Польского стал в июле 1863 года. В сентябре 1863 года на него действительно было совершено неудачное покушение. Поэтому, ошибка либо с датой ареста, либо с именем наместника.

⁴Среди ссыльных часто встречаются имена католических священников. Так, в документах по Пермской губернии среди ссыльных упоминаются «неблагонадёжный духовный ксендз Корнелий Важинский», «высланный... под надзор полиции ксендз Кулявский», ксендз Зелинский... В 1857 году на жительство из сибирской ссылки препровождён ксендз Пётр Сцегенный, инициатор строительства католического костёла в Перми и создания кассы взаимопомощи для ссыльных поляков.

Литература:

1. Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. – Екатеринбург: «РГ – Урал», 2012.
2. Мосунова Т.П. Верхотурье глазами поляка (Быт русского населения XIX века по воспоминаниям Леона Крупецкого). – «Веси» №4, 2005 г., с.27-29.
3. Новиченков Н.Н. «...На Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую...»/История пенитенциарных учреждений города Верхотурье (1598-2010) – Екатеринбург: ИПЦ УрФУ, 2012.
4. Новиченков Н.Н. «От Царя и великого князя всея Руси... в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим...» /Верхотурские воеводы XVII/ - Екатеринбург: ИПЦ УрФУ, 2013.
5. Очерки истории и культуры Верхотурья и Верхотурского края: к 400-летию Верхотурья. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998.
6. Пащина М.В. Верхотурский концентрационный лагерь №3. Бакунинские чтения: Материалы IV Всероссийской научной конференции, в 2-х тт. – Екатеринбург. АМБ, 2004.
7. Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. - Пермь, 2009г.

Подгорнова Элла Анатольевна

Николай II через призму

уральских дореволюционных газет

Через старые газеты можно проследить всю жизнь страны или отдельного края. Сохранившиеся в СОУНБ им. В.Г.Белинского дореволюционные газеты, выпускавшиеся на Урале, отражают события как в бывшей Пермской губернии, так и в России в целом.

В работе с дореволюционными газетами возникли некоторые трудности. Во-первых, не все они оказались доступными из-за ветхости. Во-вторых, многие газеты оцифрованы и выдаются только в электронном виде. Для фиксирования информации приходилось фотографировать экран монитора. В-третьих, газеты формата А2, как оказалось, неудобно просматривать.

Тема семьи Романовых представлена в газетах довольно широко. Это и указы, назначения, выговоры, телеграммы Николая II, и основные события Царского двора, и богослужения, в которых участвовали члены императорской семьи, и встречи Государя с иностранными послами, и многое другое. Особенно ярко и объемно отражено отречение Николая II и Великого Князя Михаила Александровича от престола и последующие за этим события, а также размышления о личностях императорской семьи и их окружения. Что интересно, до 2 марта 1917 года о Николае II и членах его семьи в газетах представлены, в основном, сухие факты, а после отречения – смелые и чаще негативные рассуждения об императоре и его окружении.

Для ознакомления с темой были рассмотрены следующие газеты: «Уральский край», «Екатеринбургская газета», «Уральская жизнь», «Зауральский край», «Екатеринбургская неделя». Я попыталась кратко охарактеризовать все газеты таким образом:

«Зауральский край» - политическая.

«Уральский край» - политики мало, много местных сплетен.

«Екатеринбургская газета» - много общественной информации.

«Екатеринбургская неделя» - единственная газета формата А4, выпускавшаяся один раз в неделю (а не ежедневно) и представляющая собой общественно-литературный журнал, хотя сама себя позиционирующая как политическая. К сожалению, в Библиотеке Белинского эта газета представлена только за конец XIX века.

«Уральская жизнь» - политическая газета, очень смелая и либеральная.

Нельзя сказать, что жизнь семьи последнего Императора раскрыта в уральских газетах полностью, но, в целом, эта тема представлена довольно широко. Во всех газетах тема Николая II и его семьи рассматривалась по-разному. Например, «Уральский край» довольствовался официальными сведениями, а в газете «Уральская жизнь» о семье Романовых представлены вполне либеральные рассуждения.

Пресса начала XX века мало похожа на современную. Во-первых, нет иллюстраций (фотографий), они стали появляться только в 1916-17 гг. Точнее, неплохо иллюстрированы рекламные объявления, а публикации визуально не оформлены. В то время было важно слово, оно читалось и воспринималось. Сейчас на первый план выходит визуальное восприятие, многим текст без картинки кажется слепым, нечитаемым.

Первая иллюстрация, которую я увидела в газете «Уральская жизнь» - это фотография цесаревича Алексея, напечатанная 25 января 1917 года (№20). А дальше почти в каждом номере была хотя бы одна иллюстрация. И, конечно же, для прессы это был прорыв.

Во-вторых, вся новостная полоса представлена в виде телеграмм. Сначала из Санкт-Петербурга с сообщениями об императоре, а также его Указы, затем из разных городов необъятной России, а в конце – из-за рубежа.

Например: *«Слухи о забастовке не прекращаются. На всех железных дорогах уже приняты меры к предупреждению могущей возникнуть забастовки. В Москве на вокзалах сосредоточены войска. В Петербурге на всех станциях железных дорог петербургского узла также сосредоточена усиленная охрана».*

Телеграммы практически во всех газетах одинаковы. По-видимому, они централизованно отправлялись из Санкт-Петербурга во все концы России.

Одна страница полностью посвящена Уралу, в частности Пермской губернии: события, происшествия, новости. Нашла в уральских газетах информацию и о наших ближайших соседях – Верх-Нейвинском, Невьянске, Нейво-Рудянке.

Пресса столетней давности, как и современная, очень много писала о негативных происшествиях: убийствах, ссорах, склоках и пр. Почти каждый населенный пункт современной Свердловской области попал на страницы газет с подобной информацией.

В дореволюционных газетах довольно большую часть занимает реклама, она напечатала на двух страницах целиком – первой и последней. Газета формата А2 просто пестрит рекламой!

Последний Российский Император на страницах уральских газет представлен довольно скудно. Я разделила все статьи на несколько видов.

1. Указы Николая II (о назначении кого-либо на пост, о снятии с поста и т.д.).

2. Хроники событий (встречи с высокопоставленными лицами России и зарубежных стран, поездки и т.д.).

3. Благодарности кому-либо.

4. Награды.

5. Выделение денежных средств и пр.

На страницах уральских газет можно увидеть довольно много телеграмм, информирующих о богослужениях, в которых приняли участие члены царской семьи:

«6 января в Феодоровском Государевом соборе в Царском селе совершено богоявленское богослужение с водосвятием. Богослужение совершил митрополит Питирим с сослужением с духовником Их Величества протоиреем Васильевым и другим духовенством. Присутствовали: Государь Император, Государыня Императрица Елизавета Федоровна с Наследником Цесаревичем и Августейшими дочерьми» (Зауральский край. – 1917. – 7 янв. (№ 6). – С.2).

«Петроград. 18 февраля. Их Императорские Величества Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна с Их Императорским Величеством Наследником Цесаревичем и Августейшими Дочерьми, отговев на первой неделе поста, 17 февраля исповедались и 18 февраля приобщались Святых Христовых Тайн» (Уральская жизнь. – 1918. – 21 фев. (№ 40). – С.2).

«2 января. Государь Император Высочайше повелел выдать из кабинета Его Величества двадцать пять тысяч рублей в распоряжение московского генерал-губернатора для выдачи пособий семьям офицерских, классных и нижних чинов войск и полиции,

пострадавших при подавлении беспорядков в Москве» (Уральская жизнь. – 1906. - № 4. – С.2).

«Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна назначается шефом Второго Кубанского пластунского батальона, коему именоваться впредь вторым Кубанским пластунским Ея Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны батальон» (Зауральский край. – 1917. – 10 янв. (№ 7). – С.2)

«Сегодня Государю и Государыне Александре Федоровне в Александрии представлялись 32 ампутированных нижних чина, призываемых в Мариинском приюте увеченных и ампутированных. Государь собственноручно неимевшим нижним чинам роздал знаки отличия военного ордена» (Уральский край. – 1906. – 13 июня. – С.1).

«Товарища министра внутренних дел, почетного мирового судью Шацкого уезда Тамбовской губернии, Двора Нашего в должности егер-мейстера, действительного статского советника, князя Волконского всемилостивейше увольняем согласно прошению, от первой из указанных должностей с оставлением в должности егер-мейстера. Николай» (Уральская жизнь. – 1917. – 6 янв. (№ 5). – С.2).

Конечно, интереснее всего было изучить вопрос, каким образом в уральских газетах были отражены отречение Николая II от престола.

Для этого были рассмотрены газеты за 1917 год, начиная с марта. К сожалению, из перечисленных газет в Библиотеке Белинского сохранены были не все.

Новость о вступлении на престол Государя Императора Михаила Александровича была выдана как объявление Пермского губернатора. В самой заметке говорится: *«Государь Император изволил подписать акт отречения от Престола с передачей такового Великому Князю Михаилу Александровичу. Его Величество выезжает сегодня примерно в 2 часа на несколько дней в ставку через Двинск».* (Зауральский край. – 1917. – 3 мар. (№ 8. – С.1).

Буквально на следующий день в этой же газете печатают известную телеграмму Председателя Государственной думы Михаила Владимировича Родзянко: *«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска*

стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить пользующемуся доверием составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца» (Зауральский край. – 1917. – 4 мар. (№ 50). – С.2).

И тут же, в соседней колонке – сообщение о том, что власть окончательно перешла в руки Временного правительства и об аресте старого правительства.

И уже 5 марта «Зауральский край» пишет обращение: *«Граждане! Старая власть, приведшая нашу Родину на край гибели, более не существует. Все управление страной перешло в надежные и верные руки народных избранников – членов Государственной Думы». Далее идет восхваление нового правительства и призыв оставаться на своих местах и с удвоенной силой исполнять свое дело. «Помните, граждане, без хлеба и снарядов нельзя спасти Родину».*

Но можно заметить, что газета «Зауральский край» просто печатает информационные телеграммы, без эмоций, не высказывая своего мнения и не вступая в дискуссии, так сказать, осторожничают.

Газета «Уральская жизнь» не отстает и печатает развернутую статью «Политический переворот». Довольно грубо и хлестко звучат слова: *«Безответственное бюрократическое правительство отстранено от власти. Возврат к прошлому, видимо, уже невозможен... Ничтожная, в сущности, кучка авантюристов, сменявших друг друга на высших ступенях государственного управления не хотела сойти со сцены добровольно»* (Уральская жизнь. – 1917. – 4 мар. (№ 50). – С.2).

Представлены в этом же номере и новости из разных городов о том, как восторженно восприняли Временное правительство: *«Газеты с новостью берутся нарасхват».* И утверждается, что во всех городах полное спокойствие и безопасность.

А дальше газета «Уральская жизнь» буквально накидывается на старый режим, на Николая II, его семью. На страницах газеты начинают появляться уже не краткие информационные телеграммы, а развернутые статьи, появляется некий автор Антоновъ. Его статья «Монархия или республика» призывает отправить всех членов царской семьи за границу: *«Возврат к монархии в лице кого бы то ни*

было из рода Романовых. Или другого не мыслим» (Уральская жизнь. – 1917. – 12 мар. (№56). – С.2.

На этой же странице появляется еще одна циничная статья под названием «Перед падением династии Романовых». Названия глав говорят сами за себя: «Расправа с Дмитрием Павловичем», «Ненависть к царице», «Убийство Распутина».

В №57 от 14 марта «Уральская жизнь» пишет: *«Над Зимним дворцом вот уже третий день вместо императорского штандарта развевается красное знамя»*.

Причем, часто «Уральская жизнь» публикует романовскую тему на первой странице, по-видимому, даже вместо прибыльной рекламы. И тут приходит на ум интересный вывод, что газета, явно не упускающая прибыль, получала ее из другого источника за данные публикации.

Дальше в каждом номере появлялись одна за другой обличающие царскую семью статьи: и про влияние Александры Федоровны на мужа, и про драгоценности Александры Федоровны, и даже обличительная публикация «Н.М.Романов о Николае II», где Великий Князь обвиняет императора в малодушии и бездействии; он отметил привычку Николая Александровича отмалчиваться («ничего не отвечать» на самые категорические заявления и «завершать аудиенцию обезоруживающей любезностью»).

Рассказывает «Уральская жизнь» и том, как царская семья пребывает в заключении с малейшими, я бы сказала, лишними подробностями, больше похожими на сплетни.

Появляются на страницах газеты и подробности о Григории Распутине, естественно, как антигерое. Только по заголовкам можно понять настрой авторов: «Николай II и его семья», «Романовы и Протопопов» «Царские холопы», «Имущество царской фамилии» и др.

Таким образом, из всех газет начала XX века, хранящихся в Библиотеке Белинского, газета «Уральская жизнь» очень быстро переключилась на новое положение в стране. И если все остальные газеты предпочитали отмалчиваться, а события 1917-1918 гг. преподносить сухими фактами, «Уральская жизнь» довольно-таки быстро и смело перестраивается. В остальных газетах, кроме

информации об отречении Николая II от престола, никаких обличительных статей не наблюдается.

В будущем хотелось бы изучить, как в уральских газетах был представлен расстрел Николая II и его семьи.

Пудовкин Сергей Игоревич

**Экономические усилия Советского и
Омского колчаковского правительств
по увеличению выпуска военной и мирной продукции
на заводах Среднего Урала в 1918-1920 годах**

В связи с заключением Брестского мирного договора 3 марта 1918 года между Россией и Германией, перед Советским правительством со всей остротой встал вопрос о конверсии военного производства и переводе его на мирные рельсы. Наиболее острым был вопрос с железнодорожным транспортом. Традиционно считается, что одна из причин Февральской революции – перебои в снабжении ввиду отсутствия нужного количества паровозов и вагонов. Тезис достаточно сомнительный, поскольку к февралю 1917 года количество железнодорожного транспорта в Российской империи возросло в связи с эвакуацией транспорта с оккупированных Германией территорий, получением локомотивов из Америки, Бельгии и выпуском их отечественными заводами. В 1913 году в Российской империи имелось более 500 000 вагонов, ещё 100 000 было выпущено или получено из-за рубежа в 1914-1918 годах. Другое дело, что большое количество (20% при норме 16%) как локомотивов, так и вагонов нуждалось в серьёзном ремонте [1].

Поэтому вновь созданный Народный комиссариат путей сообщения Советской России озаботился выявлением механических заводов способных срочно начать ремонт подвижного состава. Заместитель наркома в Екатеринбурге Гребнев 28 апреля 1918 года отправил по всем заводам Урала телеграмму следующего содержания: «Нижний Тагил-ВМЗ, Невьянск, Лысьва, по округу заводским контрольным комитетам, Деловым Советам, заводоуправлениям. Для личного доклада наркому путей сообщения сообщите срочно сведения о ваших заводах. Приспособленность заводов для ремонта паровозов и вагонов. Количество их одновременного ремонта. Какое количество можете взять на ремонт? Производство запасных частей и их объём. Ваши затруднения?» [2].

НКПС была предоставлена обширная программа работ прессовых фабрик Верхнетуринского завода. Прессовая фабрика №1 на ковочном прессе должна была закончить:

- ковку заказов для своего завода.
- ковку заготовок ж/д тарелок, чтобы обеспечить работой штамповочный пресс.
- ковку заготовки для паровозов «Декопод», стаканы из мягкой стали.
- произвести опытковки заготовок для нормальных ж/д стаканов.

Прессовая фабрика №2 продолжала:

- на прессе №2 ковку заготовок для буферных тарелок, штамповку стаканов для паровозов «Декопод» и опыт штамповки нормальных буферных стаканов.
- на прессе №5 произвести опыты оправок заготовок буферных стержней.
- на прессе №3 штамповку буферных тарелок.
- на прессе №4 оправку стаканов для паровозов «Декапод»». [3]

В ответе члена правления заводов Адарюкова сообщалось, что ремонтом паровозов уже заняты Баранчинский и Верхнетуринский заводы. Баранчинский завод сдал один паровоз после ремонта. На обоих заводах идёт приспособление помещений для одновременного ремонта двух паровозов на Баранчинском и четырёх на Верхнетуринском заводах. Кроме того, предполагается приспособить Верхнетуринское здание артиллерийского приёма одновременно для ремонта 14-ти паровозов. К ремонту вагонов также приступил Баранчинский завод. Отмечалось, что становить определённый план

производительности по ремонту паровозов и вагонов ввиду новизны дела пока затруднительно. Из запасных частей подготовлены: буферные тарелки, стаканы, вагонные оси, тормозные колодки, упряжные крюки, буксы, комплектную упряжь. Более подробный список будет выслан на пасхальной неделе [4].

Решением НКПС на ремонт локомотивов и вагонов переводились Нижнетагильский механический, Высокогорский, Кушвинский, Верхнетуринский, Баранчинский, Невьянский заводы. Но в полном объёме реализовать ремонтную программу сумели только в 1920 году, когда Урал был освобождён от войск Колчака. По программе вышеперечисленные заводы восстановили 30 паровозов и 1650 вагонов. В 1921 году ВМЗ начал изготавливать вагоны для Висимской и Алапаевской узкоколейных железных дорог, продолжил выпуск листовых вагонных рессор, буферных брусков, буферных пружин, деталей вагонов и тендеров. И только с началом 1930-х годов, когда окрепли специализированные заводы, они вновь перешли к выпуску боеприпасной продукции [5].

В ходе исполнения заказов выяснились некоторые технические неувязки, которые впоследствии могли привести к срыву программ по ремонту ж/д транспорта. Так, инженер-консультант Верхнетуринского завода В.А.Петров сообщал заведующему техническим бюро П.В.Самойлову следующее: «Прошу вас при содействии хозяйственного отдела выяснить, заказаны ли какие либо насосы для прессовых фабрик. В утвердительном случае сообщить, когда, какие именно и в каком количестве. И положение дел с этими заказами. Опасаюсь, что при полной работе наших ковочных и штамповочных прессов скажется недостаток в насосах». Стол заказов завода 5 апреля 1918 года отвечал: «Просим сообщить, сколько насосов и какой мощности не хватает для полного действия всех установленных прессов и что заказано в счёт этого. Прошу господина заведующего прессовыми фабриками сообщить в техбюро конкретные и полные сведения потребные для рассылки опросов на поставку нужных насосов, а так же указание фирмы, в которые следует обратиться». Ответ от В.А.Петрова пришёл незамедлительно: «Желательно иметь гидравлические насосы горизонтальные двойного действия, дающие в минуту 300 литров воды. Максимальное рабочее давление 250 атмосфер. Самая подходящая система насосов фирмы

«Нилсен и Винтер». Моторы обязательно трёхфазного тока. В данный момент чрезвычайно трудно указать какую либо фирму, которая могла доставить бы насосы. Можно было бы поставить английские насосы фирмы «Мартин», но таковые так же трудно достать» [6]. Так что начавшаяся конверсия производства, сразу выявила ряд «узких мест» в техническом оснащении завода.

С началом Гражданской войны на первый план вновь выходит возобновление производства боеприпасов, о чём у нас пойдёт речь ниже, но, тем не менее, проблемы восстановления производства запасных частей и ремонта паровозов и вагонов остаются на первом плане. 18 ноября 1918 года Областной совет Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов из Перми посылает циркуляр правлению Делового совета Гороблагодатского округа: «Впредь до освобождения Нижнетагильского и Богословского округов областное правление предлагает Деловому совету:

- 1.Принять меры для срочной доставки древесного угля как гужем, так и по железным дорогам в Верхнетуриинский завод с тем, что если это возможно, то немедленно, или же по созданию на складе в заводе необходимого запаса угля, пустить в действие стоящую на парах домну.

- 2.Снести с отделом лесов и предложить последнему позаботится срочным возобновлением подвоза древесного угля и дров в Кушвинский завод, т.к. необходимо скорейшее возобновление деятельности его металлургических цехов, для чего Деловой совет должен озаботится ремонтом мартеновских печей и скорейшем окончанием заканчивающейся постройки домны №3.

- 3.Все остальные производства заводов округа: в Баранчинском заводе работу доменного цеха не возобновлять, работу вспомогательных цехов – ремонтного, литейного, по производству огнеупорного кирпича и т.д. ограничить до минимума необходимых для текущих работ и выполнения указанного выше плана возобновления деятельности округа.

- 4.В частности же, Верхнетуриинскому заводу пока не возобновлять работу прессового и механических цехов по исполнению заказов комиссара путей и сообщения.

- 5.В отношении освобождающихся за возобновление работы заводов округа в указанном масштабе квалифицированных рабочих, выяснить

их количество и совместно с профсоюзом подготовить план перевода их на Надеждинский завод.

6.Принять меры при содействии Областного правительства для скорейшей доставки в Кушву динасового кирпича, отправленного из Чермоза на станцию Салеварни.

7.Независимо от намеченного пуска мартеновского цеха, выплавку чугуна из Кушвы продолжить, имея ввиду возобновление выплавки в Верхнетурунском заводе.

Заказы военных властей, и их требования о производстве всех ремонтов, должны исполняться в первую очередь. О сделанном и стоимости работ сообщать Областному правлению. О времени пуска в действие домны Верхнетурунского завода, принимая во внимание наличность запасов горючего и возможности его доставки в настоящих условиях, и о сроках возобновления металлургических цехов Кушвинского завода просим уведомить техническую коллегия Уралсовнархоза. К исполнению Гуревичу М.Е., Галкину В.В., Ежову А.Н.» [7].

Непонятно, чем руководствовалось руководство Совнархоза в своих экономических расчётах по возобновлению работ на Баранчинском, Кушвинском, Верхнетурунском и Надеждинском заводах в середине ноября 1918 года, когда последний крупный оплот большевиков – Кушвинский завод был захвачен 3 декабря 1918 года частями белой Народной армии.

Но не надо думать, что перед Омским колчаковским правительством стояли какие-то другие задачи. «Белым» чиновникам пришлось заниматься теми же экономическими проблемами, что и чиновникам «красным». Вот телеграмма за №27 от 3 января 1919 года. «Управляющим горными округами: Кушва, Златоуст, Лысьва, Богословск, Нижний Тагил, Алапаевск, Невьянск, Екатеринбург, Сысерть, Серги, Уфалей, Ревда, Кыштым, Усть-Катав, Катав-Ивановск, Сим, Белорецк. Директорам, управляющим заводами: Мотовилиха – Пермскому пушечному заводу, Чусовая – Камскому акционерному обществу, Юго-Канскому и Билимбаевским заводам, Сабик-Уткинскому заводу, Добрянскому заводу, Хромпик, Шайтанским заводам, Южно-Уральскому обществу заводов. Главному начальнику края, Омск. Согласно телеграмме МПС от 29.12.1918 за №34, 20 января 1919 года (нового стиля) в

Екатеринбурге в «Учётметалле» назначается съезд представителей всех железных дорог, при участии представителей заводов Урала для выяснения, что может быть теперь приобретено для нужд ж/д дорог из наличных запасов заводов. Будут рассмотрены заказы в потребности ж/д дорог на металлы и изделия на 1919 год. Просьба непременно командировать своих представителей, снабдив их данными о наличии на заводах материалов и изделий. Также снабдить их данными, могущими быть принятыми заказами на весь 1919 год. Подробности извещения отправлены почтой от начальника края. Благоволите не отказать в подтверждении необходимости командировать заводами своих представителей». Одним из первых откликнулось на данную просьбу руководство недавно освобождённого от большевиков Верхнетурунского завода. «Для нужд ж/д дорог наличных запасов в Верхнетурунском заводе после эвакуации его большевиками почти никаких не осталось. Из материалов и изделий остались однако неуезженными: а)Сталь паковочная по заказам железных дорог разных размеров и видов: для «Путиметалл» 2870 пудов и 2 стальных болванки для валов диаметром 8 дюймов и весом 160 пудов. Для Омской железной дороги 923 пуда, для Алтайской железной дороги 460 пудов, для материальной службы Пермской железной дороги 131 пуд, и для Томской железной дороги 1233 пуда. А всего в количестве 5622 пуда. б)Изделия: оси нормальных товарных вагонов 7 штук, башмаки к тормозным колодкам для американских вагонов 11 штук, башмаки для паровозов «декапод» серии Е^Ф 10 штук. Буферные стержни с плоскими тарелками 360 штук, подшипники чугунные 109 штук, колодки тормозные для паровозов «Декапод» серии Е^Ф 311 штук. Буксы для нормальных товарных вагонов 29 штук, фасонные чугунные части для водопровода 6 штук [8].

Поясним, почему заводы Урала и Сибири переходили на выпуск запасных частей для паровозов типа «Русский Декапод». Тип паровоза и название «Декапод» пришло к нам из Соединённых Штатов Америки. Термином «Декапод» в США назывались паровозы колёсной формулой 1-5-0. Слово в переводе означает «Десятиног», хотя, казалось бы, логичнее этим словом обозначать паровозы колёсной формулы 0-5-0. Мощные американские локомотивы появились на железной дороге России в 1895 году. И отлично

zareкомендовали себя. С началом Первой мировой войны, в 1915 году, когда потребовалось резко увеличить переброску войск и боеприпасов на фронт, заместитель министра путей сообщения профессор Н.Л.Щукин предложил заказать в Америке 400 паровозов «Декапод», 250 заводу «Балдвин» в Филадельфии, 100 – американской паровозостроительной компании «Алко» в г.Скенектаде и 50 канадской паровозостроительной компании в г.Кингстоне вблизи г.Оттавы. В соответствии с местом изготовления, паровозам были присвоены обозначения серий Е^ф, Е^с, Е^к. Учтя опыт эксплуатации первой серии паровозов, инженер А.И.Липец внёс необходимые изменения для второй серии паровозов, которые императорское МПС заказало заводам «Алко» и «Балдвин» в ноябре - декабре 1916 года в количестве 300 штук. В январе 1917 года было заказано ещё 75 паровозов, а в апреле 1917 ещё 500. Паровозы заказа 1916-1917 года получили литер Е^л, учитывая здесь большие заслуги российского инженера А.И.Липца, его фамилия по предложению профессора Ю.Ломоносова была внесена в аббревиатуру локомотива. Сами железнодорожники паровозы первой серии Е^ф называли «Ефим», а второй серии Е^л «Елена». Всего в Россию с октября 1915 по май 1919 было доставлено 900 локомотивов «Декапод». История эта получила продолжение в годы Великой Отечественной войны, когда учитывая прекрасный опыт эксплуатации паровозов данного типа на дорогах СССР, советское правительство заказало ещё 2000 паровозов данного типа этим же фирмам. Они получили индекс Е^а (американский). Проработали «Русские Декаподы» на железных дорогах страны до середины 80-х годов XX века.

Паровозы следуя на фронты Первой мировой войны проделывали фактически кругосветное путешествие. Из порта Нью-Йорка они следовали через Магелланов пролив и Тихий океан, мимо мыса Доброй Надежды, через Индийский океан прибывали во Владивосток. По железной дороге они следовали в Харбин, где находились главные мастерские Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Здесь паровозы оборудовали пневматическими тормозными приборами и тройными клапанами паровозного и тендерного типа, тщательно готовя их для следования на железные дороги европейской России – Пермскую, Самаро-Златоустовскую и Екатерининскую. На 1 июля 1917 года в парке железных дорог числилось 400 паровозов

«Декапод»: 180 на Пермской железной дороге, 106 – на Самаро-Златоустовской, 23 – на Рязанско-Уральской и т.д. С самого начала эксплуатации серии Е^Ф, Е^С, Е^К стали проявляться их недостатки. Локомотивы часто портились и в большом количестве простаивали в ремонте. Наблюдалось множество обрывов топочных связей. По этой причине у паровоза Е^Ф-62, поступившего на Пермскую железную дорогу 20 апреля 1916 года, уже через месяц произошёл взрыв котла около станции Верещагино. На некоторых участках тяги процент неисправных паровозов доходил до 30 процентов, депо так были загружены ремонтом, что работники данных участков просили заменить «Ефимов» паровозами других серий Э,Щ (щука) и О^в (овечка). Было установлено, что причинами неудовлетворительной работы паровозов серии Е были недостаточно аккуратные изготовления отдельных деталей американскими заводами, ухудшение состояния паровозов за время их длительной морской перевозки, занимавшей 60-80 дней, а так же отсутствие в депо необходимого оборудования и запасных частей для ремонта [9]. Кроме паровозов, США поставили Российской империи в 1915-1917 годах более 18000 цельнометаллических вагонов «Фокс-Арбель», грузоподъёмностью 38 тонн и 30-тонных с деревянной обшивкой вагонов «Даймонд», которые являются прототипами современных грузовых вагонов [10]. Вагоны данного типа широко применялись для строительства бронепоездов в ходе Гражданской войны.

Другой важной проблемой, которая со всей остротой встала перед Советским правительством, была оплата ещё несданных вооружений заказанных для русской армии. По заводам Урала это были боеприпасы различных калибров. Поскольку большевистское правительство уже тогда планировало заключить сепаратный мир с Германией, то было непонятно, что делать с такой массой боеприпасов. Так, на 1 марта 1918 года на балансе заводов числилось большое количество боеприпасов изготовленных по старым заказам.

1)Пермский пушечный завод: А)Снаряды 8-дюймовые фугасные для осадной мортиры. По заказу №23266 от 26 сентября 1916 года на 1 января имеется 4518 штук. Б)12-дюймовый бронебойный снаряд образца 1911 года для орудий в 52 калибра. Заказ №23277 от 11 ноября 1915 года на 1 января 1918 – 1650 штук. В)12-дюймовый бронебойный снаряд образца 1911 года в 5 калибров для орудий в 52

калибра – 2000 штук. Г)12-дюймовых сухопутных снарядов. Заказ №5212 от 2 марта 1916 года на 01.01.1918 – 500 штук. Д)12-дюймовых фугасных снарядов в 4³/₄ калибра 621 штука. Е)48-линейные тротильных бомб заказ №3306 от 21.04.2017 – 144454 штуки. Ё)48-линейные шрапнелей – 158672 штуки. Ж)6-дюймовых тротильных бомб – 5137 штук. З)10-дюймовых фугасных снарядов – 208 штук. И)6-дюймовых шрапнелей 5160 штук. К)12-дюймовых фугасных снарядов 4³/₄ калибра. Заказ №6695 от 14.04.1917 на 01.01.1918 – 1450 штук.

2)Златоустовский оружейный завод: 48-линейные снарядов оптом. Заказ №5975 от 1 мая 1917 года на 01.01.1918 – 6685 штук.

3)Воткинский завод. А) 3-хдюймовых шрапнелей заказ 30 сентября 1914 года на 01.01.1918 – 19555 штук. Б)48-линейные гаубичных бомб. Заказ №12023 от 16.08.1916 на 01.01.1918 – 6685 штук.

4) Каменский завод. А) 6-дюймовых чугунных бомб по заказу от 2 ноября 1917 года по 3000 штук ежемесячно. Б) 8-дюймовых чугунных бомб – 1500 штук ежемесячно.

Верхнатуринский снарядный завод подал справку о количестве имеющихся снарядов оставшихся на переделку на 1 апреля 1918 года: 6-дюймовых с пояском 14259 штук, 6-дюймовых без пояса 10541 штука, 48-линейные с пояском 885 штук, без пояса 1811 штук. По наряду №1: бомб стальных 48-линейные фугасных, тротильных длиной в 4,5 калибра заказа 1 мая 1914 года – 5000 штук. Заказ от 1 января 1915 – 29300 штук, от 1 января 1916 – 28 000 штук. Сдано по 2-му осмотру 40000 штук, укупаренных 39988 штук. В 1915 году сдано со 2-го осмотра 12 штук корпусов на опыты за счёт военного министерства. По наряду №5: бомбы стальные 48-линейные фугасные тротильные длина 4,5 калибра. В числе наряда 1917 года 303000 штук. К 1 февраля 1917 года укупорено 1312 штук, отправлено 220 штук. К концу 1917 года изготовлено 87307 заготовок, отделано 102 штуки, сдано по второму осмотру 66312 штук, собрано 68216 штук, укупорено 65384 штуки, отправлено 54049 штук. По наряду №7: бомбы стальные 6-дюймовые фугасные тротильные для гаубицы. По наряду 1918 года в 360000 штук снарядов, поручено изготовить 300000 Верхнатуринскому заводу, 60000 – Баранчинскому заводу. Заготовлено 177131 штука, отделано 83676 штук, собрано 72441

штука, отдано по второму осмотру 63631, укупорено 63600. С начала 1918 года отправлено 6-дюймовых тротильных снарядов 220 штук, 48-линейных – 40 штук. На 1 февраля 1918 года осталось снарядов на предприятии 6-дюймовых 15300 штук, 48-линейных 5500 штук [11].

21 мая 1918 года в управлении Верхнетуринского завода от представителя военной приёмки Терентьева пришла телефонограмма за №948: «Из телеграммы от 5 апреля 1918 года за №490 видно, что восьмая партия 48-дюймовых бомб не была отправлена. Вторая же контрольная партия этих снарядов посланных 14 февраля 1918 года о результатах испытаний её результатов не получили. Между тем в плане Горблагородатского округа имеется указание за подписью Домрачева о результатах испытаний. Извещение артиллерийским приёмщиком было послано ещё 25 августа 1917 года за №2160. Поэтому вторично прошу стоимость этой бракованной партии указать» [12]. Вопрос этот так до конца и не был решён в связи с трудностями финансирования. Большой задел незаконченных снарядов так и остался на заводских складах. В разгар боёв Кушвинские большевики предложили снарядить ипритом 10 000 снарядов с Верхнетуринского завода и тем самым уничтожить наступающих белочехов.

С занятием оборонных заводов Среднего Урала частями белой Народной армии вопрос о производстве боеприпасов вновь встаёт со всей остротой. В рапорте от 7 февраля 1919 года отправленным управлением Верхнетуринским заводом говорилось: «На запрос Главного Управления Артиллерии (ГАУ) Народной армии о состоянии заводов ГБД в связи возможности возобновления их деятельности, при сём представляется опросный лист с чертежами на 6- и 8-дюймовые снаряды и 48-линейные снаряды, а так же копии допусков в изготовлении снарядов военного времени от чертежей мирного времени. Представляя вышеуказанные сведения, покорнейше прошу управление округа, ходатайствовать перед Главным Артиллерийским Управлением о передаче Верхнетуринскому заводу заказа на изготовление снарядов и о финансировании завода за счёт этого заказа» [13].

17 января 1919 года Омское министерство торговли и промышленности направило управлению Верхнетуринским заводом документы на производство боеприпасов: «Препровождаем при сём

два чертежа полученные от Сосьвинского завода, в коих подробно указаны сорта и вес готовых медных поясков имеющихся на Сосьвинском заводе. Управление округом просит дать ваш отзыв о пригодности их для 6-дюймовых гаубичных бомб, предлагаемых ГАУ к изготовлению». Заводская контора ответила незамедлительно: «Предлагаемые медные пояски по приложенным чертежам Сосьвинского завода будут пригодны для 6-дюймовых гаубичных бомб по прилагаемому чертежу (лист 1). Приготовленные по размерам Надеждинского завода в количестве 855 пудов 12 фунтов, для вгонки под гидравлическим прессом. По чертежу (лист 2) полосы приготовленные акционерным обществом «Армалин» в количестве 1996 пудов – 20 фунтов, которые нарезаны в полосы длиной по 1448 миллиметров и будут пригодны для вгонки под пневмопрессом. Желательно чтобы полосы были разрезаны на пояски длиной по 368 миллиметров во избежание обрезков от нормальной длины поясков» [14].

Как мы видим, большевики и их оппоненты колчаковцы решали одни и те же экономические задачи, которые перед ними поставила начавшаяся Гражданская война. Быстрый и качественный ремонт локомотивов и вагонов, производство всё большего количества боеприпасов, вот те составляющие, которые определяли победу на фронте. Но ввиду нехватки ресурсов противоборствующим сторонам приходилось идти на внеэкономические методы принуждения и введение в оборот всё более обесценивающихся денежных знаков.

Список источников и литературы:

- 1.Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С.591.
- 2.НТГИА. Ф.66, Оп.1, Д.99А, Л.98.
- 3.НТГИА. Ф.66., Оп.1., Д.99А., Л.83 об.
- 4.НТГИА. Ф.66, Оп.1, Д.99А, Л.99.
- 5.Устьянцев С.В. Очерки истории Отечественной индустриальной культуры XX века. Уралвагонзавод. Часть 1. Н.Тагил. 2009. С.26.
- 6.НТГИА. Ф.66., Оп.1., Д.99А., Л.28,29 об.
- 7.НТГИА. Ф.66., Оп.1., Д.99А., Л.280.
- 8.НТГИА. Ф.66., Оп.1., Д.99А., Л.227, 228.

9. Раков В.А. Локомотивы отечественных железных дорог 1845-1955. М. 1999. С. 192-196. Петерсон И.А. Ленд-лиз для СССР: сотрудничество во имя победы. М. 2010. С.19-20.
10. Устьянцев С.В. Указ. Соч. С.23.
11. НТГИА. Ф.66., Оп.1., Д.46 (сведения о выполнении военных заказов за январь-март 1918 года). Л.17,22,24,38,42.
12. НТГИА. Ф.66., Оп.1., Д.46.Л.2.
13. НТГИА. Ф.66., Оп.1., Д.99А.Л.217.
14. НТГИА. Ф.66., Оп.1., Д.99А.Л.248.

*Пудовкин Сергей Игоревич
Мальгин Константин Андреевич*

Новые факты из истории Гражданской войны на Урале по материалам Нижнетагильского городского исторического архива

В этом году исполняется 100 лет с начала гражданской войны. Интерес к этому событию у исследователей и просто у любителей отечественной истории не угасает и в наши дни. Поэтому выявление новых исторических источников, связанных с этим неоднозначным событием XX века, представляет несомненный интерес. В Нижнетагильском городском историческом архиве нами отработаны материалы двух фондов, которые содержат документы, способствующие выявлению новых фактов, связанных с событиями гражданской войны на Урале. В нашем случае, это фонды Р-188 и Р-189, представляющие собой итоги работы комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при исполкоме Висимского районного Совета и Нижнетагильского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, которые начали свою работу в 1931 году. Задачи обеих комиссий – проверка документов граждан – бывших красногвардейцев и красных партизан, проживающих на территории Висимского и Нижнетагильского района и города, и установление фактов службы в рядах Красной

Гвардии и участия в партизанском движении в годы гражданской войны 1918-1922 годов.

Документы нижнетагильской комиссии впервые приняты на госхранение в декабре 1935 года в количестве 853 дел, затем в сентябре 1960 года ещё два дела, в 1976 году при проверке на наличие обнаружено 14 дел, у которых ранее не были учтены литерные номера. Новая опись Р-189 в данное время включает 894 дела за 1931 – 1935 годы. Увеличение количества на 25 дел стало возможным за счёт выявленных документов и формирования новых личных дел.

Документы комиссии красногвардейцев и красных партизан, проживающих на территории Висимского района, поступили на госхранение в марте 1936 года в количестве 361 дела. В 1980 году опись фонда Р-188 в количестве 361 дела усовершенствована, уточнены фамилии, имена, отчества. Был составлен акт на выделение к уничтожению на три дела. Новая опись включает 358 дел. В настоящее время фонды Р-188 и Р-189 включают только личные дела бывших красногвардейцев и красных партизан. Описи дел были усовершенствованы: каждое личное дело разобрано по листам, уточнены фамилия, имя и отчество, в некоторых личных делах были обнаружены анкеты и документы красногвардейцев и красных партизан, которые были переоформлены в новые личные дела. Все дела подшиты вручную в новые обложки и пронумерованы, а также разобраны по алфавиту, опись перепечатана, составлен заглавный лист. Нами при работе над фондами Р-188 и Р-189 выявлено ещё несколько анкет красногвардейцев, не учтённых в описи. Работа над документами содержащихся в личных делах красногвардейцев позволило выявить ранее неизвестные детали гражданской войны на Урале, и особенно малоизвестные страницы боёв на тагильском направлении в августе-сентябре 1918 года. Особенно примечательна здесь роль Висимского батальона под командованием М.А.Баклыкова, сформированного из рабочих Висимо-Шайтанского, Черноисточинского, Висимо-Уткинского металлургических заводов и приисковых рабочих. Этот батальон, действуя в глухой горно-лесистой местности, прикрывал правый фланг третьей Особой бригады В.К. Рейхардта, прикрывавшего Лысьвенское направление, и левый фланг первой бригады Ж.Ф.Зонберга прикрывавшего тагильское направление. О многих неизвестных фактах из боевой

жизни Висимского батальона рассказывают его участники. Данные воспоминания были написаны для проверки в комиссии красногвардейцев, публикуются впервые и представляют несомненный интерес [1].

Из воспоминаний **Бушуева Исаака Дмитриевича**: «Я, Бушуев И.Д., был кассиром Нижнетагильских платиновых приисков с 1909 года. При отступлении красных войск, где я был добровольцем, спасал имеющийся при районной кассе металл – платины 2 пуда 7 фунтов и деньги, предназначенные для расчёта рабочих, которые они не успели получить при быстром наступлении белой своры. Их я рассчитывал уже в Перми. Как я охранял государственные имущества подтвердят охранник Песков Алексей Васильевич, руководитель по отправке платины Малинин Александр Васильевич, командир отряда Рассадников Павел Иванович, комиссар отряда Зашлипин Дмитрий Васильевич и секретарь Баклыкова Таисья Фотиевна. В сентябре 1918 года мы прибыли в город Пермь и областное управление Урала откомандировало меня в город Петроград для сдачи платины, там я пробыл 5 дней. Далее меня откомандировали в город Курск в распоряжение Губпродкомиссии товарища Рязанова. В Курске я пробыл 15 дней, развозил деньги по станциям, на которые крестьяне из окрестных сёл подвозили продовольствие. Для оплаты продуктов был на станциях «Обоянь» и «Деревни» и городе Льгов. 15 ноября меня назначили старшим кассиром в городе Щигры, там я пробыл до наступления войск Деникина. Отступал вместе с нашим продотрядом, далее мы получили распоряжение отступать до станции «Касторная». Не доезжая до реки Касторная, мост белыми был взорван и наш поезд остался по ту сторону реки. Поднялась паника. На 500 крестьянских подводах мы отошли на другую железную дорогу, где соединились с силами Губпродотряда. С этого времени мы были всё время на колёсах. Исключительная продснабжение наступающей красной армии было сосредоточено в городе Козлове, а после налёта казаков Мамонтова в 1919 году в Тамбове и Орле.

В это время Урал был освобождён от Колчака, и в «Известиях» было напечатано распоряжение В.И.Ленина, что жители Урала могут выезжать туда немедленно. Я подал заявление губпредкому товарищу Рязанову и, несмотря на протесты продкомиссаров Булгакова и Пушкаренко, мне выдали военный литер на поезд и 26 сентября я

выехал на Москву, 10 октября 1919 года был уже на родине на прииске «Красный Урал» [2].

Вспоминает **Голицин Павел Андреевич** 1881 года рождения, уроженец посёлка Черноисточинск: «Я был добровольцем Черноисточинского отряда Красной Гвардии с 15 июля 1918 года, дело было ещё при Борисове Степане Прокопьевиче (командир отряда до августа 1918 года. – прим. Авт.), в это время формировался Висимо-Шайтанский батальон Баклыкова Михайлы, куда мы и влились. Начались бои, в первую очередь поехали на Утку Демидова, (в настоящее время село Усть-Утка на берегу реки Чусовой. – прим. Авт.). Утка была уже занята белыми, нам пришлось сделать наступление на село Утка и выбить белых из таковой. На другой день снова открылся бой, мы не могли удержаться и пришлось отступать обратно. Отступали до Черноисточинска и дальше до Тагила. Я, Голицин, заболел и был назначен с буржуйским имуществом как провожатый до города Перми. В городе Перми не помню сколько был времени, до приезда Телегина Ивана Алексеевича, каковой меня отправил в город Кушву. Там мне пришлось вступить в первый Крестьянский полк в 3-ю роту. Пришлось принять бой под деревней Кутькиной под Верхотурьем. Командиром у нас был Оплетин Василий Ильич. После боёв пришлось отступать до реки Чусовой. Откуда наш полк пошёл на город Лысьву, я и ряд других товарищей были оставлены для охраны транспорта под командой товарища Болодурина. Стояли, как запомнилось, суток девять, до момента, когда была обстреляна станция «Чусовая» и был взорван железнодорожный мост. Нам пришлось отступать на город Усолье. В полной панике я, Голицин, и мой товарищ Киселёв очутились в городе Усолье в 22-м Кизеловском полку, с каким и хотели пройти через деревни до города Перми. Но нам это не удалось и мы попали в плен в районе деревни Красной. В декабре 1918 года, не помню какого числа, мы были препровождены обратно до станции «Чусовой». Дорогой мы были разуты и раздеты, принимали всякие избиения и издевательства. На станции «Чусовой» пришлось принять кару от белых из шомполов и нагаек. После чего мы были направлены в город Екатеринбург. Не помню, сколько времени мы сидели, после чего нас направили в город Ирбит, это было уже в 1919 году в апреле, когда из Ирбита нас направили в город Актюбинск, где нас тоже били

и под арестом гоняли на работу. В августе месяце представился удобный случай – удалось убежать до города Самары, где встретил своих знакомых красноармейцев бывших в резерве автопарка Туркестанского полка. Я вступил туда для охраны и прослужил в автопарке до мая 1920 года, по болезни был уволен домой сроком на 2 месяца. Через 2 месяца поехал на врачебную комиссию в Нижний Тагил, был признан больным и освобождён по чистой» [3].

Дайбов Иван Павлович 1885 года рождения, уроженец Висимо-Шайтанского завода, член ВКП(б) с 1918 года: «Участвовал в создании Висимо-Шайтанского батальона, с 13 мая 1918 года помощник комиссара батальона по продовольственному снабжению, принимал участие в боях с августа 1918 года, был оставлен Баклыковым М.А. при Совете рабоче-крестьянских депутатов, где работал до самого отступления из Висима. Участвовал в боях за Тагил, после падения станции Сан-Донато уехал в Казань, где влился в 45-й Астраханско-Сибирский полк. Принимал участие в боях на фронте по реке Каме. В 45-м Сибирском полку очень сильно простыл и получил ревматизм (45-й полк начал формироваться в городе Астрахань 20 ноября 1918 года, затем переведён в Казань. – прим.авт.). Был отправлен после тяжёлой болезни в госпиталь города Нижний Новгород, где пролежал с 12 января по 15 июля 1919 года. После чего военной комиссией был освобождён от воинской службы по статье 25 «А». Когда ехал из лазарета Нижнего Новгорода в Нижний Тагил все подтверждающие документы у меня были украдены» [4].

Вспоминает **Зашляпин Дмитрий Васильевич**: «Я родился в Висимо-Шайтанском заводе в 1895 году. До 13-летнего возраста учился в школе. С 14 лет пошёл работать по найму на приисковые работы. Отец и мать тоже работали там. Работал каталом в шахтах, забойщиком и на других приисковых работах. В 1915 году был взят в старую царскую армию, служил в таковой до 2 января 1918 года. В 1917 году находясь в Румынии в 4-м Сибирском корпусе, в 7-м отдельном артиллерийском дивизионе в июле месяце вступил в партию Большевиков. В старой армии с момента вступления, вёл работу председателя партийного комитета седьмого дивизиона и был выборным командиром артдивизиона. Из Румынии с дивизионом отступил в Одессу, где его и расформировал. Сам работал в

РумЧерОДе по формированию добровольных красноармейских частей против выступивших вместе с румынами и немцами войск генерала Щербакова. По сдаче Одессы, 6 февраля 1918 года приехал домой, на платиновые прииски (ныне посёлок Уралец). С трудом поступил на службу в приисковую охрану. В сформированном тогда отряде Красной Гвардии встал на учёт в партограницацию и стал работать по оздоровлению партограницаций от меньшевистского засилия, что удалось быстро сделать благодаря здоровому ядру нашей парторганизации. В результате проделанной работы, выбираюсь председателем парткомитета, и уже с новым составом провожу реорганизацию охраны в боевую красногвардейскую единицу. Туда же вступил мой брат Зашляпин Александр Васильевич, 1900 года рождения, командиром был выбран Падуков Андрей Фёдорович. Я же избираюсь военным комиссаром приисков, участвовал в боях наших отрядов под Уткой Демидовой, Шайтанкой. Осенью 1918 года, после отступления из Нижнего Тагила, распоряжением высшего командования перебрасываюсь в город Сарапул, в прифронтовую полосу, для организации райвоенкомата в городе Буранове, где работал до апреля 1919 года. При отступлении оттуда, был назначен комиссаром отдельного рабочего батальона в городе Вятка. В 1920 году отзываюсь из армии распоряжение ВСНХ (Горным Советом Главзолото). Был назначен управляющим Нижнетагильскими платиновыми приисками. В 1921 году перешёл на работу председателем райкома горнорабочих Нижнего Тагила. С работы снова был взят в армию в политотдел 169 бригады города Тюмени. В 1922 году работал в составе ревкомиссии по демобилизационным работам. С 1928 года ответственный секретарь Берёзовского райкома партии. В 1933 году вернулся домой и назначен заведующим Висимским райлесхозом, где сейчас и работаю. Мой брат Зашляпин А.В., боец РККА умер от тифа 8 мая 1920 года в Томской больнице №2» [5].

Вспоминает **Кононов Василий Иванович**: «Я родился в Висимо-Уткинском заводе 20 марта 1898 года в семье рабочего. В 1906 году поступил в сельскую школу, где обучался до 1909 года. Семья переехала на жительство в Висимо-Шайтанский завод, где я начал работать у старателей. Проработал до 1913 года и перешёл на работу в контору Павло-Анатолевского прииска деревни Захарова. В 1916

году перешёл работать на драгу №7, где работал до 1917 года в качестве механика. В 1917 году был призван в царскую армию и зачислен в лейб-гвардию гренадерский полк, воевавший на Австрийском фронте. Оттуда был демобилизован 20 марта 1918 года. Прибыв обратно, работал на драге №7, потом в приисково-военной охране, где и прослужил до 17 июня 1918 года. Сдал оружие и совместно с охранником Григорием Холодиловым уехал в город Н.Тагил, где 18 июня 1918 года зачислен в эскадрон под командованием Ивана Зубакина, входивший в отряд Меринова.

Во время пребывания в отряде принимал участие в боях против белых банд в окружающей местности Нижнетагильского уезда и по реке Чусовой. 29 или 30 августа 1918 года с Сергеем Быковым был направлен для организации обоза, с которым по распоряжению Губисполкома 17 сентября 1917 года из Нижнего Тагила выехали в город Пермь, где обоз и всё имущество было передано в распоряжение Губисполкома. В ноябре мы поступили в распоряжение казачьей сотни 260-го Петроградского полка, (в тот момент ещё 17-й Петроградский полк, его казачья сотня сформирована в городе Кушва – прим.авт.) где принимали участие в боях на Восточном фронте поблизости от железной дороге по направлению Н.Тагил – Пермь – Вятка. В период отступления конечным пунктом нашего отхода была река Чепца. Мы оттуда потом перешли в наступление против Колчака. Почти по тому же направлению местности, по которой отступали, т.е. Глазов – Оханск – Пермь – Кын – Серебрянка – Висимо-Утка – Висимо-Шайтанск – Н.Тагил и далее. Подойдя к Ишиму, часть войск 3-й армии была перекинута под Южный фронт на Врангеля. По дороге, за Воронежом, я заболел сыпным тифом и отстал от части. Был направлен на излечение, по окончании которого из Перми был направлен в свою часть в апреле 1920 года. Известно, что на Польском фронте нас постигло полное поражение, в частности от нашей казачьей сотни осталось 3 всадника. Они мне встретились в отделе снабжения штаба 3-й армии, где я был оставлен в обозе ввиду слабого здоровья. Там я прослужил до 20 декабря 1920 года, после чего был командирован на работу по специальности на драге №7, где проработал с 10 января до 17 августа 1921 года. Вновь ушёл в армию, служил в Нижнем Тагиле в телеграфной роте третьего телеграфно-телефонного дивизиона. Вследствие обострения болезни был

освобождён и уволен с оставлением на учёте. С 20 июня 1922 года поступил служить в рабоче-крестьянскую милицию Нижнего Тагила. Службу в милиции продолжал до 1930 года, после чего перешёл на счётную работу в Висимскую группу счётоводом.

Добавлю, что в 1918 году, по занятии территории приисков войсками Колчака, мой младший брат был снят с работы на драге №7 и совместно с матерью был выселен из занимаемой квартиры. Проживая в Висимо-Уткинске в период правления Колчака, мать подвергалась приводу в следственную комиссию четыре раза, но благодаря сочувствию председателя следственной комиссии Архипова осталась в живых, т.е. не была подвергнута расстрелу» [6].

Вспоминает **Кононов Илья Васильевич** 1885 года рождения, уроженец Висимо-Шайтанского завода, кандидат в члены ВКП(б): «До революции я работал на платиновых приисках. 15 июня 1918 года я ушёл с прииска с драги №6, поехал в Нижний Тагил, где вступил в отряд Шаронова (первый сибирский стрелковый полк, входивший в 3-ю бригаду Рейхарда – прим. Авт). Наш добровольческий отряд под командованием Шаронова пошёл на фронт на Лысьвенское направление, в селе Усть-Утка я был командирован в Висимо-Утку со срочным пакетом. Оттуда с Висимо-Уткинским отрядом я поехал в Сулём, где и случился бой. Там я был ранен в правое плечо. Из боя я выбыл и прибыв в Висимо-Уткинск, был направлен комиссаром отряда Виктором Соколовым на излечение в лазарет в Нижний Тагил. Пробыв на излечении один месяц, я был направлен оттуда в город Пермь. Там я закончил лечение и поступил добровольцем в Петроградский флотский отряд. Полк был отправлен на фронт под Кушву и мы с боями отступали до станции «Калино». Когда белые отрезали станцию «Калино» наша часть и некоторые другие попали в плен. Сначала мы были отправлены в Лысьву, где просидели 5 дней, а затем в Ирбит, там я просидел 6 месяцев. Затем был отправлен в Сибирь на станцию «Тайга». Через некоторое время мне удалось убежать в партизанский отряд Константина Рогова, где я провоевал 3 месяца. Сейчас молюсь за конвоира старика, с которым был отправлен, он сам согласился идти вместе со мной, когда мы пошли в отряд товарища Рогова. В отряде нас сразу спросили: «откуда и как попали?». Я, конечно, обрисовал своё положение и пожелал вступить в отряд, мне сразу выдали оружие. В отряде я провёл около 3-х

месяцев, мы делали громадный ущерб белым своими налётами, уничтожая все виды припасов. Так действовали до прибытия главных сил Красной армии.

Когда пришла красная армия, мы вместе с отрядом Рогова прикомандировывались в 30-ю стрелковую дивизию, где я угадил в 3-й лёгкий артдивизион (3-й лёгкий артдивизион, начал формироваться на основании предписания инспектора 5-й армии за номером 574/202 от 05.02.1920. Командиром дивизиона назначался будущий генерал Леонид Александрович Говоров. Дивизион входил в состав 51-й стрелковой дивизии под командованием В.К.Блюхера. Во второй половине сентября 1920 года 3-й лёгкий артдивизион участвует в боях на Каховском плацдарме, в конце октября – начале ноября 1920 года штурмует Перекоп, освобождает Севастополь. – прим. Авт.) Мы были направлены вдогон белых и дошли до самой монгольской границы. Затем мы были отправлены на Врангелевский фронт, где пришлось сражаться на Перекопе, там я был контужен. По окончании войны с Врангелем, меня уволили по демобилизации в 1921 году. Все документы я сдал в Тагиле в военкомат» [7].

Вспоминает **Акинфеев Степан Фомич**, член ВКП(б) с 1930 года: «Родился в Нижнем Тагиле в 1883 году, отец – старатель, воспитывался у бабушки, в 9 лет пошёл учиться. С 12 лет пошёл работать к кустарю. Платили вначале 3 копейки, затем 5, 7 и 12 копеек за день. 15 апреля 1896 года я поступил на Выйский медеплавильный завод, где проработал до 1918 года. В 1905 году во время забастовки был арестован Федькой Камухой. 20 июля 1918 года ушёл добровольцем в Красную армию, был причислен к первому советскому красному полку (одно из названий первого сибирского полка Шаронова. Прим. – авт.), он был направлен на Кунгурский фронт. Затем нас перебросили в 4-й Василеостровский полк, были на прикрытии артбатареи. 12 ноября 1918 года был взят в плен, поскольку был ранен в левую ногу. Был направлен в город Екатеринбург, а оттуда во Владивосток. Нас не довезли и выгрузили в городе Чита, где я лежал в местном лазарете. Потом был направлен в читинскую тюрьму, где заканчивал лечение в тюремном лазарете. 21 февраля 1919 года мы были освобождены и направлены в бывшие лагеря германских военнопленных. Освободила нас 321 человек блядка атамана Семёнова. С ней мы познакомились через его

адъютанта, который лежал вместе с нами в читинском лазарете. Она нас направила домой на Урал. 12 июня 1919 года я приехал в Тагил и зашёл к Тимофею Солдатову, а оттуда уже пошёл домой. 13 июня 1919 года я был вновь арестован белыми и сидел в тюрьме у собора, (Тагил был освобождён от белых только через месяц – Прим. Авт). Со мной сидел Крылов Дмитрий, Францева Анна Павловна, Уесднова Анна Петровна, всех не помню. Показаниями соседа Лапина Афанасия был освобождён из тюрьмы, после этого заболел тифом и до отступления белых лежал в лазарете Красный Крест. Когда мой врач узнал, что белые отступают, сообщил моей жене и она тотчас увезла меня из больницы. Когда поправился, был выбран председателем комиссии по Выйскому заводу, членом горсовета и членом военной комиссии. Тогда председателем горсовета был Носов Василий Романович, а военной комиссии Зенков Илья Агапыч» [8].

Из автобиографии **Аксёнова Гавриилы Евгеньевича** 1887 года рождения: «Родился 24 марта 1887 года. Отец – рабочий Нижнетагильского металлургического завода, мать – домохозяйка. Окончил начальную трёхлетнюю земскую школу. Пошёл работать разнорабочим к кустарю-лудильщику, где проработал до 18 лет. Затем перешёл на Нижнетагильский завод, на литейный цех. Проработал до 21 года, в 1908 году был взят на военную службу в царскую армию, которую отбывал в Петербурге. После окончания службы в 1912 году вновь поступил на завод, где проработал до 18 июля 1914 года, после чего был мобилизован на империалистическую войну. Провоевал по 1916 год и был уволен по болезни. Вернувшись из армии, сразу поступил на Нижнетагильский завод в феврале 1917 года. Был назначен цеховым старостой. С марта 1917 года вступил в Советскую боевую дружину, оттуда ушёл в красную армию, участвовал в боях за Н.Тагил и Пермь, был ранен – лечился в Самаре. В конце 1919 года вернулся в Нижний Тагил и поступил на завод, в 1920 году был избран в завком. В настоящее время на должности председателя заводской комиссии НТЗМ, член бюро райкома ВКП(б) Нижнего Тагила». (Приписка - утонул в 1927 году в Тагильском пруду) [9].

Из воспоминаний **Андреева-Козина Павла Дмитриевича**: «В мае 1918 года вступил в ряды Красной Гвардии, в отряд железнодорожников при станции Нижний Тагил к красному командиру – партизану Анатолию Крылову. Там же был назначен на

охрану Кушвинского моста. Затем переброшен на станцию «Сан-Донато», к её коменданту Дмитрию Крылову. Отступили из неё в октябре 1918 год на станцию «Гораблагодатская». Во время боя под станцией «Сан-Донато» я отступал последним с частью ребят из Камышловского полка, это может подтвердить красноармеец Василий Князев и помощник коменданта станции «Сан-Донато» (фамилию не помню), с которыми мы вместе переплывали реку Тагил. Затем был на Верхотурском фронте, где так же выполнял все распоряжения командования, это может подтвердить Терентий Долгоруков. Потом меня назначили на станции Гораблагодатская в специальный железнодорожный полк. В ноябре был переведён в 1-й уральский Коммунистический железнодорожный батальон. Все стычки по железной дороге с противником мы выдержали и не одной станции без выстрела не сдали. Отступая, у станции «Левшино» мы оказались в тылу у белых ввиду взятия ими города Перми. Из их тыла мы выбрались полностью своей частью. С 1919 года назначен в 36-й железнодорожный дивизион – это могут подтвердить Константин Бирюков и братья Мокровы. Был в этой железнодорожной части в ходе наступления на Колчака вплоть до станции «Слюдянка». Откуда в 1920 году был переведён в 16-й железнодорожный полк и в 1922 году демобилизован. В 1922-1925 годах служил в правлении Металлического треста, в 1925-1926 годах служил в ГПУ станции «Нижний Тагил». Все приказы командного состава всегда выполнял и шёл туда по распоряжениям, где я был особенно нужен РККА [10].

Архипов Иван Николаевич родился в 1888 году в городе Н.Тагил, закончил сельскую школу, проживал по улице Маловогоульская-Поперечная, дом 13. Автобиография: «В 1917 году состоял на службе в резерве конной милиции до мая 1918 года. С мая 1918 года на Нижнетагильском заводе начал формироваться кавалерийский Алексеевский отряд. В него я вступил со своей собственной лошастью. Сразу был направлен с этим отрядом в Висимо-Уткинск, и далее в деревню Боронское 18-20 километров от Висимо-Уткинска, ловили белую банду. Таким образом, дело повторялось 4 или 5 раз, после ликвидации банды в Висимо-Уткинске мы снова прибыли в Нижний Тагил, где и находились до осени 1918 года. Осенью при занятии станции «Таватуй» белыми войсками, я был направлен на станцию «Верхнейвинск». Мы «работали» совместно с

3-м Горным полком, командиром которого на тот момент был житель села Шайтанка товарищ Дрягунов Александр. Совместно мы отступали по полотну железной дороги до станции «Лая». Из Лаи мы были направлены в распоряжение командира дивизиона товарища Алексева. Погрузили своих лошадей на станции «Баранча» и отправились на Верхотурский фронт. В восьми или десяти километрах от станции «Верхотурье» приняли участие в бою с белой бандой. Бой прошёл для нас неудачно и мы отступили до деревни Ванюшино. В деревне Ванюшино нам повстречался отряд конницы под командованием Сергея Алексева, который стал «работать» вместе с нами. Из деревни Ванюшиной нас тоже вытеснили и мы отступили на посёлок 73 и далее до Троицкого рудника. В Троицком мы приняли бой. Из Троицкого рудника мы отступили до деревни Ёлкино, оттуда были переброшены на Промыслы, с Промыслов на Нижнюю Туру, затем на Верхнюю Туру, потом перешли по направлению к станции «Азиатская», по полотну железной дороги отступали до станции «Ляды». По поездке в Пермь вернулся ни с чем наш обоз за продуктами, так как Пермь уже была занята белой бандой. Нас направили через реку Чусовая на Уральский кордон, что в километре от железной дороги по направлению влево. С кордона мы двинулись на деревню Муллы, отбили атаку противника от Перми, его чуть оттеснили и далее отступали по железной дороге до станции «Вознесенская» (ныне станция Верещагино – прим. Авт.). От станции «Вознесенская», в километре от железной дороге вправо есть село Вознесенское. Там мы, Алексеевский кавдивизион, влились в 4-й Уральский полк товарища Филиппа Акулова. Наш отряд стоял от села Вознесенского в 5 километрах в деревни Хрустали. Оттуда мы были выбиты белой бандой и оттуда отступали до станции «Верещагино» и до самого Глазово. Далее из Глазово отошли до станции «Ардаши», где наши эскадроны были распределены по деревням. Я стоял на отдыхе в деревни Полудёнка, затем нас переформировали на станции «Ардаши» и влили в Путиловский стальной кавалерийский полк.

Не доходя 80 километров до Вятки, мы начали наступать обратно, и гнали белую банду до самого Ялуторовска. Первым Путиловским кавалерийским полком командовал Иван Иванович Зубакин, наш бывший командир эскадрона. Из Ялуторовска мы были направлены на отдых в Шадринск, наш эскадрон стоял в 18 километрах от

Шадринска в деревне Жеребёнка, оттуда я и был демобилизован домой, как достигший установленного возраста. Прибыв домой, снова поступил на службу в милицию в 1919 году и служил до 1923 года. В 1923 году работал в чрезвычайно-следственной комиссии под руководством председателя исполкома Мартьянова и комиссара Сергея Кузнецова. Далее поступил на Лебяжинский рудник, где работал с 1925 по 1929 год на лошади. С 1929 года работал на Тагилстрое, а с 1932 года на Вагонстрое» [11].

Вспоминает **Бельтюков Николай Диомидович**: «В Тагиле я был в Красной гвардии с 10 октября 1917 года по 25 февраля 1918 года, т.е. 5 месяцев. С 25 февраля 1918 года я был откомандирован в район города Воткинск для организации комитетов деревенской бедноты. Мною была проделана очень большая работа. Не было почти никакой деревни, где бы не было комбеда. Там я одно время тоже состоял в рядах Красной гвардии. При восстании белых в Воткинске, начавшимся 14 июля 1918 года, я попал в плен, бежал, скрывался. 2 ноября 1918 года меня свои выручили, я был отбит Красной армией. 7 апреля 1919 года меня, как специалиста-вагонного мастера откомандировали в Москву. В Москве меня назначили мастером в Воронеж, в вагонные мастерские, для приведения в порядок вагонного парка. Здесь мне тоже с работы и на работу приходилось ходить с винтовкой. Т.е. там настроение местных жителей было чисто контрреволюционное. 24 июля 1919 года я вернулся в Нижний Тагил. Моё участие в Красной гвардии подтверждается свидетельскими показаниями и эвакуационными документами, так же может подтвердить товарищ Бабин [12].

Вспоминает **Бельтюков Фёдор Диомидович**: «Родился 8 июля 1893 года в деревне Кабанова Сарапульского уезда, в бедной крестьянской семье, где и проживал до 1905 года. В 1905 году я приехал в Тагил, где работал у подрядчика Калинина, в кондитерской у Мецгера и у Селиванова, а после в тагильском заводе плотником в столярно-плотницком цехе, вплоть до германской войны. С октября 1914 года и по май 1916 года служил в царской армии. Был на фронте. С 6 мая по 2 декабря 1916 года лечился в госпитале города Петрограда вследствие ранения в левую руку, катара лёгких и малокровия вследствие плохого питания на фронте. За время пребывания в госпитале был слушателем бухгалтерских курсов.

Вследствие перенесённых ранений был освобождён от дальнейшей службы. Вернувшись, в Тагиле работал в артели хлебопёков, а после февральской революции перешёл на службу тагильского общества потребителей в качестве заведующего хлебопекарней. 12 марта 1918 года я был избран народным судьёй 12 участка. В партию, РСДРП я вступил в марте 1917 года. В июле мы отошли влево, а в сентябре оформились как организация РСДРП/б/ (большевиков), меньшевистской работы я не нёс, а с первых дней организации Красной гвардии в марте 1917 года я вступил в таковую.

В марте 1918 года мы разоружили меньшевиков и эсеров, в июне во время налёта невяньских бандитов я был на Верхотурском уездном съезде народных судей, на второй день я со сколоченным в Верхотурье отрядом приехал в Тагил, здесь меня назначили дежурить при штабе Красной гвардии с двумя помощниками Кочецовым и Кармановым. В 1917 и 1918 годах я, как член комитета партии, до времени отступления из Тагила вёл партийную работу в частях Красной армии. 2 октября 1918 года я эвакуировался в город Пермь, откуда товарищ Сафаров меня направил в село Дебессы в распоряжение формируемой Особой Вятской дивизии, где я был назначен следователем при ревтрибунале.

При взятии нашими частями в ноябре 1918 года Воткинского завода, я переехал в Воткинск и принял дела нарсуда 4-го участка, а 10 февраля 1919 года я был избран председателем Сарапульского ревтрибунала. В этой должности я пробыл до июня 1919 года, по день ликвидации трибунала. 24 июля 1919 года я возвратился в Тагил и был среди организаторов Тагильского ревкома, воссоздал правление общества потребителей и организовал народный суд. 1 августа 1919 года приступил к разбору дел в должности нарсудьи, проработав на ней до 10 марта 1922 года. Затем я перешёл на кооперативную работу, т.к. был избран председателем правления мурзинского потребительского общества. В августе 1925 года я снова возвратился в Тагил и работал в качестве инструктора Тагильского Окрселькредсоюза. Ввиду ранений, полученных на империалистической войне, психоневрастении и аневризмы лёгких переведён на пенсию с 14 марта 1930 года» [13].

«Я, **Баранов Иван Васильевич**, уроженец Нижнего Тагила, 2-й части (ныне Пролетарская 50), сын рабочего-горняка. Отец с малых

лет и до смерти работал на медном руднике. Я родился 1 мая 1895 года в 4-й части Тагила, улица Балагуровка, 11. До 8 лет находился на иждивении отца. В 8 лет поступил в народную школу, окончил таковую в 12 лет в 1907 году. С 1907 года пошёл работать по найму к Ивану Ефимовичу Серебрякову, в ковшечное производство. Там в лудильном цехе проработал до 1910 года. С 1910 года пошёл работать в Нижнетагильский металлургический завод, учеником токаря в механический цех и проработал токарем до 1915 года. С 1915 года служил в старой царской армии, 2-я запасная батарея Казанского военного округа. Был на фронте до 1917 года, в декабре 1917 года поехал в краткосрочный отпуск, но в старую армию более не возвращался. В последних числах мая 1918 года поступил добровольцем в Красную армию в артиллерийскую команду. В июне 1918 года на общем собрании был выбран руководителем артиллерийской команды. В конце июня 1918 года штабом Средней Уральской дивизии и товарищем Вайнером был назначен командиром Первой отдельной батареи Среднеуральской дивизии. В первых числах июля того же года со своей батареей выехал на фронт. В последних числах августа 1918 года, согласно распоряжению штаба Среднеуральской дивизии, переброшен командиром бронепоезда. Воевал в полосе железной дороги под Верхним Тагилом, Невьянском, Нижним Тагилом, Кунгуром. За боевые отличия был награждён форменным кожаным костюмом. Во время отступления 4 октября 1918 года мною бронепоезд был взорван на станции Тагил, после чего я был назначен командиром бронепоезда №12. В 1919 году был переброшен в Нижний Новгород начальником второй запасной команды отдела Центра брони Восточного фронта. В 1920-м году был болен, лежал в больнице, комиссией был назначен рядовым красноармейцем в Первый армейский полк. В июне 1920 года был отозван в Нижний Тагил в уголовный розыск, где работал агентом 1-го разряда по 1921 год, с 1921 по 1925 инспектором УГРО, с 1925 по 1927 год начальник архивно-секретной части и помощник начальника уголовного розыска. С 1927 года работал на руднике им. III интернационала в качестве десятника. С 1929 по 1930 год заведующий подённо-хозяйственного цеха, позднее был переведён на должность прораба по труду 2-го строительного участка. С 1932 года

на должности заведующего учётно-распорядительного отдела Тагилкомбината, член ВКП(б) с 23 ноября 1923 года [14].

Басанин Константин Фёдорович 1899 года рождения, проживающей в Нижнем Тагиле улица 1-я Басанина, дом 3. «Я вступил в мае 1918 года в штаб Красной гвардии на транспорте Пермской железной дороге. Штаб находился у станции Нижний Тагил, в казённом белом доме внизу, около станционных путей. Хорошо помню своих товарищей Локтева, Починкова и других. Первоначально военному делу обучались около ипподрома под руководством Ивана Захарова, в это же время недели две охраняли штаб. После этого были переброшены на Салдинскую улицу в дом Треухова, стоявший напротив каменного Куликовского дома. Оттуда через несколько дней были отправлены на ликвидацию Висимо-Шайтанского восстания, я принимал участие и в бою около села Большие Галашки. По возвращении был переброшен на станцию «Шайтанка» («Монзино») на охрану, разводящим у нас был Тяшков Алексей. Оттуда был переброшен на станцию «Азиатская» для перевозки снарядов из Туры в Нижний Тагил, потом был на станции «Верхотурье» Богословской железной дороги. Из Верхотурья переброшен на станцию «Карелино», где я выбыл из строя. Первоначально находился в санитарной летучке 17-го Петроградского полка, стоявшей на станции «Гора Благодать». Оттуда направлен в лазарет станции «Бисер» и далее перевезён в госпиталь города Вятка. Имел три операции по наращиванию кожи тела врачом Барановым. Совместно со мной лежал в госпитале Алексей Сорокин с Выи, бывший извозчик. После выхода из госпиталя, служил в железнодорожном батальоне. Совместно с товарищем Поляковым был оставлен для формирования 2-го ЖД батальона. Совместно с товарищем Поляковым был оставлен для формирования 2-го ЖД батальона. Батальон сформирован не был, а была сформирована «Первая техническая уральская железнодорожная дружина». Штабом 29-й стрелковой дивизии взамен Полякова командиром дружины был назначен Евграф Мехряков. Я был его заместителем, наша дружина специализировалась на ремонте и восстановлении ЖД транспорта с выездом на разные участки. Я в ней служил около года, с августа 1919 года согласно приказу НКПС был переброшен на прорыв депо Екатеринбурга. Всё это могут подтвердить братья Макровы Анисий и

Александр, Головизин Василий, Малышев Фёдор, Локтев Дмитрий, председатель горсовета Терентий Долгоруков [15].

Как мы видим, приведённые нами воспоминания разнообразны по стилю и содержанию. Но все они содержат богатый исторический материал, который помогает историку глубже почувствовать специфику эпохи гражданской войны.

Примечания:

¹Приводимые ниже воспоминания участников гражданской войны даны в соответствии с оригиналом. Внесены минимальные исправления в орфографию источника.

²НТГИА. Ф.188. Д.28, Л.5-7.

³НТГИА. Ф.188. Д.43, Л.1-3.

⁴НТГИА. Ф.188. Д.46, Л.2.

⁵НТГИА. Ф.188. Д.63, Л.2-5.

⁶НТГИА. Ф.188. Д.97, Л.3,3об,6,7,8.

⁷НТГИА. Ф.188. Д.99, Л.5,6.

⁸НТГИА. Ф.189. Д.3, Л. 2-3.

⁹НТГИА. Ф.189. Д.4, Л.1-3.

¹⁰НТГИА. Ф.189. Д.17, Л.1-5,5 об.

¹¹НТГИА. Ф.189. Д.28, Л.1,2.

¹²НТГИА. Ф.189, Оп.1, Д.52, Л.4, 4об, 3.

¹³НТГИА. Ф.189, Д. 53, Оп. 1, Л.2,3.

¹⁴НТГИА. Ф.189, Д. 41, Оп. 1, Л.3,3 об.

¹⁵НТГИА. Ф.189, Д. 46, Оп. 1, Л.6.

Скробов Виктор Семёнович

Исследование военно-исторического опыта Гражданской войны на Урале в научной литературе 1956 - 1986 гг.

В настоящей публикации автор намерен продолжить освещение боевого опыта, приобретённого на Урале обеими противоборствующими сторонами в годы Гражданской войны. Объектом исследования является научная литература 1956-1986 годов издания. В имеющихся на данную тему историографических работах

оперативно-тактический и стратегический опыт военных действий освещён фрагментарно, в качестве второстепенного объекта изучения.

Дальнейшее развитие военно-исторической тематика Гражданской войны на Урале получила в 1956-1986 гг. Конкретные её сюжеты освещались как в обобщающих трудах, так и в специальных работах. Обратимся вначале к трудам по истории Гражданской войны в целом.

При активном, в большинстве случаев определяющем участии военных историков Москвы, увидели свет весьма содержательные научные исследования. Было завершено многотомное издание «История Гражданской войны в СССР». Первые два тома этого труда вышли в свет ещё в предшествующий период, в 1935 и 1942 годах, последующие – 3, 4, 5 тома – в 1957-1960 годах. В трёх последних томах освещались военные события в стране после победы Великой Октябрьской социалистической революции до октября 1922 года. Именно в них раскрыто содержание основных этапов Гражданской войны на территории всей страны, включая Урал, дана характеристика наиболее крупных операций Красной Армии.

В третьем и четвёртом томах этого фундаментального издания имеются новые научные сведения о вооружённом противоборстве на Урале. Они свидетельствуют об особенностях борьбы с белоказаками в Оренбургской губернии, о первых боях с чехословацкими легионерами, о длительных и напряжённых военных действиях Красной Армии против вооружённых сил адмирала Колчака. Характерно, что уральская персоналия пополнилась рядом имён активных участников Гражданской войны, предпринята попытка раскрыть их военное искусство и тактическое мастерство. Руководителями авторских коллективов этих томов явились авторитетные учёные нашей страны: Ю.П. Петров (3-й том), С.Н. Шишкин (4-й том), Н.Ф. Кузьмин (5-й том).

Издание заключительных томов «История Гражданской войны в СССР» по времени совпало с выходом в свет авторских работ на данную тему¹. Их авторы: Г.Г.Алахвердов, А.Е.Антонов, Г.В.Кузьмин, Н.Ф. Кузьмин, С.Ф.Найда, М.В.Рыбаков, Л.М.Спирин, Н.И.Шатагин – сумели не только в яркой, образной форме дать краткое изложение фундаментального пятитомного труда по истории Гражданской войны, но и по ряду важных сюжетов темы высказать

личную точку зрения, сформулировать новые положения. Написанные в связи с этим книги С.Ф.Найды, А.Е.Антонова, Г.В.Кузьмина явились шагом вперёд в изучении вооружённой борьбы на фронтах Гражданской войны.

В начале 1960-х годов в ведущих военных академиях страны были подготовлены пособия по истории войн и военного искусства. Авторские коллективы этих изданий возглавили крупные военачальники Советской Армии: Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян, Главный маршал бронетанковых войск, доктор военных наук П.А.Ротмистров, а также авторитетные военные историки И.Е.Крупченко, В.Г.Позняк, А.А.Строков. Эти работы были существенно дополнены исследованиями по истории оперативного искусства и стратегии. Труд по стратегии вышел под редакцией видного полководца периода Великой Отечественной войны К.К.Рокоссовского. Книгу по истории военного искусства написал генерал-майор В.А.Семёнов. В Свердловске обобщённая работа о Гражданской войне вышла в 1969 году под редакцией видного учёного О.А.Васьковского².

Существенный вклад в изучение военно-исторического опыта Гражданской войны в целом по стране внесли научные конференции, посвящённые юбилейным датам со времени её окончания. Наиболее полно актуальные вопросы боевых действий войск и военного искусства нашли своё отражение в материалах всесоюзной научной конференции, посвящённой 50-летию окончания Гражданской войны в СССР³. Конференция состоялась в июне 1972 года в Москве. В её работе приняли активное участие военные историки, прежде всего научные сотрудники созданного в 1966 году Института военной истории.

На пленарном заседании с содержательным докладом о стратегическом руководстве вооружённой борьбой в годы Гражданской войны выступил начальник института П.А.Жилин. На конференции в числе других была создана секция, участники которой анализировали опыт боевых Красной Армии и военного искусства. С одобрением были встречены на секции научные сообщения военных историков института Н.Н.Азовцева, С.Д.Гусаревича, П.Н.Дмитриева и других. Прозвучала на конференции и местная тематика, в том числе уральская. Однако опыт вооружённого противоборства на Урале был

представлен лишь отдельными фрагментами докладов и научных сообщений⁴.

Крупным шагом вперёд в обобщении военных событий Гражданской войны явился двухтомный труд «Гражданская войны в СССР» – результат напряжённого плодотворного труда сотрудников Института военной истории под руководством Н.Н.Азовцева⁵. После длительного перерыва появилось научное исследование, в котором на строгом языке военной лексики излагаются события вооружённой борьбы в стране с октября 1917 по октябрь 1922 г. Чётко выдержан оперативно-стратегический и тактический смысл труда: в двух книгах продуманно освещается соотношение сил и планы противоборствующих сторон, конкретно раскрывается ход и исход основных операций, даётся взвешенная оценка достижениям военного искусства.

Авторы труда не ставили перед собой цель исследовать региональный аспект военной истории. Но каждый факт Гражданской войны, затронутый ими, имеет чётко выраженные временные и географические границы. Вследствие этого в данном сочинении достаточно активно и продуманно освещается уральский материал, начиная от борьбы белоказаков Оренбургской губернии и заканчивая крупными операциями Красной Армии в 1919 году, которые привели к поражению противника на территории региона.

Накануне выхода в свет второго тома «Гражданской войны в СССР» была опубликована добротная монография видного военачальника, доктора военных наук, генерала армии М.А.Гареева⁶. В книге всесторонне исследована военно-теоретическая деятельность М.В.Фрунзе, с именем которого связаны выдающиеся победы Красной Армии в годы Гражданской войны, в том числе на уральской земле. В монографии М.А.Гареева на высоком профессиональном уровне анализируются Бугурусланская, Белебейская и Уфимская операции, деятельность М.В.Фрунзе в качестве командующего Южной группой армий Восточного фронта и на посту командующего этого же фронта. М.А.Гареев особо отмечает военное искусство М.В.Фрунзе в Уфимской операции, высокий авторитет командующего в войсках, его близость к людям, личную храбрость на поле боя.

В 1970-90-х годах успешно развивалось издание военно-энциклопедических работ. За сравнительно короткий срок увидела свет «Советская военная энциклопедия» в восьми томах, выдержала переиздание энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР», был издан «Военный энциклопедический словарь»⁷. При внимательном изучении этих публикаций можно обнаружить немало конкретных и полезных сведений по истории Гражданской войны в целом и по интересующей нас теме исследования. Изложенные энциклопедически кратко, эти материалы не только обобщают предшествующие исследования, но и побуждают научную мысль двигаться дальше, ко всё более глубокому и объективному постижению истины Гражданской войны. Немало интересных фактов содержат военно-энциклопедические издания о событиях вооружённого противоборства на Урале, об операциях Красной Армии и войск Колчака, о развитии отечественного военного искусства.

В 1956-1986 годах вышло в свет большое количество трудов, в которых история Гражданской войны исследовалась по отдельным регионам страны. Их авторы, раскрывая ход военных событий, стремились показать специфику и особенности тех или иных районов. Из опубликованных работ на материалах Урала опыт военных действий затрагивается в трудах как московских, так и местных авторов. Специалистов по гражданской и военной истории. Это книги и статьи москвичей Л.М.Спирина, А.А.Спасского, А.П.Ненарокова, Г.Х.Эйхе⁸. В работах местных уральских историков, особенно в трудах доктора исторических наук, профессора Олега Андреевича Васьковского и в коллективной монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале» (Свердловск, 1969 год), в научный оборот введён большой документальный материал по теме исследования.

Позднее местные авторы опубликовали две книги «Урал в гражданской войне», «Революция защищается»⁹. Они были опубликованы в 1989 году, к 70-летию победы в Гражданской войне.

Другая группа работ освещает частные вопросы вооружённого противоборства на Урале. Это исторический очерк С.П.Кесарева, А.Н.Королёва, С.П.Пичугова «Особая бригада»¹⁰, статья С.Н.Шишкина «Об организации и проведении контрнаступления

Южной группы Восточного фронта» Автор углублённо работал над этой темой ещё в период создания академического курса истории военного искусства, увидевшего свет в 1952 году, и особенно во время подготовки четвертого тома «Истории гражданской войны в СССР», при написании которого С.Н.Шишкин возглавлял авторский коллектив. В большой по объёму статье дан обстоятельный анализ разработки плана и организационной подготовки контрнаступления, подчеркнута личная роль М.В.Фрунзе в этот напряжённый период вооружённой борьбы. С использованием дополнительного документального материала С.Н.Шишкин раскрывает каждую из операций контрнаступления Южной группы. В сложившихся схемах освещения военно-исторических фактов стало меньше субъективных оценок, больше реализма в отражении сложных и напряжённых коллизий вооружённой борьбы. Это особенно относится к Уфимской операции, упорные бои за овладение которой завершились крупным успехом советских войск Южной группы Восточного фронта¹¹.

Своеобразным продолжением данной темы явилось учебное пособие военного историка П.Ф.Ващенко, посвящённое форсированию крупной водной преграды советскими войсками в ходе Уфимской операции. Автор обстоятельно рассматривает боевые действия на подступах к реке Белая, раскрывает опыт начдива 25 стрелковой дивизии В.И.Чапаева, части которого первыми сумели преодолеть водное пространство. В этой обстановке командующий Южной группой войск М.В.Фрунзе принял решение перенести направление главного удара с правого фланга на левый, где обозначился успех 25 стрелковой дивизии. Удачно раскрыто в пособии тактическое мастерство красноармейцев этой дивизии на заключительном этапе операции. Ожесточённые контратаки противника были отбиты, цель операции достигнута: Уфа и прилегающие с востока к городу районы были очищены от белых. Контрнаступление Южной группы войск переросло в общее наступление Восточного фронта. Это и другие пособия полковника П.Ф.Ващенко служили подспорьем в профессиональном становлении военных историков, в подготовке которых он многие годы принимал непосредственное участие¹².

Существенные фрагменты интересующей нас темы затронуты в статьях-предисловиях. В начале рассматриваемого периода вышла в

свет статья активного участника Гражданской войны на Урале генерал-полковника Ф.И.Голикова. В качестве предисловия эта работа была помещена в книге известного уральского писателя П.П.Бажова «Бойцы первого призыва», опубликованной вторым изданием в 1958 году. И в статье Ф.И.Голикова, и в книге П.П.Бажова речь идёт об истории 253 и 254 стрелковых полков 29 стрелковой дивизии Третьей армии Восточного фронта. Это были стойкие боевые части, мужественно сражавшиеся на Урале в 1918–1919 годах. Но если в книге П.П.Бажова, написанной в литературно-мемуарном стиле, показан процесс формирования полков, даны яркие характеристики их бойцов и командиров, особенно в боевой обстановке, то статья Ф.И.Голикова носила совершенно иной характер. Это военно-историческое повествование, содержащее тактический анализ главным образом боевых оборонительных действий двух уральских красноармейских полков. Ф.И.Голиков, воевавший в составе 253 стрелкового полка, используя профессиональную военную лексику, раскрывает суть боевых действий в районах Егоршино, Нижнего Тагила, Кушвы, на пермском направлении. Текст статьи снабжён четырьмя схемами, дополняющими словесное описание эпизодов и фактов вооружённой борьбы¹³.

В 1965 году вышли в свет воспоминания Ф.Г.Копытова «В боях на Северном Урале». Предисловие к этой книге написал авторитетный уральский историк О.А.Васьковский. В предисловии удачно раскрыты социально-политическая и экономическая обстановки в районе боевых действий, основные этапы становления красноармейских полков, ход вооружённой борьбы на Северном Урале. Особо подчёркнута роль профессионального революционера Б.В.Дидковского в организации первых военных формирований и политическом воспитании бойцов. Предисловие О.А.Васьковского значительно повысило познавательную ценность воспоминаний Ф.Г.Копытова, внесло посильный вклад в изучение военной истории Урала, особенно в северных районах региона¹⁴.

Во второй половине 1980-х годов были опубликованы три военно-исторические статьи в качестве предисловий к сборникам документов. Содержание статей, как и самих сборников, имеет самое непосредственное отношение к Гражданской войне и военному

искусству на Урале. В лучшей из статей, принадлежащей перу доктора исторических наук, профессора Н.Н.Азовцева, проанализирована военная деятельность М.В.Фрунзе на Восточном фронте с 31 января по 15 августа 1919 года. Именно здесь, как считает Н.Н.Азовцев, раскрылся его военный талант. За полгода своего пребывания на Восточном фронте в должностях командующего армией, группой армий, а затем фронтом М.В.Фрунзе организовал и провёл ряд операций, в результате которых потерпели крупное поражение основные силы Колчака, а их остатки отброшены за Урал¹⁵.

Две другие статьи, авторами которых являются военный историк В.О.Дайнес и видный архивист Т.Ф.Каряева, обращены к документальным изданиям о Второй и Пятой армиях Восточного фронта. В лаконичной форме в статьях освещён сложный процесс формирования этих объединений, дана краткая характеристика проведённых ими операций. В их числе наиболее значительные наступательные операции на территории Урала: Белебейская, Златоустовская, Челябинская (Пятая армия), Ижевско-Воткинская, Сарапуло-Воткинская, Пермская (Кунгуро-Красноуфимская) и Екатеринбургская (Вторая армия).

Бойцы и командиры этих армий, подчёркивается в статьях В.О.Дайнеса и Т.Ф.Каряевой, продемонстрировали в ходе боевых действий высокое мастерство и личное мужество, внесли достойный вклад в развитие отечественного военного искусства. В связи с этим в предисловиях названы имена командующих армиями М.Н.Тухачевского, В.И.Шорина, начдивов В.К.Блюхера, И.К.Грязнова, А.Я.Лапина, К.А.Неймана, А.В.Павлова (Пятая армия), В.М.Азина, Г.И.Овчинникова (Вторая армия) и других видных командиров.

Обобщая наблюдения над литературой 1956-1986 годов, необходимо в качестве частного вывода отметить весьма значительный прогресс в изучении интересующей нас темы. Военные и отчасти гражданские историки с большей объективностью, с привлечением новых источников стали рассматривать ход Гражданской войны на Урале, дали посильное описание операций Красной Армии. Вместе с тем, военная история отдельных регионов не стала пока объектом пристального изучения. Ещё меньше

внимания уделялось боевым действиям и военному искусству противника Красной Армии на востоке страны¹⁶.

Обобщая итоги изучения данной темы, есть возможность отметить, что военные события на Урале в 1917-1919 гг. всё активнее привлекают внимание историков гражданского и военного профиля. Есть надежда, что полученные научные результаты в будущем найдут отражение в комплексных военно-исторических исследованиях.

Примечания:

¹Кузьмин Г.В. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. Военно-политический очерк. М., 1958.; Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории Гражданской войны в СССР. М., 1958; Краткая история Гражданской войны в СССР/Г.Г.Алахвердов, Н.Ф.Кузьмин, М.В.Рыбаков и др. М., 1960; Антонов А.Е. Боевой восемнадцатый год. Военные действия Красной Армии в 1918 – начале 1919 гг. М., 1961 и другие.

²История военного искусства: В 8 тт. М., 1960. Т.4; Васильковский О.А., Молодцыгин М.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Скробов В.С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. - Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1969, 391 с.

³50 лет разгрома интервентов и окончания Гражданской войны в СССР // Научная сессия, июнь 1972. Секция 2: Вооружённые силы Советской республики в годы Гражданской войны. М., 1972.; Из истории Гражданской войны и интервенции. 1917-1922 гг.: Сб. статей. М., 1974. В.С.Скробов. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г. - 1920 г.). Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1973, 299 с. (монография по материалам докторской диссертации).

⁴Там же.

⁵Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980-1986.

⁶Гареев М.А. М.В.Фрунзе — военный теоретик: Взгляды М.В.Фрунзе и современная военная теория. М., 1985.

⁷Советская военная энциклопедия: В 8 тт. М., 1976-1980. (Первый том энциклопедии опубликован вторым изданием в Москве в 1990 г.); Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.; Изд. 2-е. М., 1983.; Изд. 2-е. М., 1986.

⁸Спирин Л.М. Разгром белогвардейских армий на Урале летом 1919 года // Исторические записки. Т.56. М., 1956.; Он же. Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии (1918 г.) // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней

контрреволюции в 1918 г.: Сб. статей. М., 1956.; Он же. Разгром армии Колчака. М., 1957; Спасский А.А. Третья армия. Пермь, 1958.; Ненароков А.П. Восточный фронт. 1918. М., 1969.; Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.). М., 1960.; Он же. Опрокинутый тыл. М., 1966.

⁹Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале (1918-1919 гг.). Челябинск, 1958.; Васьковский О.А. Из истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1961.; Рошевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966.; Плотников И.Ф. Десять тысяч героев: Легендарный рейд уральских партизан во главе с В.К.Блюхером. М., 1967.; Он же. Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа, 1986.; Гражданская война и иностранная интервенция на Урале / О.А.Васьковский, М.А.Молодцыгин, Я.Л.Ниренбург, И.Ф.Плотников, В.С.Скоров. Свердловск, 1969.; Капцугович И.С. Прикамье в огне Гражданской войны. Пермь, 1969.; Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. Саратов, 1984.; Революция защищается: Взгляд сквозь годы / О.А.Васьковский, Б.Н.Ефремов, Я.Л.Ниренбург и др. Свердловск, 1989.; Урал в Гражданской войне / О.А.Васьковский, Я.Л.Ниренбург, И.Ф.Плотников и др. Свердловск, 1989. (В книге использованы материалы В.С.Скорова и М.А.Молодцыгина).

¹⁰Кесарев С.П., Королёв А.Н., Пичугов С.Г. Особая бригада: Исторический очерк. М., 1962.

¹¹Шишкин С.Н. Контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте против Колчака (апрель-июнь 1919 года) // Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 году: Сб. статей. М., 1960.

¹²Ващенко П.Ф. Форсирование водной преграды и овладение крупным городом с ходу соединениями Туркестанской армии в Уфимской операции. М., 1991.

¹³Голиков Ф.И. История боевых полков // Бажов П.П. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958.; Васьковский О.А. Предисловие // Копытов Ф.Г. В боях на Северном Урале. Свердловск, 1965.; Азовцев Н.Н. Предисловие // М.В.Фрунзе на Восточном фронте: Сб. документов. Куйбышев, 1985.; Дайнес В.О., Каряева Т.Ф. Предисловие // В боях рождённая: Боевой путь Пятой армии (1918-1920): Сб. документов. Иркутск, 1985.; Они же. Предисловие // Вторая армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918-1919: Документы, Устинов, 1987.

^{14, 16}Там же.

¹⁵Азовцев Н.Н. Предисловие // М.В.Фрунзе на Восточном фронте: Сб. документов. Куйбышев, 1985. С.14.

Наеждинск под властью белых

11 октября 1918 года, в виду приближения белых частей к Надеждинску (ныне город Серов Свердловской области), Надеждинский Военно-революционный комитет эвакуировался в Пермь. Вместе с ним из посёлка уехали все советские активисты. Рабочим завода из кассы Совета была выплачена материальная помощь в размере месячного заработка. Правопорядок в посёлке поддерживал до прихода новой власти Союз металлистов: на общем собрании жителей посёлка, созванном по инициативе профсоюза, был организован небольшой отряд самообороны во главе с И.В.Чазовым и Калмыковым.

Приказ о занятии Надеждинска подпоручик И.С.Шнеур, командовавший ротой 16-го Ишимского полка получил ещё 25 сентября, будучи в Туринске, где размещался штаб полка. В приказе говорилось: «Командиру 3-й роты Особого назначения подпоручику Ивану Степановичу Шнеур. Настоящим Вы командуетесь в Ново-Лялинский, Лобвинский, Надеждинский и другие заводы Верхотурского уезда для восстановления демократической народной власти и порядка в указанных заводах и селениях и для борьбы с насильниками большевиками. В пределах указанного выше Вы обладаете полнотой военной власти. Начальник штаба капитан Казагранди»¹. Отряд подпоручика из Туринска выдвинулся по берегу реки Туры, с боями прошёл к Верхотурью, вступил в город вместе с частями Северной правофланговой группировки Сибирской армии. Продолжая наступление в северном направлении по железной дороге, 20 октября 1918 года занял Надеждинский завод. Отряд Шнеура насчитывал 40 человек. На железнодорожном вокзале белых встречали представители волостного земства и общественности. Надо сказать – встреча носила довольно тёплый характер. Поскольку посёлок был административным центром Богословского Горного Округа, то здесь в доме бывшего директора сталерельсового завода барона Е.А.Таубе (ул. Загородка, 7) расположилось комендантское управление округа. Первым военным комендантом приказом

Н.Н.Казагранди назначили подпоручика Переверзева из 16-го Ишимского стрелкового полка. Для поддержания общественного порядка вновь возрождалась милиция. Её деятельностью до середины ноября руководил И.В.Чазов, после него подпоручик Михаил Соловьёв. В рядах белой милиции служили, как правило, добровольцы из числа надеждинцев, имевших опыт подобной работы в период Временного правительства. Помощником начальника был Герман Иванович Рагозин, должность пеших стражников исполняли Фёдор Тюрин, Фёдор Князев, Аким Дормидонтов, Константин Опарин, Анисифор Зыков, Хайбула Зайнуллин, Елиферий Булаев, Иван Симонов, Харитон Фролов, Афанасий Дубовцев, Никифор Васильев, Егор Баяндин, Пётр Протопопов, Исаак Пермьяков, Михаил Якимов, Иван Кокорин, Ефим Паршуков, Максим Иванов, Степан Журавлёв, Илларион Сёмин, Николай Варанкин, Иван Соколов, Досифей Рагозин, Михаил Рагозин, конным стражником нёс службу Лука Постников². Наружным отличием милиционера служила нарукавная белая повязка на левой руке с надписью «Милиционер №...» и названием населённого пункта. Повязка надевалась только на время службы. В штате милиции состояло 4 старших милиционера с окладом 400 рублей в месяц, 32 пеших стражника с окладом 300 рублей и 13 конных милиционеров с окладом 500 рублей. Начальник милиции имел жалование 550 рублей, его помощник – 450. Все расходы по содержанию милиции несла администрация округа³. Милиция занимала здание, принадлежавшее ранее полиции и жандармерии (ныне – ул.Агломератчиков, дом 51).

Надеждинский завод был очень важен для белых своим военно-производственным потенциалом, нормализации его деятельности придавалось огромное значение. Поэтому на местах военные власти решили оставить прежнюю администрацию. В циркуляре управляющего округом Дорогова говорилось: «...продолжаю оставаться управляющим округом впредь до возвращения законных хозяев БГО. Предлагаю всем заведующим заводами, цехами, отделами, служащим и рабочим оставаться на своих должностях. Деловые Советы в силу приказа №1 упраздняются, цеховые комитеты остаются в тех пределах, кои существовали до октябрьского переворота. Приглашаю всех рабочих и служащих спокойно продолжать работы. Прошу верить, что все меры к улучшению

продовольственного вопроса в пределах возможного будут приняты»⁴. С целью скорейшего налаживания военного производства Сергей Николаевич пригласил в Надеждинск известного инженера-металлурга В.Е.Грум-Гржимайло. Владимиру Ефимовичу совместно со специалистами завода в марте 1919 года удалось наладить выпуск снарядов.

Восстанавливались дореволюционный порядок и дисциплина: рабочий день с 8 до 12 часов дня и с 2 до 6 часов вечера круглый год кроме праздников; в субботные дни и в кануны церковных праздников рабочий день сокращался на 1 час, то есть до 5 вечера. Работа в праздничные дни оплачивалась в полуторном или двойном размере, кроме непрерывно действующих цехов. Рабочий контроль упразднился, работа профсоюзов разрешалась, но не на средства заводууправления, входить в профком бывшим членам Надеждинского Совета запрещалось. Приём и увольнение служащих и рабочих вновь становились единоличной прерогативой администрации, но с соблюдением установленных законов. Лица, виновные в насилии над членами администрации, помимо привлечения к суду, увольнялись с предприятия. Все случаи нарушения прав работающих рассматривались по заявлениям профсоюзов примирительной комиссией. Расценки сдельных работ устанавливались администрацией на основании статистических данных о прежней работе предприятия, с учётом современного состояния оборудования и мнения цехового комитета.

Важнейшей проблемой оставался продовольственный вопрос. Администрация округа принимала все меры для его разрешения. От штаба фронта было доставлено 1000 пудов зерна, получено разрешение начальника 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора Вержбицкого беспрепятственно закупать продукты по вольным ценам и на обмен товаров, как в Верхотурском уезде, так и по всей Сибири, для чего учреждено постоянное агентство и к Верхотурию послан обоз в 65 лошадей. С той же целью вниз по Сосьве отправлен пароход с баржей. Осуществлением закупки продовольствия могли заниматься представители цехов и отделов под контролем продовольственного отдела, для них штабом дивизии выдавались удостоверения. Прибывающее в округ продовольствие распределялось прежде всего по цехам, работающим на военное

ведомство, затем в непрерывно работающих цехах и отделах. Для учёта и контроля распределения продовольствия среди населения вводились индивидуальные продовольственные книжки, в которых при получении пайка вырезались соответствующие купоны. Помимо продовольственного пайка рабочие и служащие могли покупать муку по льготным ценам. Этим правом пользовались жена, дети, отец, мать и другие члены семьи, находившиеся на иждивении работающего.

С уходом большевиков возобновилась деятельность волостного земства. Уже 17 октября состоялось 14-е чрезвычайное земское собрание. На заседание прибыло 26 гласных: Соловьёв, Фурин, Клёнов, Попов, Березин, Перетягин, Землянов, Едигарьев, Миронов, Коробейников, Ведерников, Тяжелников, Медянкин, Климентьев, Типикин, Кодолов, Божин, Савинов, Собенина, Рябов, Лопатина, Зоткин, Кучин, Спасов, Морозов, Клинберг. В 8 часов вечера земское собрание открыл его председатель П.С.Соловьёв. Заместителем председателя земского собрания избрали учителя С.И.Перетягина, секретарём П.Э.Горна. Председателем земской управы стал А.М.Клёнов (техник, уроженец Турьинских рудников), членами управы – А.Ф.Божин (рабочий), П.Т.Березин (литейщик), В.М.Александров (служащий), Я.А.Типикин (монтёр). Председатель волостной земской управы имел оклад 750 рублей в месяц, члены управы – 700 рублей. После выборов руководства сформировали профильные комитеты и комиссии. В продовольственный комитет вошли Ф.Ф.Коробейников (председатель), С.И.Перетягин, В.В.Лопатин. Земельный комитет составили гласные А.К.Медянкин (председатель), А.В.Климов, В.И.Барабанов, Е.Ш.Морозов, М.Я.Миронов. Попечительство по призрению утвердили в старом составе: священник Александр Мещеряков (председатель), Н.Г.Собенин, В.С.Кондратьев⁵. Ввиду отсутствия мирового судьи Козлова его обязанности возложили на В.И.Кучина, заседателями выбрали А.Н.Лопатина и Е.М.Морозова. Вступая в должность председателя волостной земской управы Клёнов принёс присягу: «Клянусь честью гражданина и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Русского государства. Обязуюсь повиноваться Временному

правительству, ныне возглавляемому Российское государство впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания. Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно пользу государства, и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг гражданина перед Отечеством. Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым и не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключении данной клятвы осеняю себя крестным знамением»⁶. Собрание приняло решение довести до населения постановление Сибирского правительства о возвращении конфискованного имущества прежним владельцам. Реализацией данного постановления занималась комиссия по возвращению предприятий и имуществ, захваченных в период Советской власти в составе председателя В.Н.Попова, А.Ф.Божина, В.С.Тяжельникова. Однако, на практике, надеждинское земство прежних прав не получило, его деятельность контролировалась военными властями округа. Восстанавливалась частная собственность, свобода торговли, в том числе сельскохозяйственной продукцией. Лица, желавшие пользоваться землей, должны были подавать заявление в волостную управу. В нём указывалось место расположения земельного участка, размер и под какой вид пользования он предназначался. Желавшие приобрести семена вносили плату в кассу управы: за пуд ржи и ячменя – 60 рублей, пуд пшеницы – 65 рублей и пуд овса – 26 рублей. Семена доставлялись на место представителем управы, разница в цене при получении семян в ту или другую сторону возмещалась.

В целом на Урале проводились в жизнь законы эсеров-кадетских Омского (Сибирского) и Уральского правительств, провозгласивших разгром большевизма и возвращение к порядкам периода Временного правительства. В условиях военного времени постановлением Сибирского правительства от 20 июня 1918 года в губерниях, уездах и заводских посёлках, занятых Сибирской армией, создавались следственные комиссии с чрезвычайными судебными полномочиями. Такая комиссия санкционировала проведение обысков, арестов, занималась контрразведывательной деятельностью, выявляла

большевистские подпольные организации, устанавливала лиц, принадлежавших к руководству РСДРП (б), левым эсерам, анархистам, командному составу РККА, пресекала саботаж и выносила приговоры, подменяя собой органы правосудия. Этим учреждениям предписывалось проведение активных мер с целью упреждения противоправительственных выступлений населения. Меры наказания удваивались против обычных.

В Надеждинске следственная комиссия была организована 5 ноября 1918 года на заседании очередного земского собрания. От земства в неё вошли гласные П.А.Савинов, П.С.Соловьёв, В.Ф.Климентьев. В случае болезни или отсутствия кого-либо из членов комиссии их могли заменить гласные Рябов, Ведерников, Спиридонов. В работе комиссии также принимали участие начальник милиции, его заместитель, помощник начальника комендантского управления и командир комендантской роты. Руководителем комиссии был военный комендант БГО. Поочерёдно эту должность занимали подпоручик Переверзев, поручик М.Соловьёв, корнет Н.Н.Мензелинцев, поручик С.Н.Бухман. Оперативно-розыскные мероприятия проводились силами милиции. Помощь в выявлении советских активистов властям оказывали местные жители, особенно пострадавшие в период правления большевиков. 30 декабря избрали новый состав комиссии. В него вошли: от населения – С.П.Кашанин, Е.Г.Ляченков, И.Е.Едигарьев, К.Г.Силин; от земского собрания – Спасов, Ф.Ф.Коробейников, Морозов, от купечества – Ф.Ф.Богатырёв, Д.П.Макурин, Я.П.Берстенёв, Л.Е.Карпов. Представители военных остались в прежнем составе⁷. Вынося смертные приговоры, комиссия руководствовалась приказом по военному ведомству Сибирского правительства от 19 сентября 1918 года, согласно которому все граждане, живущие в районе дислокации войск Сибирской армии, подлежали смертной казни по законам военного времени за совершение следующих преступлений:

- 1.Участие в вооружённом восстании против существующего правительства или призыв к таковому.

- 2.Умышленный поджог, истребление, приведение в негодность воинского снаряжения, оружия, средств нападения и защиты, запасов продовольствия и фуража.

3. Умышленное истребление и повреждение водопроводов, мостов, плотин, шлюзов, колодцев, бродов и иных средств, назначенных для передвижения, переправы, судоходства, предупреждения наводнения или необходимых для снабжения водою.

4. Умышленное истребление и повреждение всякого рода телеграфов, телефонов или иных аппаратов, назначенных для передачи известий.

5. Умышленное повреждение железнодорожных сооружений, пути, подвижного состава и установленных знаков для железнодорожного движения и на водных путях.

6. Вооружённое нападение на места заключения, часового, военный караул и всякого рода стражи, вооружённое сопротивление караулу и всякого рода страже.

7. Умышленное убийство, а также покушение на убийство должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей;

8. Изнасилование, разбой, умышленный поджог или потопление чужого имущества⁸.

В период с октября 1918 по июль 1919 года в Надеждинске было казнено 35 человек, из них 29 по приговору следственной комиссии. По воспоминаниям рабочих И.Г.Тукачёва и В.М.Кузнецова расстрелы производились на восточной окраине посёлка, недалеко от татарского кладбища отделением Анатолия Минакова из состава комендантской роты. Насколько эти данные соответствуют истине – судить трудно. Что касается самого Минакова, то он 2 января 1920 году был арестован уездной милицией, содержался в верхотурской тюрьме, откуда вышел на свободу 26 января без предъявления какого-либо обвинения⁹. Среди казнённых – жители Надеждинска, села Филькино, Петропавловского завода (Североуральск): С.А.Барышева (подпольщика), Михаил Петрович Брызгалов (большевик, участник подполья, расстрелян 3 декабря 1918 года), Ю.М.Денисов (командир Красной армии, участник подавления крестьянских восстаний в уезде летом 1918 года), Алексей Дмитриевич Емельянов (большевик, рабочий, боец продовольственного отряда, расстрелян 12 ноября 1918 года), Илья Разумович Ендальцев (большевик, слесарь, хозяин явочной квартиры, расстрелян 4 декабря 1918 года), Иван Никитич Исаев (большевик, распространял нелегальную литературу, расстрелян 17 декабря 1918 года), Александр Степанович Касаткин

(красногвардеец, участник матросско-солдатского отряда Горбунова, расстрелян 20 ноября 1918 года), Сергей Капитонович Карачёв (красногвардеец, участник подавления крестьянских восстаний в уезде летом 1918 года, расстрелян 20 ноября 1918 года), Дмитрий Фёдорович Калганов (левый эсер, красногвардеец, участник подавления восстания в Никито-Ивделе), Дмитрий Федотович Козлов (левый эсер, распространял антиправительственные воззвания среди рабочих завода, расстрелян 21 ноября 1918 года), Н.Н.Кокорин (левый эсер, подпольщик, работник биржи труда), Мечислав Феликсович Ледохович (один из руководителей уездного комитета партии левых эсеров, рабочий рельсопрокатного цеха, расстрелян 20 ноября 1918 года), В.П.Мурашов (комиссар продовольственного отряда), П.А.Обрезков (красногвардеец), Прокопий Петрович Пospelов (большевик, член Надеждинского Совета, заместитель волостного военного комиссара, расстрелян 12 ноября 1918 года), Григорий Зиновьевич Порошин (левый эсер, служащий Общества потребителей, заместитель начальника продовольственного отдела окружного Совета, расстрелян в октябре 1918 года), Алексей Николаевич Смольников (большевик, казначей исполкома окружного Совета, расстрелян 22 ноября 1918 года), Зосим Максимович Сунцов (рабочий рельсопрокатного цеха, красногвардеец отряда Заславского, расстрелян 6 января 1919 года), Александр Иванович Ченцов (рабочий сортопрокатного цеха, красногвардеец матросско-солдатского отряда Горбунова, расстрелян 20 ноября 1918 года), А.Н.Огородников (большевик, член исполкома Надеждинского Совета), Павел Иванович Палехов (начальник продовольственного отдела Петропавловского Совета, расстрелян в декабре 1918 года), Павел Геронтьевич Баянов (председатель исполкома Петропавловского Совета, расстрелян в декабре 1918 года), Николай Григорьевич Кузнецов (начальник земельного отдела Петропавловского Совета, расстрелян в декабре 1918 года), Павел Павлович Ожегов (член исполкома Петропавловского Совета, председатель общества потребителей, расстрелян в декабре 1918 года), Николай Михайлович Паршуков (член исполкома Петропавловского Совета, начальник советской милиции, расстрелян в декабре 1918 года), Иван Михайлович Дерябин (начальник финансового отдела Петропавловского Совета, расстрелян в декабре 1918 года),

Е.В.Некрасов (председатель земельной комиссии Филькинского сельского Совета), Алексей Путилов (комиссар по продовольствию Филькинского сельского Совета), Василий Алексеевич Землянов (комиссар по управлению делами национализированного БГО), Василий Семёнович Коптяков (расстрелян 17 октября 1918 года), Михаил Спиридонов (расстрелян 14 октября 1918 года), Михаил Михайлович Агафонов (расстрелян 5 марта 1919 года), Василий Макарович Путятин (расстрелян 1 марта 1919 года), Константин Валерьянович Виноградов (комиссар юстиции окружного Совета, участник подавления Ивдельского восстания), Николай Михайлович Дёминцев (расстрелян 9 января 1919 года). Даты казни приведены по старому стилю в соответствии с записями в метрических книгах Спасо-Преображенского собора. После ухода белых из Надеждинска на месте братской могилы казнённых возвели деревянный обелиск в память жертв белого террора. В 1957 году деревянный памятник заменили на кирпичный, а в 1987 году на средства механического завода провели реконструкцию, создав мемориальный комплекс на улице Февральской революции.

Репрессиям со стороны белых подвергались и земские деятели. Так, в конце октября уездной следственной комиссией по обвинению в сотрудничестве с Советской властью был арестован председатель земельного комитета А.К.Медянкин. К чести Надеждинского земства, коллеги взяли его под защиту, направив в адрес комиссии ходатайство: «Не отрицая факта пребывания Медянкина на посту комиссара земледелия в период Советской власти, Надеждинское волостное земское собрание считает своим долгом указать, что деятельность обвиняемого протекала в рамках постоянного противоречия программе Советов. Участие Медянкина в советской работе было вызвано исключительной необходимостью сохранить положение в области земельного и лесного хозяйства, каковые были созданы при земстве до разгона последнего. Являясь почти единственным представителем крестьянского населения, гражданин Медянкин на выборах как в волостное, так и в уездное земство, шёл в списке социал-демократов-меньшевиков и из партии до настоящего времени не выходил. В партии большевиков-коммунистов не состоял. За время пребывания в Совете с апреля по сентябрь 1918 года проводил основную задачу земельных комитетов – подготовку

материала к Учредительному Собранию путём собирания планов данных и производства межевой съёмки независимо от декретов, считая, что Советская власть непрочна. Кроме того, вопреки основной точке зрения большевизма пролетаризации населения, Медянкин является одним из инициаторов укрепления собственности путём создания в Надеждинске сельского общества, которое в настоящее время утверждено земским собранием. Поэтому земское собрание не считает гражданина Медянкина вредным или опасным для государственного порядка и спокойствия, наоборот считает его необходимым, как знатока в области земельного и лесного хозяйства Надеждинской волости»¹⁰. Заступничество земства сыграло свою положительную роль. Спустя некоторое время Алексей Кузьмич был освобождён.

В декабре 1918 года взяли под стражу председателя волостной управы Клёнова и члена управы В.М.Александрова. Обязанности председателя управы до 20 января 1919 года исполнял гласный А.Ф.Божин. Чтобы добиться освобождения арестованных председатель волостного земского собрания П.С.Соловьёв обращался за содействием к начальнику Северной группы правительственных войск Казагранди.

Большое внимание военные власти уделяли комплектованию армии рядовым и унтер-офицерским составом, как из числа добровольцев, так и на основе мобилизации. В одном из обращений коменданта БГО подпоручика Переверзева к населению говорилось: «Вновь формируемому 7-му Уральскому кадровому горных стрелков полку, расположенному в городе Екатеринбурге, требуются старшие и младшие унтер-офицеры и фельдфебеля, знающие строевую службу и уставы, а также солдаты, рядовые и ефрейтора, имеющие георгиевские знаки отличия или окончившие учебную команду с представлением соответствующих документов. Условия службы: 1)обязательно прослужить в полку не менее 6-ти месяцев, в чём отбирается присяжная записка, 2)беспрекословно подчиняться и соблюдать воинскую дисциплину, 3)во время службы в войсках безусловно не допускается участие в политических партиях и организациях, 4)поступившие не будут переводимы в действующие на фронте войска, если не заявят в том желания письменно, 5)жалование в месяц: фельдфебелю – 300 рублей, младшему унтер-

офицеру – 200 рублей, старшему – 250 рублей. Кроме того, семейные получают ежемесячно по 100 рублей пособие на семью, б)поступившие имеют помещение в казарме и получают полное довольствие солдата и обмундирование, 7)принимаются на службу раненые, контуженные и инвалиды, у которых ранения не мешают быть обучающими или не мешают службе»¹¹.

Выполнение мобилизационных мероприятий возлагалось на уездных воинских начальников. Те, в свою очередь, опирались на помощь волостных земских управ. Юноши, достигнув призывного возраста, обязаны были регистрироваться в волостной управе. При объявлении мобилизации Надеждинская волостная управа предоставляла в уездное воинское присутствие именные списки новобранцев с указанием места жительства. Призывы в Белую армию проводились довольно часто, о чём население узнавало из приказов военного руководства. В качестве примера приведём один из них: «На основании приказа по войскам Сибирской армии от 28 января 1919 года за №29 за подписью командующего генерал-лейтенанта Р.Гайды:

1.Призываются на срок 6 месяцев в войска все граждане, окончившие не менее четырёх классов учебных заведений, от 18 до 25 лет, хотя и состоящие в учебных заведениях ко дню объявления мобилизации и имеющие отсрочки для окончания образования;

2.Призываемые обязаны непременно явиться на сборный пункт в город Верхотурье к 9 часам утра 2 февраля нового стиля 1919 года, имея при себе документы об образовании и взяв с собой тёплую одежду, валенки или тёплые сапоги и три пары белья. От призыва освобождаются служащие на железных дорогах и работающие на заводах, выполняющих военные заказы, они должны зарегистрироваться в Управлении Верхотурского уездного воинского начальника, для чего обязаны также явиться на сборный пункт к указанному числу, имея при себе от надлежащего начальства удостоверение о занимаемой должности.

3.Уклоняющиеся от призыва будут предаваться военно-полевому суду»¹².

Основная часть поступавших на военную службу зачислялась в 16-й Ишимский стрелковый полк, формировавшийся, в основном, на территории Верхотурского уезда. В ходе мобилизации из надеждинцев была сформирована 9-я рота, в которой служили: писарь

Отрадных Василий Николаевич (1895 г.р., уроженец села Филькино), санитар Поляков Павел Александрович (участник Первой мировой войны, на фронте с 1915 года), рядовые стрелки Подкин Иван Дмитриевич, Меренков Алексей Иванович, Филатов, Мельников, Куприянов, Рыбаков, поручик Засухин, прапорщик Прохоров. Командовал ротой капитан Яков Михайлович Чертищев, уроженец Надеждинска. Он родился 9 октября 1893 года в семье торговца. На военной службе с 15 сентября 1914 года. Служил в 6-й роте 139-го запасного пехотного полка. В мае 1915 года окончил 1-ю Одесскую школу прапорщиков. На фронте с сентября 1915 года. Награждён орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Из армии демобилизован 4 апреля 1918 года, после чего вернулся в Надеждинск. 21 октября 1918 года мобилизован временным Сибирским правительством и назначен в 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк. С 24 ноября командир 9-й роты полка. В наградном листе на штабс-капитана Чертищева, представленного за боевые отличия к производству в чин капитана, записано: «В бою под Верхне-Туринским заводом 4 декабря 1918 года, командуя головной из атакующих рот, штабс-капитан Чертищев под сильным ружейным и пулемётным огнём увлекал бойцов личным примером, штыковым ударом выбил противника с завода. Результатом боя было около 100 человек пленных, пулемёты, винтовки и снаряжение»¹³.

Одновременно с мобилизационными мероприятиями полковнику Пятницкому и коменданту БГО поручику Соловьёву предписывалось бороться с дезертирством. В своей деятельности они руководствовались приказом командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Гайды от 8 марта 1919 года, в котором говорилось: «В последнее время замечаются в больших размерах самовольные отлучки и дезертирство солдат из войсковых частей. Поэтому приказываю:

1) Из солдат, самовольно отлучившихся до 2 марта и добровольно явившихся к 15 марта сформировать дисциплинарный батальон и отправить его на фронт к генералу Гривину на исправление. Всех самовольно отлучившихся после 2 марта и всех не явившихся к 15 марта, предавать военно-полевому суду, по приговору которого и

расстреливать. Точно также поступать и с дезертирами, принадлежащими к частям Западной армии.

2) Всем волостям немедленно выяснить число и местонахождение дезертиров, кои арестовать и препроводить в Екатеринбург к Воинскому начальнику.

3) Все лица, укрывающие дезертиров, совершают тяжёлое преступление перед Родиной, поэтому приказываю подобных лиц предавать военно-полевому суду, заключать на каторгу до 10-ти лет и конфисковывать их имущество.

4) Ответственные лица в волостях, кои не примут никаких мер для обнаружения находящихся в их волостях дезертиров, будут преданы военно-полевому суду и наказаны по всем строгостям законов военного времени»¹⁴.

Уполномоченным командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Екатеринбургском, Пермском, Кунгурском, Шадринском, Красноуфимском, Ирбитском и Верхотурском уездах генерал-майором Домонтовичем строго предписывалось начальникам гарнизонов, комендантам, милиции и всем должностным лицам вверенного ему района следить за точным исполнением и проведением в жизнь данного приказа, принимая меры к выявлению и задержанию дезертиров. Доставка арестованных к уездным воинским начальникам осуществлялась пешим порядком и на подводах родственников или их укрывателей, которые также несли расходы по перевозке и довольствию задержанных.

На территориях, занятых белыми, включая Верхотурский уезд, стали активно распространяться слухи о якобы грядущем перемирии противоборствующих сторон. В связи с этим появился приказ Верховного Правителя России адмирала Колчака от 26 января 1919 года, обязывающий военные и гражданские власти на местах довести до сведения населения следующее: «Объявляю всем войскам, что указанные слухи изменники распространяют с провокационной целью, чтобы ослабить наши силы. Не может быть никакого перемирия между нашими войсками, защищающими жизнь, благополучие и верования всего русского народа, и красноармейцами, шайками изменников, погубившими свою родную страну, ограбившими всё народное имущество, надругавшимися над нашей

верой и святынями. Не может быть согласия между нашим правительством, отстаивающим право справедливости и счастье народа, с засевшими в Святом Кремле Московском комиссарами, которые задались одной целью – уничтожить нашу Родину Россию и истребить наш народ. Можно вступить в переговоры со всеми народностями России, у которых временно образовались особые правительства, и верить, что с ними можно придти к братскому и полюбовному соглашению, которого мы искренно желаем. Но с бесчестными и преступными большевиками, их представителями, убийцами, мошенниками, для которых ни законы, ни договоры не писаны – разговаривать не приходится»¹⁵.

В результате контрнаступления красных в сентябре-октябре 1918 года белые оставили Казань, Симбирск, Самару. Поражения на фронте во многом предрешили судьбу Директории – Временного Всероссийского правительства, избранного 23 сентября 1918 года на Уфимском Государственном Собрании. В военных кругах, недовольных нерешительными действиями Директории, сложился заговор, завершившийся 18 ноября правительственным переворотом, в ходе которого Совет Министров, опираясь на помощь армии, разогнал Директорию, провозгласив адмирала Колчака Верховным Правителем России и главнокомандующим всеми белогвардейскими войсками. Придя к власти, Александр Васильевич обратился к населению России со следующим заявлением: «18 ноября 1918 года Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет Министров принял всю полноту власти и передал её мне, адмиралу Русского Флота, Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной Армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашённые по всему миру. Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам»¹⁶. На местах к жителям уездов с извещениями о перевороте обращались военные власти. Так, по городу Верхотурию и уезду был издан приказ №4 от

20 ноября 1918 года, в котором начальник Северной боевой колонны правительственных войск капитан Н.Н.Казагранди объявил о своей поддержке Колчака и предупредил, что любое выступление против новой власти будет пресекаться.

С захватом Надеждинска части Сибирской армии получили возможность дальнейшего продвижения на север к Сибиряковской дороге с целью соединения с архангельской группой генерала Е.К.Миллера. Выполнение этой миссии капитан Казагранди возложил на специально созданный им отряд Особого назначения корнета князя Вяземского, который в конце ноября прибыл в Надеждинск. Здесь дружина, пополнившись боезапасом, медикаментами, продовольствием и гужевым транспортом, направилась в Никито-Ивдель, к месту постоянной дислокации. Вяземскому предписывалось установить контроль над Сибиряковской дорогой. Этим путём белые собирались вывозить продовольствие и другие товары из Сибири на архангельский север, а оттуда на международные рынки. В советское время деятельность отряда Вяземского местные краеведы связывали с репрессиями советских работников и называли его карательным. Именно ему приписывали казнь 23-х человек в ночь на 21 ноября 1918 года. На самом деле он к расстрелам не имел никакого отношения и казни производились не в один день, а в течение всего времени пребывания белых в посёлке. Факт массового расстрела 21 ноября архивными данными не подтверждается. К сожалению, легенда о «карателе Вяземском» до сих пор повторяется некоторыми современными исследователями в своих работах.

В конце ноября 1918 года подпоручика Переверзева, как офицера обладающего боевым опытом, отозвали на фронт в свою часть, в 16-й Ишимский стрелковый полк. Освободившуюся вакансию коменданта БГО 9 декабря занял подпоручик Соловьёв, начальником милиции вместо него стал подпоручик Злыгостев, бывший прежде заместителем Соловьёва. Новый комендант издал приказ о возвращении конфискованного большевистской властью имущества прежним владельцам. На коменданта возлагались обязанности следить за санитарным состоянием селений округа, принимать меры карантинного характера, координировать деятельность милиции и военно-следственной комиссии, контролировать количество огнестрельного оружия у населения, вводить комендантский час,

организовывать мобилизацию в действующую армию. Как представитель военной власти, на время мобилизации комендант имел право запретить продажу и распитие в общественных местах и на улице вина, пива и прочих спиртных напитков. Как и Переверзев, Соловьёв был офицером 16-го Ишимского стрелкового полка, да и само штатное расписание комендатуры напоминало военную структуру. Здесь служили помощник коменданта – начальник комендантской роты подпрапорщик Арапов, делопроизводители – чиновники военного времени Кузнецов, Гурьев и Савин, две машинистки и две телефонистки. При комендатуре несла службу комендантская рота в количестве 20 человек, выполнявшая функцию местного гарнизона. В роте служили М.Г.Еремеев, Р.Д.Постников, С.В.Морозков, Н.Рагозин, А.Т.Постников.

В середине декабря из штаба Сибирской армии на завод поступил военный заказ: бронировать один паровоз для бронепоезда №1, действовавшего на Горнозаводской линии в направлении Кушва-Чусовая. Броневой материал для проведения работ доставили из Екатеринбурга, проект бронирования разработали местные инженеры-механики. Кроме того, требовалось оборудовать пять железных американских платформ для блиндированных составов. Стенки платформ усиливались дополнительным слоем песка и обшивались внутри деревом, снаружи – котельным железом; потолки укреплялись против шрапнельного огня; каждый вагон, помимо отверстий для стрельбы, оборудовался двумя пулемётными гнёздами; вагоны должны были сообщаться между собой; в каждом вагоне устанавливались две лёгкие печи и нары на 30 человек. Проект блиндирования опять же выполнили на заводе. Из подготовленных и уже имеющихся на заводе платформ сформировали два блиндированных состава. Каждый состоял из бронированного паровоза и четырёх платформ с рупорной, звонковой и телефонной связью. Не забыли и о вагоне-кухне, где установили котлы для супа и каши на 230 человек, кипятильник, резервуар для запаса воды, стол для резки мяса и сдвоенную полку для кашеваров.

Контроль за выполнением военного заказа возлагался на коменданта БГО. Однако болезнь Соловьёва не позволяла в полной мере его обеспечить. В сложившихся обстоятельствах и в виду серьёзности положения командир Северной группы войск капитан

Н.Н.Казагранди временно отстранил Михаила Соловьёва от занимаемой должности, назначив 25 декабря 1918 года вместо него коменданта Верхотурья корнета Н.Н.Мензелинцев. Распоряжения нового коменданта свидетельствовали о всё более жестких мерах контроля над населением, что объяснялось, конечно, важностью для власти военного производства в БГО и прежде всего в Надеждинском заводе. По приказу Мензелинцева граждан обязывали в 3-х дневный срок сдать всё имеющееся на руках огнестрельное нарезное оружие и взрывчатые вещества. Воспрещались без особого разрешения собрания и вечера; запрещалось укрывать советских активистов, за что можно было попасть под военно-полевой суд. Расстрел грозил любому, кто бы позволил себе агитацию и выступление против существующей власти Верховного Правителя.

В то же время новая военная власть предпринимает попытки по мере возможности обеспечить безопасность населения от противоправных действий различных экстремистов, которых хватало как у красных, так и у белых. Перед новым годом появляется приказ №2, согласно которому все прибывающие в Надеждинский завод офицеры, чиновники и солдаты должны были регистрироваться в комендантском управлении, без этой отметки всем домовладельцам и квартирохозяевам запрещалось принимать их на проживание. Все аресты и обыски осуществлялись только с разрешения коменданта и по ордеру комендантского управления с печатью и номером, а в других населённых пунктах БГО с разрешения начальников милиции, все остальные объявлялись грабителями. Запрещалось появление в пьяном виде в общественных местах, за это полагалось трёхмесячное тюремное заключение или штраф. Разрешалось хранить у себя оружие только при наличии удостоверения от комендантского управления. В январе 1919 года Мензелинцев вводит комендантский час с 12 часов ночи, запрещает носить военное обмундирование всем, кто не имеет отношения к армии. Часовым патрулям в вечернее и ночное время давалось право применить оружие в случае неподчинения после трёхкратного предупреждения.

Конечно, важнейшим делом для комендатуры округа было проведение в жизнь приказов и распоряжений Верховного Правителя России. 4 января 1919 года корнет Мензелинцев издал приказ о выполнении мобилизационных мероприятий правительства, по

которому все, не состоявшие к этому моменту в войсках и резервах офицеры и генералы были обязаны явиться к военным властям. Отменялась отсрочка всем офицерам и служащим предприятий, работавших на оборону; получившие свидетельства о болезни в период большевистской власти, должны были пройти переосвидетельствование; все предприятия и гражданские ведомства получили указание немедленно рассчитать офицеров призывного возраста. При явке дезертиров к 15 февраля, им обещалось прекращение судебного преследования. Ужесточались меры ко всем предприятиям, ведомствам и гражданам, повинным в препятствовании исполнению приказа. Комендант обратился к гражданам округа с весьма эмоциональным воззванием, выдававшим в нём человека, искренне верящего в правоту белого дела, и призывавшим людей вступать добровольно в ряды антибольшевистской армии.

22 января по распоряжению начальника 4-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора Смолина к исполнению своих прежних обязанностей коменданта БГО вернулся теперь уже поручик Михаил Соловьёв. Мензелинцев отозвали в дивизию на должность уполномоченного по сбору подарков (пожертвований, тёплых вещей) в Верхотурском, Ирбитском и Туринском уездах. Отъезд Николая Николаевича вызвал сожаление руководства БГО, видевшего в нём отличного офицера, сумевшего в короткий срок поставить работу комендатуры на должную высоту¹⁷. Соловьёв на своём посту также призывал граждан к пожертвованию тёплых вещей, белья, обуви, съестных припасов и прочего для «нашей славной армии, грудью защищающей родину от коварного и жестокого врага». Акции по сбору тёплых вещей проводились неоднократно и подчас сопровождались театральными представлениями или встречами с офицерами-фронтовиками, проводившимися в Народном доме. На просьбу военных о помощи население всё же откликалось, что говорит о поддержке белых частью жителей Надеждинска. В февральском приказе Соловьёв уже более жёстко требует сдачи населением обмундирования защитного цвета, какое было, например, у железнодорожников Богословско-Сосьвинской железной дороги, а также подтверждает предыдущие приказы о сдаче огнестрельного оружия, грозя тщательными обысками.

В связи с подготовкой наступления белых войск на Восточном фронте, в феврале 1919 года произошла очередная реорганизация структуры управления БГО. По распоряжению правительства упразднялась должность управляющего округом, на смену гражданской администрации, принимавшей решения коллегиально, пришли представители военного ведомства. Уполномоченным по управлению округом стал инженер-механик Артур Петрович Циллиакус, получивший чрезвычайные полномочия единолично управлять округом, подчиняясь только военному министру. Такая мера, видимо, была продиктована необходимостью проведения жёсткой централизации с тем, чтобы улучшить обеспечение армии боеприпасами. С приходом Циллиакуса сменилась администрация и на Надеждинском заводе. Должность директора исполнял инженер Александр Владимирович Кучин, главным бухгалтером служил Николай Владимирович Григорьев. Работу цехов возглавляли инженеры Сергей Таврионович Попов (мартеновский), Даниил Иванович Саров (доменный), Федор Иванович Шибает (крупносортный), Андрей Алексеевич Зыгарь (сортопрокатный), Иван Францевич Зданович (листопрокатный), Александр Моисеевич Кудрявцев (газоэлектрический), Владимир Абрамович Дайбер (газовое хозяйство), Пётр Иванович Клепиков (железнодорожный), Иван Александрович Пантелеев (механический), Иван Иванович Субботин (новолитейный), Василий Никитович Киселёв (дворовый), Павел Александрович Петров (строительный), Карл Осипович Янушкевич (огнеупорный), Михаил Егорович Кабрин (лесопильный), Леонид Михайлович Садовников (центральное углежжение)¹⁸. В состав Надеждинского сталерельсового завода входил машиностроительный завод, перевезённый из Риги в 1916 году. Иногда его называли машиностроительным цехом. Заводом руководил Густав Касперович Кунствирс, механической мастерской – Александр Никитович Годеридзе. На заводе имелось 115 станков для обработки металла, два мостовых крана по 50 тонн. Цех производил капитальный и средний ремонт ширококолейных и узкоколейных паровозов, а также изготавливал запасные части для механизмов сталерельсового завода.

Действия военных властей посёлка, особенно их участие в работе следственной комиссии, не всегда находили одобрение у населения. В

начале марта на начальника милиции поручика Злыгостева было совершено покушение. Немедленно последовал приказ коменданта, предупреждающий население о мерах наказания за повторение подобного. Квартальные старосты должны были еженедельно по понедельникам являться с личным докладом о положении дел. В связи с этим может быть интересен такой факт: все лица на службе в казённых общественных и частных учреждениях, занимавшие ответственные посты непременно должны были иметь свидетельства о политической благонадёжности, за чем указывалось наблюдать начальствующим лицам.

В начале весны во избежание массовых болезней в период таяния снега по распоряжению коменданта БГО создавалась санитарная комиссия. Её председателем стал И.А.Сухов, членами – врачи Ю.В.Витман и П.С.Соловьёв, представитель профессионального Союза металлистов Н.И.Дёмин, квартальный староста Л.Е.Карпов, от земства А.Ф.Божин, от Общества потребителей П.И.Сычёв, секретарем комиссии выбрали Л.Е.Карпова. Ввиду того, что в Надеждинске появились случаи сыпного тифа, 8 марта 1919 года всем домовладельцам было приказано очистить от снега в 3-х дневный срок тротуары и дворы посёлка. Начальники милиции округа обязаны были оказывать всяческое содействие работе комиссии. Должностные лица, виновные в неисполнении данного приказа, подвергались аресту до 3 месяцев или штрафу до 3000 рублей. Можно отметить, что в результате добросовестной работы комиссии население округа избежало массовых инфекционных заболеваний и эпидемий.

В ходе наступления Сибирской армии на запад Верхотурский уезд оказался в глубоком тылу воюющих сторон. После ухода основных армейских подразделений, командование которых контролировало деятельность комендантов на местах, была создана новая структура власти – управление коменданта Верхотурского уезда, с подчинением ему комендантов на местах. 15 марта 1919 года управление возглавил ротмистр Есипов. Первоначально уездная комендатура находилась в Надеждинске, впоследствии, в Кушвинском заводе и Нижнем Тагиле, откуда в июле 1919 года эвакуировалась в Ирбит. В составе управления служили помощники коменданта прапорщики Кузнецов и Кларк, выполнявший одновременно обязанности обер-офицера для поручений; чиновники военного времени делопроизводители Полев и

Сорокин; помощник уполномоченного по охране порядка и спокойствия, одновременно комендант Нижнетагильского округа подпоручик Зотов; комендантская рота в количестве 45 солдат; машинистка Попова; две телеграфистки; каптенармус – рядовой Николай Еремеев и другие¹⁹.

В порядке надзора Есипов контролировал деятельность военно-следственных комиссий уезда, особенно в части борьбы с большевистским подпольем. Так, в период пребывания ротмистра в Надеждинске, в посёлке была выявлена группа подпольщиков. Как выяснилось, здесь остались, не успев эвакуироваться с красными, большевики А.Д.Жуйков, М.А.Устинов, А.И.Прозоров и другие. Осенью 1918 года в Надеждинск из Омска прибыли, скрываясь от преследования, члены руководства Сибирского отделения РСДРП(б) М.Д.Соловьёв и О.Н.Соловская. Они поступили на работу в лесничество и начали собирать партийные силы. Под руководством Соловьёва были созданы нелегальные ячейки, в большинстве своём на заводе. Подпольщики умело использовали легально действовавшую биржу труда, которой руководил С.Ф.Танин, она стала местом явок. Противники белой власти пытались выпускать пропагандистскую литературу, вели агитацию против утвердившегося строя среди рабочих завода. 20 июня 1919 года управляющий Пермской губернией сообщал в Омск, что в Надеждинском заводе четверо рабочих уличены в агитации и организации боевой тыловой дружины. Деятельность группы была вскрыта и пресечена. Ещё в начале апреля арестовали Соловьёва и Соловскую. Следственной комиссии удалось выявить и тех рабочих, что были устроены на завод через биржу, вскоре закрытую властями. Часть подпольщиков сумела скрыться.

В нелегальную деятельность, помимо большевиков, включились и левые эсеры, входившие в законно действовавший Союз металлистов. В середине июня 1919 года за счёт средств Союза они организовали и вооружили небольшой отряд в 25-30 человек с целью проведения террористических актов и противодействия вывозу оборудования с завода в случае эвакуации белых. Руководил отрядом А.И.Никитин. Однако, учитывая настроение надеждинцев, опасавшихся широкомасштабных карательных действий белых против мирного обывательского населения, отряд не проводил никаких вооружённых

акций, пока белые находились в посёлке. В период же эвакуации белой власти командование отряда намеревалось, используя неразбериху, арестовать коменданта и разоружить милицию. Утром 14 июля, когда эвакуация уже заканчивалась, бойцы отряда собрались на Крутом логу и в полном боевом порядке вступили в посёлок, опередив тем самым Красную армию, передовые части которой вошли в Надеждинский завод лишь 20 июля. В момент междувластия отряд организовал охрану завода, специальные вооружённые патрули следили за порядком на улицах. Никитин совместно с Союзом металлистов организовал милицию, начальником которой избрали Усатова. Как видим, Союз металлистов вновь взял на себя функции поддержания правопорядка в посёлке, что свидетельствовало о высоком уровне гражданственности рабочих завода, об осознании ими ответственности за положение в заводе. Даже в период пребывания белых Союз оказывал помощь родственникам жертв террора, сюда надеждинцы шли со своими жалобами и просьбами, находя отклик и поддержку. В правлении Союза тогда работали В.М.Кузнецов, А.И.Никитин, М.Михайлов, Макурин, И.Г.Тукачёв, Феофанов, Кок и другие.

Но это будет несколько позднее, а пока комендант БГО поручик Михаил Соловьёв 22 марта 1919 года подал ротмистру Есипову прошение об отставке, ссылаясь на состояние здоровья. Комендант уезда удовлетворил просьбу Соловьёва, назначив вместо него подпоручика Бухмана Сергея Николаевича, исполнявшего до этого должность коменданта Кушвинского завода. 8 апреля Бухман приступил к исполнению своих обязанностей. За несколько дней до вступления в должность подпоручик посетил Надеждинск с целью ознакомления с новым местом своей дальнейшей службы. Очевидно, Сергей Николаевич надеялся там застать Михаила Соловьёва, с которым непосредственно предполагал обсудить ряд вопросов местного характера, чтобы быстрее войти в курс дела. Однако, сдав дела своему заместителю Кузнецову, Соловьёв ещё в конце марта покинул посёлок. Во время поездки Бухман невольно стал очевидцем вызывающего поведения отдельных должностных лиц, по его мнению, порочащих честь мундира и подрывающих авторитет власти. О происшедшем он незамедлительно доложил коменданту Верхотурского уезда ротмистру Есипову. В рапорте данный инцидент

Сергей Николаевич изложил таким образом: «5 апреля при поездке из Надеждинского завода в завод Кушву я наблюдал следующий характерный случай. На станции Надеждинск в вагон со мной сел отстранённый от должности начальника милиции Надеждинского завода подпоручик Злыгостев. В соседнем с моим купе ехали: кондукторская бригада, артельщики от завода и называющий себя военным контролёром Николай Иванович Попов. Сейчас же Злыгостевым и Поповым была принесена водка и они, расположившись в служебном купе, выпивали. На приглашение меня в их компанию, я отказался и мог только слышать, что они после выпивки играли в карты. По сдаче дел Кушвинской комендатуры прапорщику Кузнецову, я возвращался обратно в Надеждинский завод через два дня и снова был свидетелем пьяных действий военного контролёра Попова. Проверая билеты у солдат, ехавших с фронта в отпуск в нашем вагоне, Попов им объявил, что имеющиеся у солдат воинские билеты не действительны для проезда по Богословской железной дороге, поскольку она частная! В конце концов, два солдата купили обычные билеты до Верхотурья. После моего вмешательства Попов признал воинские билеты солдат проездными документами, однако деньги за купленные у него билеты не вернул, отстав от поезда на следующей станции. Прошу вашего разрешения взыскать с Попова в пользу Народной Армии стоимость двух билетов от Кушвы до Верхотурья в сумме 15-ти рублей, уволить военного контролёра Попова с Богословской железной дороги за систематическое пьянство и превышение должностных обязанностей»²⁰.

В отличие от своих предшественников, строевых офицеров – Переверзева, Соловьёва, Мензелинцева, Бухман начинал карьеру в Белой армии со службы в комендатуре Нижнего Тагила. 1 февраля 1919 года приказом уполномоченного по охране общественного порядка в Верхотурском уезде поручика Зотова его назначили комендантом Кушвинского завода. В период весеннего наступления Сибирской армии на Восточном фронте в тылу вводятся новые правила проезда пассажиров по железным дорогам, предусматривающие наличие наряду с проездным билетом специального пропуска. В связи с этим Бухман издал следующее распоряжение: «С 20 мая 1919 года все граждане, отъезжающие из

Надеждинского завода по Богословской и Богословско-Сосьвинской узкоколейной железным дорогам, должны являться в комендантское управление за получением пропусков, имея на руках удостоверения личности или паспорта. Пропуски будут выдаваться ежедневно с 10-ти часов утра до 2-х часов дня кроме праздничных дней»²¹.

Несмотря на трудности военного времени, жизнь в посёлке брала своё. На улицах Надеждинска нередко можно было встретить объявления, приглашающие зрителей посетить очередное представление. Театральные вечера, проходившие в здании Народного дома, всегда собирали аншлаг. Что же могли увидеть любители искусства? Об этом можно узнать из афиш, сохранившихся до наших дней:

«С разрешения начальства в субботу, 1 марта 1919 года, народным драматическим кружком дан будет спектакль. Весь чистый сбор поступит Родительскому Комитету на нужды Надеждинской гимназии. Представлена будет пьеса в 3-х действиях «Пчела и трутни» режиссёра П.Баталина. После спектакля танцы. Буфет с горячими и холодными закусками и спиртными напитками. Лотерея. Будет разыграно две бутылки вина».

«В воскресенье, 11 мая 1919 года, любителями драматического искусства под режиссёрством Н.И.Шаньгина-Ивдельского дан будет спектакль «Чужие», пьеса в 4-х действиях. Участвуют госпожи Заграйская, Затольская, Елисеева, Фалалеева, Шматова, господа Иванов, Климов, Лилиэнталь, Собянин, Уфимцев. 50% чистого сбора поступят в пользу Надеждинского Красного Креста. Билеты заблаговременно продаются в кассе Общества Потребителей. Начало спектакля в 8.30 вечера. После спектакля танцы до 3-х часов ночи. Во время антрактов и танцев будет играть военный духовой оркестр и работать буфет с горячими и холодными закусками».

«С разрешения начальства в субботу, 24 мая 1919 года, в помещении Народного Дома гастроль писателя-драматурга Павла Ольбрих-Северного. Дан будет спектакль, сбор с которого поступит в пользу Сибирской Армии. Будет поставлено: «Прелюдия» – новелла в одном акте, «Прапорщик» – драматический этюд в одно действие, «Ночь в глубоком тылу» – драматический этюд в одно действие. Количество билетов ограничено. После третьего звонка публика в зрительный зал допускаться не будет. После спектакля танцы. Играет

оркестр духовой музыки. Начало в 8.30 вечера. В антракте чайный буфет. Цены местам от 5-ти до 15-ти рублей».

«С разрешения начальства в помещении Народного Дома в воскресенье, 25 мая 1919 года, рабочими машиностроительного завода дан будет спектакль, сбор с которого поступит в пользу Профессионального Союза рабочих и служащих Надеждинского завода, с отчислением 10 % армии правительственных войск. Поставлено будет: драма в 3-х актах «Мачеха», сочинения Кириллова, и водевиль «Двести тысяч» в одном акте, сочинения Анны Саксаганской. Во время антрактов играет военный духовой оркестр. Буфет с горячими и холодными закусками, чай, фруктовая вода и прочее. Начало в 8.30 вечера. По окончании спектакля танцы. Цены местам от 2-х до 10-ти рублей. Ответственный распорядитель – Правление Союза рабочих и служащих. Режиссёр И.Пушкарёв»²².

Комендантом БГО Бухманом в целях поддержания общественного порядка на вверенной ему территории предпринимались меры по организации добровольческих охранных отрядов, в которые принимались солдаты, отслужившие положенный срок в действующей армии. Охранники, поступающие на службу в комендантское управление, направлялись в Морозковское, Филькинское, Петропавловское, Марсятское, Богословское и Надеждинское лесничества. Жалование младшего охранника составляло 400 рублей в месяц, старшего – 450 рублей, кроме того, их семьям отпускали муку по льготным ценам в размере существующих норм. Условия службы были довольно привлекательными, что позволяло обеспечивать постоянный приток добровольцев в эти отряды. Содержание формирований осуществлялось администрацией горного округа.

В связи с тяжёлым положением на фронте командованием Сибирской армии объявлялась дополнительная мобилизация мужского населения призывов 1901 – 1913 годов, о чём сообщалось в объявлении Верхотурского уездного воинского начальника от 30 июня 1919 года. Мобилизованные, проживающие в пределах Надеждинской волости, должны были явиться на сборный пункт в город Верхотурье 6 июля к 8 часам утра готовыми к отправке в воинские части. Ратники направлялись в 27-й Верхотурский стрелковый полк. Контроль за исполнением распоряжения военных

властей возлагался на Надеждинскую волостную управу. Из-за возрастающей потребности белых в гужевом транспорте на местные органы власти тяжёлым бременем ложилась обязанность обеспечивать воинские части лошадьми и телегами. Для выполнения этой задачи при Надеждинской волостной земской управе создавался военно-конский отдел во главе с ветеринарным фельдшером В.А.Зыковым, проводивший учёт конского поголовья и снаряжения. При переписи телег собирались следующие сведения: 1) из какого материала сделаны оси, спицы и ступицы; 2) ободья составные или цельные; 3) ошпированы ли колёса и какой толщины железом; 4) имеются ли в ступицах металлические втулки; 5) снабжены ли подушки железными пластинами; 6) из какого материала помочи от передней подушки к задней оси, железный ли в телеге курок, а также тяжи; 7) величина и описание тележного ящика. Судя по тому, с какой тщательностью собирались технические характеристики гужевого транспорта, можно сделать вывод о том, где предполагалось его использовать, а именно: для перевозки людей, вооружения, медикаментов, промышленного оборудования, продовольствия, фуража, средств связи, строительных материалов в прифронтовой полосе. Собранные материалы поступали в уездную управу, которая непосредственно занималась поставками лошадей и телег в действующую армию. Помощь местного населения направлялась, как правило, в 16-й Ишимский стрелковый полк, в котором служили, в большинстве своём, жители Надеждинска и Верхотурского уезда.

Ишимский Сибирский стрелковый полк был сформирован 7 июня 1918 года в Омске и до октября назывался 1-й Омский офицерский партизанский отряд под командованием штабс-капитана Н.Н.Казагранди. Николай Николаевич Казагранди родился в 1886 году в торговой слободе Кяхта Троицкосавского округа Забайкальской области в семье итальянского горного инженера, строителя байкальских железнодорожных тоннелей. Окончил Троицкосавское реальное училище и Томскую гимназию, затем получил образование военного инженера. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан инженерных войск. В 1917 году отличился в боях в составе Ревельского морского батальона при обороне островов Моон в Балтийском море во время Моонзундского сражения. Осенью 1917 года, ввиду развала русской армии, решил оставить службу и

вернуться на родину. До дома доехать так и не удалось. Оказавшись в Омске, Казагранди втянулся в водоворот политических событий, участвовал в антибольшевистских организациях, свергнувших Советскую власть в городе в июне 1918 года. Добровольцем вступив в армию Сибирского правительства в звании штабс-капитана, дослужился до полковника. После поражения Белой армии продолжал бороться с Советской властью в Забайкалье. Весной 1921 года отступил на территорию Монголии, где и погиб в июле на хребте Эгин-Дабан. Летом 1918 года отряд Казагранди сражался на одном из участков Тюменского фронта, действуя на Тобольском направлении по рекам Тобол, Тавда и Тура в составе 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии полковника Г.А.Вержбицкого (с 26 августа – 4-я Сибирская стрелковая дивизия). Первоначально на вооружении добровольческого отряда численностью 71 человек имелось 11 пулемётов, одно 3-х дюймовое артиллерийское орудие, несколько речных судов и барж. В ходе летнего наступления войск Сибирского правительства ишимцы принимали участие во взятии городов Тобольск, Тюмень, Туринск (где будет располагаться полевой штаб отряда), Ирбит, пристани Бачалино и других населённых пунктов. За доблесть, проявленную в боях за город Алапаевск, в конце сентября отряд Казагранди приказом командующего 2-го Степного Сибирского корпуса генерал-майора А.Ф.Матковского был преобразован в 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк, а его командир получил очередное воинское звание – капитан. 28 сентября пал Алапаевск. Для развития достигнутых успехов начальником 4-й Сибирской дивизии создаётся оперативное формирование из подразделений 18-го Тобольского, 19-го Петропавловского, 16-го Ишимского полков, получившее название Северная правофланговая колонна правительственных войск под командованием капитана Казагранди. Группировка имела задачу, наступая по Верхотурскому тракту, уничтожить отходившие части 29-й дивизии Красной Армии. К 6 октября белые вышли на линию реки Тагил, а 13 октября заняли город Верхотурье. Численность полка в это время составляла 1890 штыков, на вооружении имелось 9 пулемётов, 20 бомбомётов, 2 трёхдюймовые пушки²³. В течение октября-ноября ишимцы вели ожесточённые бои с красными в устье реки Актай. В дальнейшем, участвуя в зимнем наступлении войск Екатеринбургской группы,

Ишимский полк овладел железнодорожной станцией Выя, Нижне-Турунским заводом, захватив при этом три трёхдюймовых орудия, 12 пулемётов, 500 винтовок, два бронепоезда, шесть паровозов, большое количество боеприпасов, разгромив Первый Камышловский полк красных и взяв в плен несколько сотен его солдат. 6 декабря на станции Кушва Ишимскому полку было вручено знамя с ликом Николая Угодника, изготовленное в женском Покровском монастыре по инициативе Верхотурского уездного земства. В дальнейшем, участвуя в боевых действиях на Восточном фронте, полк весной 1919 года дошёл до Воткинского завода Вятской губернии. С мая ишимцами вместо Казагранди, назначенного на должность начальника 18-й Сибирской стрелковой дивизии, командовал полковник Метелёв. В начале июня под натиском превосходящих сил Красной Армии полк с боями начинает отходить на восток в составе Южной группы войск Сибирской армии. В октябре 1920 года после сокрушительного поражения белых под Читой 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк прекратил своё существование.

За время пребывания на территории Верхотурского уезда между командованием полка и земством сложились хорошие, деловые и доверительные отношения. Ишимцы не были обделены заботой и вниманием со стороны местной власти, организовывавшей различные благотворительные акции и по мере возможности помогавшей военным. Так, например, 12 июля 1919 года в день праздника Петра и Павла по инициативе администрации Богословского горного округа в помещении Народного дома в Надеждинске состоялся благотворительный вечер в честь отряда полковника Казагранди, собранные средства от которого поступили в пользу 16-го Ишимского полка. Для всех желающих принять участие в этом мероприятии подавался специальный поезд из Богословска в Надеждинск и обратно, проезд в нём был бесплатным. Ввиду недостаточности мелкой разменной монеты управление округа специально для рабочих и служащих, изъявивших желание участвовать в вечере, выпустило марки, по которым участники могли приобрести входные билеты, кушанья и напитки в буфете. Марки выдавались в счёт заработной платы. Проведению вечера не смогли помешать даже удручающие вести с фронта о приближении красных.

Чтобы успокоить население и не допустить паники администрация БГО опубликовало следующее заявление: «Управление округа сообщает, что вследствие успокоительных известий с фронта, в поспешности эвакуации надобности не имеется. Но управление представляет возможность желающим из служащих и рабочих округа эвакуироваться и на всякий случай находит не лишним быть готовыми и немедленно заявить в конторах отделов о себе следующие данные: может ли эвакуироваться семья отдельно от главы семьи и число членов семьи. В распоряжении управления имеются следующие перевозочные средства:

1) четыре баржи, обслуживаемых двумя пароходами, которые будут перевозить пассажиров до Сосьвинского завода; после двух или трёх рейсов, в зависимости от числа эвакуированных, и пересадки в большие баржи, пассажиры будут отправлены из Сосьвинского завода до Тобольска, откуда будут иметь возможность ехать пассажирскими пароходами в сибирские города,

2) маршрутный поезд, который будет отправлен немедленно по получении разрешения на пропуск его до Омска.

Первая баржа будет отправлена до Сосьвинского завода 12 числа, о точном времени отправления её и последующих барж будет объявляться накануне. Считая, что положение фронта непосредственно округу не угрожает и что завод должен работать прежним темпом, управление округом, принимая необходимые меры к эвакуации, имеет ввиду только спокойствие служащих и рабочих за возможность выехать из округа в необходимую минуту. Уполномоченный по управлению округом: Циллиакус»²⁴.

Тем не менее, для многих жителей округа становилось всё более очевидным неминуемое поражение белых. 12 июля началась эвакуация, продолжавшаяся три дня. Первая баржа отправилась до Сосьвинского завода в 8 часов вечера. Отъезжающим разрешалось иметь с собой багаж до пяти пудов на человека. В Загородку подавался поезд, следовавший до Филькинской пристани. В помощь коменданту на период эвакуации управляющим БГО Циллиакусом вводилась должность начальника гарнизона. 13 июля её занял капитан Евстратий Гордеевич Ляченков, объявивший Надеждинск на военном положении²⁵. Из посёлка уезжали священники учителя, врачи, инженеры, техники, высококвалифицированные рабочие, служащие

земства, купцы, словом все те, кто симпатизировал и помогал белой власти и не мог рассчитывать на милость победителей. Однако после окончания Гражданской войны, несмотря ни на что, многие из них вернутся на родину. В архивных документах сохранились некоторые имена надеждинцев, ушедших с белыми. Это торговцы Денисов, Сафонов Василий Яковлевич, Меньшиков, Огородников, Новиков, Павлов Андрей Андреевич, Чертищев, Сычёв, Бушков, Рамазанов, Брютов Андрей Васильевич, Медведевский, Петухов Е.С., приказчик купцов Шадриных Брезгин, владельцы мельницы братья Берстенёвы, домовладельцы Онучин, Анфилатова Анастасия, Богатырёв Филипп Фёдорович, Баранов, Ковалёв, Созонтов Степан, Сухоросов, Гафаров Х.М., священник Африкан Богомоллов, инженеры Субботин И.И., Зильберг, Поносов И.В., Шадрин Н.Н., Воробьёв В.В., Блажевич, директор завода Александр Владимирович Кучин, подрядчик по слесарной части Онуфриев Иван Федотович²⁶.

Как проходила эвакуация вспоминал инженер Субботин: «Комендантом округа издано было распоряжение о том, чтобы все ответственные служащие были эвакуированы. На пристани в Филькино на реке Сосьве были приготовлены баржи и пароходы, которые доставляли эвакуированных до Сосьвинского завода или до сборного пункта, а затем до Омска и Томска. Правлением завода были погружены некоторые виды провизии, которое выдавалось по определённой норме до самого Томска в счёт платы. Недостающие виды провизии заготавливались за наличный расчёт эвакуируемых. На каждой барже был староста, в обязанности которого входило поддержание порядка, а в некоторых случаях и организация закупки продовольствия, главным образом мяса. Староста избирался пассажирами баржи. На одной из барж был старостой и я. В Томске баржи и пароходы остановились у пристани бывшего Богословского общества. Несколько дней баржи оставались у берега. Давалась возможность людям подыскать квартиру. Каждый эвакуированный получил расчёт, в том числе и я. С этого момента каждый стал устраиваться, как он мог. Я с группой инженеров и техников устроился на завод «Земский городок». На этом заводе я проработал приблизительно до первых чисел декабря 1919 года, а после этого с так называемым «уральским этапом» эвакуировался в Красноярск...откуда я с первым эшелонам рэвакуированных в

первых числах апреля 1920 года возвратился в Надеждинск, где опять был назначен заведующим мартиновским цехом»²⁷.

Последним из Надеждинска эвакуировалось комендантское управление и гарнизон посёлка. Накануне ухода белых в лесу на Крутом Логу образовался небольшой отряд из рабочих, участвовавших в нелегальной деятельности профессионального Союза металлистов. Решение о его создании руководством профсоюза было принято ещё в апреле месяце. Подбором бойцов, закупкой оружия и боеприпасов занимался Никитин А.И., ставший командиром отряда. На средства металлистов приобрели 37 винтовок и 1 пулемёт. «14 июля в 3 часа дня – вспоминал участник этих событий Устинов – отряд в количестве 37-ми человек, привязав на палку маленький красный платок вступил в Надеждинск и занял помещение милиции. Белых в посёлке уже не было. Началась запись добровольцев и вскоре отряд увеличился до 300-от человек, вооружённых тесаками, дробовиками, штыками. В 9 часов вечера была получена телеграмма, в которой говорилось, что белыми в Надеждинск отправлен бронированный поезд с карательным отрядом. Это сильно повлияло на вновь записавшихся добровольцев. Некоторые начали выходить из отряда. В результате в нём осталось всего лишь 28 человек. На совещании приняли решение взять паровоз с двумя бронированными платформами и выступить навстречу противнику по железной дороге. 15 июля заняли станцию Вагранская, на следующий день станции Лобва и Ляля, где провели митинги. В Ляле рабочие взяли на себя охрану завода на 15 вёрст в окружности. 17 июля отряд простоял в Ляле в ожидании сообщения о положении в Верхотурье, где были в это время белые. Численность нашего отряда увеличилась до 60-ти человек. 18 июля утром, в 4 часа, сделали налёт на станцию Верхотурье, где стояло три паровоза и полковой обоз. Захватив трофеи, отряд без потерь вернулся в Надеждинск».

Примечания:

¹ЦДООСО. Ф.41, оп.1, д.126, л.36.

²ЦДООСО. Ф.41, оп.1, д.56, л.4.

³АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.83, л.92.

⁴АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.37, л.5.

⁵ГАСО. Ф.435, оп.2, д.109, л.51.

- ⁶Там же. Л.56.
⁷ГАСО. Ф.435, оп.2, д.109, л.88.
⁸ЦДООСО. Ф.41, оп.2, д.355, л.57-58.
⁹ГААОСО. Ф.Р-128, оп.1, д.34, л.39об.
¹⁰ГАСО. Ф.435, оп.2, д.109, л.74-75.
¹¹ЦДООСО. Ф.41, оп.2, д.387, л.49.
¹²ЦДООСО. Ф.41, оп.2, д.387, л.49.
¹³РГВА. Ф.40215, оп.1, д.74, л.256-258.
¹⁴ЦДООСО. Ф.41, оп.2, д.387, л.71.
¹⁵Там же. Л.64.
¹⁶ЦДООСО. Ф.41, оп.2, д.355, л.69.
¹⁷АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.63, л.260.
¹⁸АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.85, л.18.
¹⁹НТГИА. Ф.Р-405, оп.1, д.32, л.3.
²⁰НТГИА. Ф.Р-405, оп.1, д.35. л.19.
²¹ЦДООСО. Ф.41, оп.1, д.127, л.53.
²²АОАСГО. Ф.Р-150, оп.1, д.37а, л.3-10.
²³ЦДООСО. Ф.41, оп.2, д.367, л.56.
²⁴АОАСГО.Ф.Р-20, оп.6, д.37, л.8.
²⁵АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.73а, л.1.
²⁶АОАСГО. Ф.Р-183, оп.1, д.1. л.л.15-21, 23, 25, 34, 68, 112, 114, 134, 145, 160. 230.
²⁷ГААОСО. Ф.Р-1, оп.2, д.43941, т.8, л.124.

Черноухов Эдуард Анатольевич

Врачи Богословского казённого горного округа в первой половине XIX в.

В немногочисленных работах по истории медицины на дореволюционном Урале имеются минимальные сведения о врачах, служивших на казенных горных заводах. Биография и деятельность ни одного из них до сих пор не стала предметом для специального исследования, что во многом объясняется особенностями источниковой базы. В абсолютном большинстве дошедших до нас материалов дел сведения о медицинском персонале горных заводов занимают второстепенное место, заключены в состав самой различной документации: всевозможных описаний и отчетов,

переписке с органами управления горнозаводской промышленностью и т.п.¹

Нами выявлены более 80 врачей, служивших на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в. Уже систематизированы сведения по их образованию, квалификации, месту службы², а также ее срокам и условиям, преимуществам и недостаткам, в сравнении с частными хозяйствами³. В этой работе введенные в научный оборот материалы будут дополнены, обобщены и расширены на примере Богословского горного округа.

Этот самый северный из казенных горных округов Урала, расположенный на территории Верхотурского уезда, имел явную специфику: служба здесь считалась особо тяжелой, из-за суровых климатических условий и контингента работников. Это нашло яркое отражение во многих источниках. Так, горный начальник Богословского округа М.И.Протасов в 1840 г. писал, что цинга здесь постоянная болезнь, а сосланные сюда работники «истощают свои силы порочной жизнью»⁴. Сам Матвей Иванович, сын уральского врача Ивана Васильевича Протасова (1768–1805)⁵, был прекрасно знаком со спецификой округа. Он служил здесь с января 1825 г., сразу после окончания Горного кадетского корпуса. Поэтому привлечь на службу в Богословский округ квалифицированных врачей, особенно в условиях их хронического дефицита во всем регионе в первой половине XIX в., было сложной задачей.

Для этого традиционно использовались доплаты к жалованию. Так, служивший здесь с 1796 г. в госпитале Турьских рудников штаб-лекарь Герасим Сергеевич Носов имел персональную надбавку. Она повысила его жалование до 400 руб. Однако он настойчиво добивался перевода в уездные врачи и в 1801 г. получил желанное назначение в Верхотурский уезд⁶.

Проект горного положения 1806 г. предписывал иметь госпиталь в каждом поселке при казенном предприятии с числом работающих на его производствах более 200 человек. В нем должен был служить как минимум один аттестованный врач (ст. 678, 680). Эти ключевые нормы горного законодательства действовали на всем протяжении первой половины XIX в. Количество врачей для казенных горных заводов Урала определяли штатные положения.

В следующее десятилетие в Богословском округе оставалось всего два врача. Штаб-лекарь Григорий Максимович Громницкий (1764 г.р.), получивший образование в военных госпиталях, служил в Богословском округе три десятилетия с 1797 г. В качестве поощрения он был переведен в Златоустовский казенный округ с более мягким климатом⁷. А лекарь Макар Григорьевич Балановский (1771–1818) служил в госпитале Турьинских рудников с 1796 г. до своей смерти, так и не получив согласие на свои просьбы о подобном перемещении⁸.

В 1817 г. к этим специалистам добавился врач немецкого происхождения штаб-лекарь Иоганн Клейнер (ставший в России Иваном Ивановичем). Его брат М.И.Клейнер, став горным начальником Златоустовского округа, добился перевода своего родственника в более благоприятное для службы место. В 1821 г. тот был назначен врачом в Златоустовский госпиталь⁹.

Другой выпускник Медико-хирургической академии Яков Яковлевич Никольский прослужил в Богословском округе несколько дольше: в 1818–1826 гг. После этого он перебрался в частный Сысертский округ¹⁰.

В 1823 г. горный начальник Богословского округа, жалуясь на нехватку сразу трех врачей, получил по распределению двух новых выпускников Медико-хирургической академии: Спиридона Марковича Козлова и Алексея Федоровича Тенекова. Однако уже через несколько лет ситуация здесь вновь стала критической: Козлов был переведен по болезни в Екатеринбург, Громницкий получил назначение в Златоустовский госпиталь, а Никольский перешел в Сысертский округ. И в Богословском округе в 1826 г. опять стали вакантны три ставки врача.

Заместить их на длительный срок не удавалось. Выпускник Виленского университета лекарь Петр Иванович Вагнер (1799–1876) прослужил в Богословском округе менее трех лет: в 1826–1829. Он перешел сначала в Верх-Исетский частный округ, а затем был принят преподавателем в Казанский университет. В 1831 г. Вагнер получил степень доктора медицины от Виленского университета за работу «Медико-топографическое описание Богословского округа»¹¹.

Только выпускник Медико-хирургической академии доктор медицины Иван Иванович Подановский надолго связал свою судьбу с

Богословским округом. В 1827–1848 гг. он служил в нем врачом, а затем медицинским инспектором¹².

В 1829 г. Богословский округ получил новые штаты, по которым здесь полагалось иметь шесть врачей, в том числе штаб-лекаря и двух лекарей в обширном госпитале Турьинских рудников, а также двух лекарей в Богословском. Им было определено повышенное годовое жалование: штаб-лекарю – 1750 руб. (против 1,5 тыс. в других казенных округах, кроме Гороблагодатского), лекарю – 1,5 тыс. (против 1,2 тыс. в других). Кроме того, по этим штатам появилась ставка инспектора по врачебной части с жалованием в 2 тыс. руб. Он осуществлял общее руководство по медицинской части¹³.

Но в тот период времени в крупных частных горных округах Урала содержание врачей было существенно больше (в 1,5–2 раза). Поэтому для специалистов, совмещавших врачебную и административную деятельность, на казенных заводах сохранилась система доплат. Так, инспектор по медицинской части Богословского округа в 1830-х – начале 1840-х гг. дополнительно получал 300 руб. ежегодно и бесплатную казенную квартиру¹⁴.

Большинство врачей продолжали относительно быстро оставлять Богословский округ. Иван Елисеевич Ковалевский в 1831 г., перейдя в Нижнетагильский округ, отметил, что он здесь «слава Богу, не лег на кладбище в числе пьяниц, чиновников и горных инженеров»¹⁵. В это горнозаводское хозяйство Демидовых перешел и медико-хирург Иван Михайлович Забиякин, служивший в Богословском госпитале в 1842–1844 гг. Несколько больше (1833–1841) здесь работал штаб-лекарь Николай Гаврилович Селиванов, перебравшийся в Нытвенский округ Голицыных. Другой штаб-лекарь, также выпускник Казанского университета Лев Дмитриевич Питерский добился перевода в округ Пермских заводов уже через два года службы в Богословском округе.

Исключением стал только казенный стипендиат горного ведомства Александр Борисович Горшков. Он прослужил в Богословском округе более 25 лет: с 1830 г. В 1848 г. Горшков сменил на должности старшего врача (введенной вместо инспектора по врачебной части)¹⁶ вышеназванного И.И.Подановского, который был переведен на аналогичную должность в Златоустовский округ. Как уже отмечалось, такое перемещение из этого самого северного на

Урале казенного горного округа было распространенной практикой в качестве поощрения за многолетнюю службу¹⁷.

По новым штатам 1847 г. Богословскому округу полагалось иметь уже всего четырех врачей, причем их оклады сравнивали с другими казенными хозяйствами. В госпиталь Турьинских рудников определялся старший врач (с годовым окладом в 600 руб.) и два младших, в Богословский – младший. Последним определялось жалование в 420 руб.¹⁸ Учитывая обмен ассигнаций по финансовой реформе Е.Ф.Канкрин по курсу 3,5 к 1 и минимальную инфляцию в тот период времени, можно говорить о сохранении прежнего содержания для врачебного персонала казенных заводов Урала.

Между тем врачи продолжали покидать Богословский округ различными путями. Так, казенный стипендиат Александр Андреевич Миславский (1828–1914) прослужил здесь только пять лет в качестве обязательной отработки (1851–1856). Для ее завершения, по ходатайству своего влиятельного тестя К.И.Кокшарова, он был переведен в Екатеринбургский округ. Затем, перейдя на службу в Верх-Исетский госпиталь Яковлевых, он стал одним из самых известных дореволюционных врачей Урала¹⁹.

В целом спецификой Богословского округа первой половины XIX в. стала высокая текучесть врачей. Большинство из них быстро покинули службу, которая здесь считалась крайне тяжелой, как по климатическим условиям, так и по контингенту работников. Из вышеназванных полутора десятков врачей только четверо (Громницкий, Балановский, Подановский и Горшков) прослужили здесь более 20 лет. Остальные достаточно быстро перевелись в другие казенные и частные горные округа Урала (а Носов в уездные врачи).

Примечания:

¹См.: Черноухов Э.А. Документы о врачах горных округов Урала XIX вв. собраниях архивов и библиотек // Документ. Архив. История. Современность. Мат-лы IV междунар. научно-практ. конф. – Екатеринбург, 2012. С. 268–272. ²См.: Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: дис. ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2017. Приложение 17.

- ³Черноухов Э.А. Врачи казенных горных заводов Урала в первой половине XIX в. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. Вып. 2(22). С. 12–17.
- ⁴ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1681. Л. 5.
- ⁵См.: Селезнева В.Т. Штаб-лекарь И.В.Протасов. – Пермь, 1962.
- ⁶ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 68об.
- ⁷ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1804. Л. 381об.–382; Оп. 33. Д. 813. Л. 1; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1626. Л. 18.
- ⁸РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 132. Л. 62; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 68об. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1804. Л. 381об.–382.
- ⁹См.: Черноухов Э.А. Врачи Златоустовского казенного горного округа в первой половине XIX в. // Научные чтения памяти профессора А.З.Асфандиярова: Мат-лы Всерос. конф. – Уфа, 2017. С. 122.
- ¹⁰РГИА. Ф.37. Оп.13. Д.132; ГАСО. Ф.24. Оп. 32. Д.351. Л.27; Д. 2151. Л.49об.
- ¹¹См.: Черноухов Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского горного округа в первой половине XIX в. // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург, 2008. С. 614–615.
- ¹²РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 831. Л. 46об.–49.
- ¹³Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗ-II). Т. 4. № 2890.
- ¹⁴ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 437. Л. 197–198.
- ¹⁵ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 294. Л. 22об.
- ¹⁶См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура. Приложение 17.
- ¹⁷РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 831. Л. 48–49.
- ¹⁸ПСЗ-II. Т. 22. № 21203.
- ¹⁹См.: Соркин Ю.Э. Врачебная династия Миславских. XIX–XX вв. – Екатеринбург, 2005. С. 60–64.

Гунгер Юрий Владимирович

Бронепоезд «Анатолий Серов»

24 марта 1942 года в Серове состоялся общегородской митинг в связи с передачей в Красную Армию бронепоезда «Анатолий Серов», построенного серовскими металлургами и железнодорожниками. Машинист Н.Халтурин повел бронепоезд в Молотов (ныне Пермь). С Халтуриным было отправлено письмо будущему экипажу бронепоезда с боевым наказом «свято хранить славные традиции

нашего героического земляка Героя Советского Союза Анатолия Константиновича Серова, чье имя носят город и металлургический завод, ставший в дни Великой Отечественной войны кузницей грозного оружия»¹.

В Молотове бронепоезд оснастили 76-миллиметровыми зенитными пушками Лендера образца 1914 года². Акт приемки бронепоезда на вооружение был подписан 27 июня 1942 года³.

Бронепоезд был направлен на станцию Рузаевка (Мордовия), в 1-й отдельный учебный полк бронепоездов (командир подполковник К.В.Жасминов). 3 сентября «Анатолий Серов» был передан 39-му дивизиону бронепоездов (командир капитан Пыриков), потерявшему свои бронепоезда «Большевик Урала» и «Лазарь Каганович» в боях в Старом Осколе. «Анатолий Серов» получил №2, №1 – бронепоезд, построенный в депо станции Челябинск. Кроме того, в состав дивизиона вошли две бронеплощадки, вооруженные реактивными установками М-8-24, поэтому, дивизион стал особым⁴.

39-й особый дивизион бронепоездов был направлен в состав Донского фронта. Дивизион был придан 24-й армии и находился на станции Арчеда с задачей охраны участка Арчеда – Лог. 5 декабря бронепоезда получили новые номера: №1 – номер 669, №2 – 715⁵.

26 января 1943 года четыре бомбардировщика Юнкерс-88 атаковали бронепоезд № 669. Экипаж бронепоезда сбил один самолет, но понес потери в 5 человек. 28 января тремя Юнкерсами-88 был атакован «Анатолий Серов». Экипаж отразил налет, сбив один бомбардировщик, но при этом погибли командир бронепоезда старший лейтенант И.И.Кочеров, командир взвода ПВО лейтенант В.В.Попов, девять младших командиров и красноармейцев, погибла база бронепоезда, получены тяжелые повреждения вооружения бронеплощадок.

В апреле 1943 года 39-й дивизион был передан в состав Центрального фронта, летом 1944-го – 1-го Белорусского фронта. В 1946 году 39-й особый дивизион бронепоездов был расформирован⁶.

Примечания:

¹Полстяная М.С. Серовский бронепоезд // Работа и отдых: Общественно-политическая газета (Серов). №15. 18 апреля 2011.

²39-й особый дивизион бронепоездов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tankfront.ru/ussr/odbp/odbp39.html>

³ПермГАНИ. Ф.105. Оп.8. Д.109. Л.33.

⁴39-й особый дивизион бронепоездов...

⁵Опалев М.Н. Неизвестные страницы участия соединений артиллерийских бронепоездов Красной Армии в Сталинградской битве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. №2. 2011. С.68.

⁶39-й особый дивизион бронепоездов...

Кашин Владимир Викторович

Загадки верхотурского жандарма Ральцевича

В начале 1906 года шеф жандармов генерал-майор В.А.Дедюлин запросил Пермь срочно представить ему «досье» жандармского ротмистра из Верхотурья. Где царский сановник из Свиты Его Величества (официальное именование звания генерала), а где захребетный служака. Почувствуйте разницу положения и интригу начала XX века.

Пришлось и нам, спустя сто с лишним лет, включиться в поиски ответа на проявленный интерес одного из высших должностных лиц империи к рядовому провинциальному офицеру. Благо один из коллекционеров приобрел на аукционе несколько почтовых открыток, исполненных рукой жандарма, а другой ознакомился с личным делом жандармского офицера¹.

К тому же начальник штаба Отдельного корпуса жандармов генерал С.С.Савич отдельно попросил особо донести ему из глубинки все те «обстоятельства в службе ротмистра Ральцевича, могущие вызвать необходимость доклада их шефу жандармов»².

Получив такую депешу, пермский полковник Л.С.Байков не знал, что делать и терялся в догадках. Он мог охарактеризовать своего помощника за полгода совместной службы как деятельного и преданного самодержавию офицера. Ральцевич прибыл в Пермь осенью 1904 года и с тех пор отвечал за Верхотурский уезд с населением в четверть миллиона. В ходе революционных волнений он достойно противостоял рабочим забастовкам и митингам, осуществляя аресты зачинщиков на горнозаводском Урале. Именно он убедил начальство

срочно открыть охранное отделение в Надеждинском сталерельсовом заводе, крупнейшем на Урале. Тогда рабочий поселок (ныне г.Серов) прогремел на всю Россию массовыми беспорядками, терактами и первыми Советами³.

В это время еще продолжалась разборка вопиющего факта по освобождению 14 декабря 1905 года тагильскими рабочими арестованных членов стачкома. Организованная толпа до полутысячи человек вынесла их на руках из арестного помещения Земского дома. Никто тогда не посмел отдать приказ солдатам стрелять. Прибывший в Нижний Тагил губернатор Болотов заслушал доклад Ральцевича о повторном аресте железнодорожников Каменского, Бессонова и Пикликевича, организатора их освобождения Петрова и отправке всех в Николаевскую тюрьму (Н.Тура)⁴.

Однако, бескровные беспорядки в Нижне-Тагильском заводе мало интересовали столицу. Причина повышенного интереса была в другом.

Полковник исправно указал в своем ответе в Санкт-Петербург послужные ступени ротмистра, благо его личное дело хранилось в Перми. Дополнительно отметил, что ротмистр недавно женился, но разрешение его Превосходительства на бракосочетание поступило уже после венчания.

Сергей Ральцевич родился в 1870 году, окончил старинное Ейское реальное училище и решил связать жизнь с военной службой. Окончив Киевское юнкерское училище по II разряду (1894), был определен в 103-й Петрозаводский пехотный полк с присвоением первого офицерского звания подпоручик. Ровно через четыре года он получил очередное звание, а еще через 4-х летний цикл дослужился до штабс-капитана (1902).

Жизнь русского офицера в строевых частях не сахар. Повседневное исполнение воинских обязанностей, полевые учения, муштра и сплошные ограничения. Одни словом - гарнизонная рутина. А если появлялось свободное время, то офицеры рады были снять усталость и стресс в ходе пирушек, а то и просто попок с участием маркитанок. Тут уж не до приличной публики и выбора спутницы жизни. К тому же для военных существовали ограничения по созданию семьи до 28 лет, в противном случае необходимо было доказать, что имеешь достаточно высокий доход. И здесь тысячи русских офицеров попадали в тупик. Поместий нет, значит, и достатка нет. Перспектива занятия высокой

должности в полку для многих отсутствовала, как и не было шансов вырваться из окраинного района, например, для поступления в Академию Генштаба.

Сразу после помпезного празднования столетия полка (16.05.1903) с вручением нового Георгиевского знамени Ральцевич подал рапорт о намерении продолжить службу по линии жандармерии. Одной из возможностей карьерного роста (да просто вырваться из медвежьего угла) был перевод в Отдельный корпус жандармов (ОКЖ). В течение XIX века от претендентов требовалось дворянское происхождение, оконченное по I разряду военное училище и не менее шести лет строевой службы. В годы Русской революции наблюдался отток и дефицит кадрового пополнения.

Итак, Ральцевич выдержал экзамены при штабе ОКЖ, окончил курсы в столице, где среди главных предметов были история революционного движения, политический сыск и производство дознания. За это время собирали подробные сведения о претенденте, его семье, политических воззрениях и даже взаимоотношениях в полку. На службу не допускались лица «бывшие в штрафах», «под судом и следствием», имевшие долги. Лицам польского происхождения, католического исповедания или женатым на католичках, евреям, даже крещеным путь в политическую полицию в православной державе был заказан⁵.

Огромной империи нужны были жандармы, и в 1903 году Ральцевич заступил на должность адъютанта начальника Ярославского жандармского управления, а в конце года подоспело представление к званию ротмистр.

Через год он был назначен на самостоятельную должность помощника начальника Пермского управления с личной ответственностью за весь Верхотурский уезд, размером в полторы Швейцарии.

Рано или поздно ротмистр стал серьезно задумываться об устройстве семейного гнезда. Объезжая заводы и селения, бывая в приличных обществах и семьях, уже через полгода он углядел молодую пригожую лицом девушку в Кушвинском заводе, а именно в доме священника. Молодице исполнилось 24 года, а разница в десять лет по тем временам считалось нормой.

Казалось бы, обычная житейская история, присмотрел, познакомился, попросил «руку и сердце» и увез девушку из семьи после веселой свадьбы. Ан, нет. В Российской империи брак был строго регламентирован и к нему относились очень серьезно. Кроме разрешения родителей для вступления в брак, процесс подготовки женитьбы был обременен многими сложностями и процедурами для лиц, состоящих на государственной службе. Обязательно было получить письменное дозволение высшего начальства. Выбор жандарма должны были одобрить не только родители, но и «семь посаженных отцов» по служебной линии из губернского центра и столицы.

Итак, жандармский ротмистр Ральцевич 28 марта 1905 года, находясь в Перми по служебной надобности, обратился с рапортом (запомним его регистрационный № 86) к тогдашнему начальнику жандармского управления А.В. Бабушкину одобрить его выбор. Согласно приказным нормам, тот направил письмо Верхотурскому уездному исправнику с просьбой «совершенно негласным путем собрать и сообщить в возможной скорости, сведения о поведении, нравственности и политической благонадежности дочери протоирея Кушвинского собора Екатерины Николаевы Левитской».

Исправник А.Овчинников через пару недель ответил следующее.

Секретно. Весьма нужное.

Начальнику Пермского ГЖУ

На отношение от 28 марта сего года за № 1092, имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что дочь протоирея Кушвинского собора Екатерина Николаевна Левитская поведения отличного, безупречной нравственности и в политическом отношении вполне благонадежна⁶.

Получив отписку коллеги по министерству внутренних дел, полковник Бабушкин 19 апреля обратился рапортом по служебной вертикали в Санкт-Петербург за санкцией на вступление подчиненного в брак, в свою очередь, поручился что девица «Левитская вполне удовлетворяет требованиям пристойности брака».

Чтобы соблюсти порядок еще в марте заблаговременно были исполнены две важные подписки. В одной родители невесты давали согласие на то, что они согласны на вступление в брак дочери с ротмистром ОКЖ. Во второй - взрослая дочь священника

собственноручно подтверждала, что «добровольно и с собственного согласия желаю вступить в законный брак с Сергеем Матвеевичем Ральцевичем». Оба документа были заверены печатями кушвинского нотариуса Костринского* в помещении конторы по Базарной улице в доме Красикова и также оказались в Санкт-Петербурге.

Отдельный корпус жандармов

Штаб корпуса С.-Петербург

№ 3780 от 29 апреля 1905 г. (вх. № 424 – 8 мая 1905)

Начальнику Пермского ГЖУ

Командующий Корпусом разрешил вступить в первый законный брак Помощнику Вашему, Ротмистру Ральцевичу с дочерью протоиерея Кушвинского собора, девицею Екатериною Николаевной Левитской.

Представьте одну гербовую марку 60 копеечного достоинства для оплаты рапорта за № 86 названного офицера о разрешении на вступление в брак.

Начальник Штаба Генерального Штаба Полковник С.Саввич⁷

Столичное начальство ответило на удивление быстро. Но вот незадача, венчание в Кушвинском заводе Верхотурского уезда состоялось 4 мая 1905 года, то есть на четыре дня раньше, чем было получено разрешение. Поручителями со стороны жениха выступили: руководители губернского Отдельного корпуса жандармов полковник В.Бабушкин и подполковник В.Михайлов, а третьим стал титулованный граф М.Александрович. За невесту же ручались священники нижнетагильской Введенской церкви И.Двинянинов и кушвинского Свято-Троицкого собора Л.Юшков.

Казалось, что пермские жандармы предусмотрели все, включая нотариально заверенные расписки невесты и ее родителей, но вот еще одна мелочь, выявленная в Петербурге, испортила всем настроение. В тот же день руководитель политической полиции губернии срочно отписал своему заместителю: «Предлагаю с получением сего предоставить марку достоинства 60 копеек для оплаты Вашего рапорта № 86».

Спустя неделю после создания семьи, а браки, как считали тогда совершались на небесах, ротмистр выслал его Высокоблагородию 60-копеечную марку в отдельном конверте, чтобы, хотя бы задним числом, соблюсти закон. Затем дорогая марка в отдельном служебном конверте с сургучными печатями с помощью фельдъегерской почты курьерской

скоростью направилась в столицу, в штаб ОКЖ, чтобы законным образом оказаться на первичном рапорте жандармского чина о женитьбе и «сполна оплатить и узаконить его».

Вопрос брачевания являлся сугубо личным делом молодых супругов, но обращение государственного чиновника на получение Высочайшего соизволения на вступление в законный брак в Российской империи должно быть обязательно оплачено маркой гербового сбора. Эта была пошлина, взимаемая казной с разного рода важных документов в жизни поданных Российской империи. Закон установил еще Петр I. С тех пор он неукоснительно исполнялся, а марки разных номиналов продавались в казначействах, таможах, земских управах и в частных нотариатах.

Полагаем, что не оплаченный вовремя рапорт ротмистра и не его «поспешный» брак до получения формального разрешения явился причиной необычного интереса к нему приближенной к императору особы.

Перевод Сергея Матвеевича в ряды ОКЖ раздвинул его горизонты и интеллектуальные рамки интересов. В глухой уральской провинции он стал собирать местные земские марки, редкие по определению. Для обмена и расширения коллекции он обращался к известным европейским коллекционерам. Беспоместный дворянин получил неплохое образование и как прилежный ученик владел несколькими иностранными языками.

Важнейшим источником осведомления охранки в ту пору являлась перлюстрация почтовой корреспонденции, которая практиковалась правительствами развитых стран. Издавна прибегали к ней и в России. На основании высочайшего указа еще царя Александра III Министерство внутренних дел повсеместно вскрывало, читало, копировало письма «неблагонадежных» адресатов. А некоторые докладывались наверх в подлинном виде. Во время революции почтовая переписка тщательным образом изучалась, расшифровывалась, подвергалась действиям различных кислот для проявления секретного текста. Копии затем направлялись местной охранке для розыска и дознания.

Полагаем, что здесь и случился «прокол» жандармского ротмистра. Его невинные по содержанию открытые письма (почтовые карточки) заинтересовали МВД и самого шефа жандармов. Среди зарубежных

адресатов Ральцевича оказались и члены королевских династий Европы.

После установления адресата и благонадежности С.М.Ральцевича, он никоим образом не пострадал по служебной части, а редкое хобби не помешало служить трону далее. В 1907 году он отвечал уже за половину губернии, а именно Екатеринбургский, Камышловский, Ирбитский и Шадринский уезды.

Первую мировую войну Ральцевич встретил в должности помощника начальника Бессарабского ГЖУ на пограничном пункте в г. Рени, где выслужил звание подполковник.

В 1914 году киевский журнал «Русский Филателист» начал публикацию издания «Русская земская почта и ее марки – исторические очерки», составленные и отредактированные С.М.Ральцевичем. Начавшаяся война отвлекла автора от продолжения задуманного труда.

Нашего жандарма похоронили в 1916 году на воинском кладбище в Одессе, но причин смерти Сергея Матвеевича в 46 лет мы не знаем. Остались дети: Сергей, крещенный в Входо-Иерусалимском соборе Нижнего Тагила в начале 1906 года и Нина, рожденная следом в Екатеринбурге.

Примечания:

¹ГАПК. Ф.162. Оп.2. Д.461. Личное дело С.М.Ральцевича.

²ГАПК. Ф.162. Оп.2. Д.461. Л.30.

³Подробнее *Фомичев И.А.* Город Надеждинск. 1893-1940 гг. Екатеринбург : УрФУ. 2013. С.41

⁴ГАПК. Ф.162. Оп.2. Д.124. Л.58-59.

⁵Правила приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. Утв. 26 августа 1894 г. // ГАРФ. Ф.110. Оп.2. Д.8331.

⁶ГАПК. Ф.162. Оп.2. Д.461. Л.30. Л.4.

⁷ГАПК. Ф.162. Оп.2. Д.461. Л.30. Л.6.

Сведения об авторах

Бессонов Михаил Сергеевич. Историк-архивист, член Уральского историко-родословного общества и Уральского генеалогического общества (г.Екатеринбург).

Борисов Алексей Геннадьевич. Научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ (г.Верхотурье).

Гунгер Юрий Владимирович. Директор Краснотурьинского краеведческого музея.

Дерябина Галина Александровна. Начальник Дерябинского территориального управления Администрации городского округа Верхотурский.

Дьяконова (Шельпякова) Ольга Савельевна. Заслуженный учитель РФ (г.Красноуфимск).

Елисафенко Марина Константиновна. К.и.н, доцент, заведующий кафедрой истории России УрГПУ (г.Екатеринбург).

Желвакова Светлана Константиновна. Научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ (г.Верхотурье).

Зыкин Иван Валерьевич. К.и.н., заместитель главного редактора газеты «Новая жизнь» (г.Верхотурье).

Зырянова Тамара Александровна. Краевед, член Общества любителей Верхотурского края (г.Верхотурье).

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна. Д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИИиА УрО РАН (г.Екатеринбург).

Кашин Владимир Викторович. Исследователь, член Общества изучения истории спецслужб (г.Н.Тагил).

Мальгин Константин Андреевич. Педагог первой категории МБУ ДО ДЮЦ «Мир» (г.Нижний Тагил).

Микитюк Владимир Петрович. К.и.н., старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г.Екатеринбург).

Новиченков Николай Николаевич. Директор ВГИАМЗ (г.Верхотурье).

Подгорнова Элла Анатольевна. Заведующий Центром патриотизма «Родина» МБУК «Публичная библиотека» НГО (г. Новоуральск).

Пудовкин Сергей Игоревич. Педагог высшей категории МБУ ДО ДЮЦ «Мир» (г.Нижний Тагил).

Скробов Виктор Семёнович. Заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член (академик) Академии военных наук, доктор исторических наук, профессор, полковник в отставке (г.Москва).

Фомичёв Игорь Алексеевич. Заведующий историческим отделом ВГИАМЗ (г.Верхотурье).

Черноухов Эдуард Анатольевич. Д.и.н., доцент кафедры истории России УрГПУ (г.Екатеринбург).

Список сокращений

АОАСГО – Архивный отдел администрации Серовского городского округа

ВГИАМЗ – Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ГАОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области

ГАПК – Государственный архив Пермского края

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

НТГИА – Нижнетагильский городской исторический архив

ПермГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РГВА – Российский государственный военный архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

УрГПУ – Уральский государственный педагогический университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ЦДОСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

Содержание

Бессонов М.С. Поколенная роспись Шадриных.....	3
Борисов А.Г. Борьба с социально-чуждыми элементами в Верхотурье.....	24
Гунгер Ю.В. Военные топографы в Богословском горном округе.....	33
Дерябина Г.А. Юрий Степанович Дерябин.....	39
Дьяконова (Шельпякова) О.С. «Главное, ребята, сердцем не стареть!».....	40
Елисафенко М.К. На пути к всеобучу: опыт Верхотурского уездного земства.....	47
Желвакова С.К. Верхотурская инкубаторно-птицеводческая станция.....	53
Зыкин И.В. Механизация лесоэксплуатационных работ в Уральском регионе в 1930-х гг.....	57
Зырянова Т.А. Забытые деревни (окончание).....	64
Казакова-Апкаримова Е.Ю. Городские попечительства о бедных на Урале в начале XX в.: институционализация новых форм благотворительности.....	82
Кашин В.В. Трагедия на Ирбитском тракте 14 июля 1919 года.....	89
Микитюк В.П. Фирма Коробейниковых.....	99
Новиченков Н.Н. «Польский след» в истории Верхотурья.....	108

Подгорнова Э.А. Николай II через призму уральских дореволюционных газет.....	122
Пудовкин С.И. Экономические усилия Советского и Омского колчаковского правительств по увеличению выпуска военной и мирной продукции на заводах Среднего Урала в 1918-1920 годах.....	129
Пудовкин С.И., Мальгин К.А. Новые факты из истории Гражданской войны на Урале по материалам Нижнетагильского городского исторического архива.....	140
Скробов В.С. Исследование военно-исторического опыта Гражданской войны на Урале в научной литературе 1956-1986 гг.....	156
Фомичёв И.А. Надеждинск под властью белых.....	165
Черноухов Э.А. Врачи Богословского казённого горного округа в первой половине XIX в.	197
Гунгер Ю.В. Бронепоезд «Анатолий Серов»	202
Кашин В.В. Загадки верхотурского жандарма Ральцевича.....	203
Сведения об авторах	211
Список сокращений	213

Вестник истории Верхотурского уезда

Выпуск 10

Редакционная коллегия: Борисов А.Г.
Двинских Л.А.
Фомичёв И.А.

Компьютерный набор: Борисов А.Г.

Дизайн обложки: Кузьмина Е.В.

Подписано в печать 29.11.2018
Формат 60 х 84. Усл. печ. л. 17,75
Уч.-изд. л. 15,17 Тираж 100 экз. Заказ № 6844

Отпечатано в ООО «УМЦ УПИ».
620078, г.Екатеринбург, ул.Гагарина, 35а, оф.2
Тел.: (343)362-91-16